

ВЛАДИМИР АКУТИН

ПУТЕШЕСТВИЕ

РАССКАЗЫ

Часть 2

Оглавление

Партийный базар.....	3
САТИСФАКЦИЯ.....	8
По ту сторону.....	12
Гигантизм.....	14
Агент.....	17
Кадровый резерв.....	19
Костоправ в валенках.....	26
Слово из четырёх букв.....	29
Шкурное дело.....	31
Пустячок.....	33
Люблю север!.....	36
По методу профессора Хью.....	39
Башковитые ребята.....	42
Глушницы.....	44
Охота на ведьм.....	48
Овод.....	54
Одна десятая.....	56
Ваятели.....	60
Штатный паразит.....	64
Общий наркоз.....	67
Два удара — восемь дыр.....	71
Рвач.....	73
Агдам.....	76
Теремок.....	80
КРС.....	83
Время - деньги.....	85
Двадцать первый.....	87
Долгожитель.....	90
Воспаление лёгких.....	121

Партийный базар.

Дзержинский базар в центре города Истомска называли так не потому, что железный Феликс здесь семечками торговал, а потому что находился базар в переулке его имени. Возникло торжище в начале девяностых на обломках коммунизма, когда весь город испещрился подобными стихийными базарами, на которых безработный люд стал добывать хлеб свой насущный.

В стихии выживания вначале не было никакой руководящей идеи.

Первым, кто укротил стихию, стал бывший кукловод местного театра Арчибальд Одуреев. Смекнув прибыльное дело, он ринулся к главе местной администрации и долго с ним шептался. И глава местной администрации Дрянников в 1995 году от рождества Христова объявил Арчибальда директором базара «Дзержинский» и присвоил ему все права, оставив за торговцами только обязанности.

Обязанности были просты, как завещание вождя революции товарища Ленина: платить, платить и еще раз платить. Не чужому дяде, а Одурееву! Потому что эра чисто уголовного рэкета уходила прочь, теперь отобрание денег обрело легальные формы: вместо фиксатых урок торговцев «трясли» официальные лица от имени и по поручению муниципальной власти. К Арчибальду в помощь приставили трёх милиционеров-дубинщиков, и бригада в ударном темпе собирала с торговцев дань не просто так, а в законном порядке, с выдачей квитанций. Как Арчибальд делил добычу с Дрянниковым и К летописец толковать не уполномочен. Доподлинно установлено лишь то, что ни рубля из тех денег ни в какие бюджеты не попало.

В те былинные времена рынок стали называть по имени главного его трясуна – Одуреевский! Это был единственный в Истомске именной рынок.

Четыреста торговых палаток рынка были и осталась на века величиной неизменной – не втискивается больше в короткий переулок. Казалось бы, содрать шкур больше, чем имеется «баранов» тут невозможно. Но Арчибальд умудрялся! Он продавал права на одно торговое место сразу нескольким торговцам! Результаты были ошеломляющие: в кровавой битве за место в любом случае побеждал кто-то один, и пока этот один праздновал победу, Арчибальд это место продавал уже другому. И свистопляска возобновлялась практически без малейшей паузы! Арчибальд вызывал милицию, драчунов увозили в КПЗ, а место вновь продавалось... Затем всё повторялось... Динамика развития, темпы накопления с ускорением свободного падения несли Арчибальда к зияющим вершинам капитализма. При столь гениальной тактике результаты могли бы быть и выше, но вмешался рок: оттеснённые от кормушки урки всё же поставили Арчибальда «на уши», и тому пришлось скрываться от общественности.

Рынок на время остался бесконтрольным.

Наступила эпоха застоя. На базаре просто работали. Обычное будничное учреждение розничной торговли без полёта, без мечты, без идеи, без фантазии, без страсти и огня. Место, где одни люди свой хлеб насущный зарабатывают, продавая разные товары другим людям. То есть и те и другие удовлетворяли свои самые что ни на есть низменные

стремления. Всяк сам по себе, без внешнего понуждения и всякой руководящей идеи.

В тот период появились на рынке даже караси-идеалисты, утверждающие, что не так страшен капитализм, как его малюют, и что ежели на то пошло, то вот тебе и пожалуйста! Идеализм, как известно, всегда возникает там, где долго шуки не водились...

Он и кончился, когда контроль на базаром перешёл к странному товариществу с ограниченной ответственностью - «Мясник» - во главе с человеком по фамилии Кацебельзон. Для собора дани с базара Кацебельзон назначил свою администрацию и выдал ей установку: за базар ответишь!

Для начала удвоили цены за аренду торговых мест – голый асфальт.

Следом взялись за возрождение соборного духа на Дзержинке. Администрация, воодушевлённая установкой шефа, объединила торговый люд в профессиональный союз во главе с собой. Охват был стопроцентным, потому что вопрос ставился ребром: или вступаешь в профсоюз и платишь взносы, или теряешь место на базаре. То есть в условиях безработицы это означало: или ты соглашаешься ещё и на «профсоюзную» дань, или по миру пустим.

И все мигом стали членами профсоюза. С этого момента на Дзержинке развернулось широкое капиталлистическое соревнование за право удержаться на персональном рынке Кацебельзона. Установилась конкуренция, отбирающая лучших из лучших. Продавцы и предприниматели, закладывая друг друга, наперебой доказывали, что они лучше тех, кто претендует на их место: другие ещё станут, или не станут членами профсоюза, а эти уже вступили и деньги платят!

Этого скоро стало мало.

Администрация рынка взяла капиталлистические обязательства перед мэрией сделать базар образцово-показательным! Для наглядности возле административной будки воздвигли громадную доску почёта, на которой надлежало красоваться портретам ударников капиталлистического труда. Администрация твёрдо решила вести в передовики поочерёдно всех, и всех поочерёдно перевесить на почётную доску – совершить стопроцентный охват торговых рядов капударничеством! Сделать весь Дзержинский базар базаром капиталлистического труда!

Первым ударником каптруда стал торговец капустой Реваз Ахмет Оглы Сейфульмулюков, а первой ударницей – продавец бюстгальтеров Завываева-Гильдебрандт Элеонора Фердинандовна. Их и повесили первыми.

Капсоревнование ширилось.

Торговые ряды тесно сплотились вокруг административной будки.

Однажды Кацебельзон, прохаживаясь по окрестностям, вступил в ... нет-нет, не в то, о чём вы подумали! Он вступил в партию. Не в какую-нибудь, а в «Единую Россию», возглавляемую шефом МВД Грызловым!

И в рядах ТОО «Мясник» сразу началось широкое движение трудящихся в сторону партии «Единая Россия»!

На Дзержинке партийный вопрос решался организованно, старым, проверенным способом. Администрация рынка каждый месяц перезаключала с предпринимателями договора аренды торговых мест на рынке. Места одни и те же, одни и те же предприниматели торговали

здесь годами, но никто из них не был застрахован от перспективы в любой миг лишиться места. Договор аренды с ним могли перезаключить. Могли не перезаключить. Как захочется администрации.

И в момент очередного перезаключения договоров главари единороссов по-милицейски решительно поставили предпринимателей перед выбором: или ты вступаешь в партию «Единая Россия» и торгуешь на Дзержинке, или иди на все четыре...

Продавцы, предприниматели дружно ринулись вступать в «Единую Россию». Громадная кипа бланков заявления о приеме в «Единую Россию» истаяла на глазах, зато касса переполнилась членскими взносами до верха. Администрация рынка временно прекратила прием в партию – до получения из Истомского областного комитета «Единой России» новой кипы бланков заявлений. Узнав об этом, Кацебельзон вспыхнул: это чёрт знает что!.. И распорядился немедленно возобновить прием в партию, а заявления о приеме принимать хоть на банановой кожуре! Вести прием безостановочно, беспрепятственно, круглосуточно, бесперебойно!.. Перманентно, как говорил товарищ Троцкий.

Это был звёздный час партии «Единая Россия» - в одну ночь в неё влился весь рынок Дзержинский!

Наутро партийный базар выбрали руководящие органы: секретарей партийных ячеек, секретаря партийного комитета базара, бюро парткома и ревизионную комиссию. Структурно партийная организация Дзержинского базара, как и собственно базар, стала структурным подразделением партийной организации ТОО «Мясник» во главе с генеральным директором – Первым секретарём парткома на правах райкома товарищем Кацебельзоном.

Трудовая и административная дисциплина на Дзержинском рынке стала одновременно и партийной дисциплиной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Несознательный торговец раньше мог отделаться за неусердие административным штрафом. Теперь к штрафу прилагалось ещё и партийное взыскание: постановление на вид, выговор, строгий выговор, выговор с занесением в учётную карточку, исключение из партии. То есть, опять же, с базара...

Дисциплина на партийном базаре стала образцовой. Опираясь на широкие партийные массы товарищ Кацебельзон стал самым активным политическим деятелем города. К годовщине победы над фашистской Германией товарищ Кацебельзон в один день собрал миллион рублей «на подарки ветеранам»! Для этого он дал установку администрации Дзержинского рынка, и требуемая сумма была взыскана с партийного базара немедленно. Одиннадцать членов партии, недовольных внеочередным «побором», за несознательность были в двадцать четыре минуты изгнаны из партии и с базара. Больше недовольных не было.

К дню защиты детей товарищ Кацебельзон снова выступил с инициативой, и ещё один миллион рублей был незамедлительно собран «на подарки детям».

К дню независимости Америки товарищ Кацебельзон собрал с Дзержинского базара ещё один миллион рублей «на пламенный привет американским борцам за свободу и счастье всех трудящихся».

К дню образования Израиля товарищ Кацебельзон собрал миллион рублей «на изъявление солидарности с братским еврейским народом».

К дню взятия Бастилии...

К дню взятия Бастилии на товарища Кацебельзона было совершено покушение: в тёмном переулке ему на голову нахлобучили ведро с гнилыми помидорами и стукнули сверху палкой. Так что получить следующий миллион он не успел, отбыл на дачу залечивать моральную контузию...

В партийных рядах немедленно вызрела оппозиция: группа торговцев-дзержинцев потребовала созыва внеочередной партийной конференции с целью смены политического курса. Как бы в поддержку оппортунистов полбазара (члены партии!) отказались платить партийные взносы. Администрация базара без руководства Кацебельзона не знала, что делать и стала тянуть время.

Над партией навис кризис...

Товарищ Троцкий в таких условиях пустился бы в истерические призывы к единению в схватке с отщепенцами и расстрелам предателей. Но товарищ Кацебельзон пошёл другим путём. Товарищ Кацебельзон всегда видел дальше других! Едва не убиенный морально, товарищ Кацебельзон одыбался от полученных потрясений и собрал на даче выездную конференцию истомской «Единой России». В узкой группе товарищей была выработана программа выхода из кризиса, и был взят курс на коллективизацию! Да-да, курс на коллективизацию Дзержинского базара.

Частный предприниматель – частник. Он торгует сам по себе, ни кого не спрашивая чем и почём торговать. Единоличник он. Мелкий буржуй. Кулак. Спекулянт. Мироед. Каждый такой мироед тащит в свою палатку свой частный товар и торгует чем попадя, совершенно не сообразуясь с тем, что делают соседи. На одном и том же Дзержинском базаре десятки палаток торгуют одним и тем же товаром! Это уже не конкуренция, а анархия! Феодализм! Каменный век! Пещерный период! Каждый прёт себе всякой твари по паре, вместо того, чтобы объединиться и экономить усилия, и, соответственно, снижать затраты на единицу товара, повышать эффективность!

А по теории товарища Кацебельзона полная и окончательная победа капитализма на Дзержинке возможна только с преодолением мелкобуржуазной стихии! Без раскулачивания будет сплошное топтание на месте. Выход - в создании крупного капиталистического хозяйства, способного объединить разрозненную стихию индивидуального шкурничества в единый поток коллективного процветания.

Конференция приняла две программы – минимальных преобразований, и максимальных.

Программа-минимум предусматривала объединение оборотных денег торговцев Дзержинского рынка в руках администрации рынка. На эти деньги предполагалось централизованно закупать товары сразу для всего базара - крупным оптом! На каждое торговое место выдавать только один вид товара, выручку со всех торговых точек ежедневно сдавать в кассу базара! В конце каждого месяца подбивать итоги, и выдавать каждому торговцу причитающуюся ему часть прибыли. Естественно, за вычетом прямых налогов, аренды, транспортных расходов, социальных налогов, налогов пенсионных, сборов за охрану,

электроэнергию, уборку территории, накладных расходов и т.п. Каждый выход на работу считать трудоднём. Каждый невыход – прогулом. С вытекающими последствиями...

Программа-максимум включала в себя программу-минимум, как основу, и ещё предусматривала следующее: обобществление всех торговых мест, товаров и всех денег под «крышей» «Мясника» - то есть создание полноценного коллективного хозяйства на основе всех объединенных капиталов. Все предприниматели, продавцы, водители, грузчики, сторожа, дворники рынка Дзержинский становятся рабочими и служащими капиталистического предприятия «Мясник» с присвоением каждому квалификационного разряда или оклада. Базар переводится на круглосуточную работу. Организуются три рабочих смены со скользящим графиком работы. Создаётся единый склад. Бухгалтерия. Отдел кадров. Отдел снабжения и сбыта. Плановый отдел. Автохозяйство...

Появление Кацебельзона живьём со товарищи на Дзержинке внесло панику в ряды оппозиционеров: они срочно погасили задолженность по партийным взносам и каждый написал в партком заявление с требованием привлечь к партийной ответственности ...следовал перечень участников антипартийного заговора, за исключением автора.

Отщепенцы окоченели в ожидании партийных кар. Самые нестойкие дрогнули и побежали в партком чистосердечно раскаиваться. Стойкие, напротив, заскорузли в заблуждениях и пытались подвести под свою антипартийность идейную базу: мы, дескать, не против партии, а за чистоту рядов...

Кацебельзону было не до них. Надо было спешить с реализацией программ минимум и максимум, срочно провести коллективизацию! Именем партии обуздать мелкобуржуазную стихию! Успеть рвануть деньги, которые ещё можно урвать! Пока никто не пронюхал, что решение о закрытии рынка Дзержинский властями уже принято, и скоро не будет здесь ни рынка, ни профсоюза, ни колхоза, ни партии...

2003.

САТИСФАКЦИЯ

Шура Барабанцев сызмалъства любил читать стихи с трибуны. Сначала чужие, потом свои. Напористо у него получалось. Октябрёнком он оглашал своды актового зала чеканными строками:

Я шагаю на парад.
Я сегодня очень рад...

В комсомольские годы Барабанцев отдал дань лирике:

Я целую твои волосы,
И шепчу тебе вполголоса...

Вступление в партию Шура обставил более строгими ритмами:

Я коммунист, и этим горд.
Во мне есть ленинский аккорд...

К любому общественному мероприятию сибирского города Истомска поэт-активист Барабанцев сочинял стихи, любой ценой прорывался на трибуну и доводил свои творческие свершения до широких масс.

Так и вышел в люди.

Стал членом союза писателей и автором пятнадцати поэтических сборников.

При социализме издательства не смели отвергнуть его рукописи, потому что там воспевались героические свершения советского народа под руководством «нашей партии». Плевались редакторы, но печатали. Один попробовал «зарубить» очередную рукопись Барабанцева, и тут же поплатился: обком снял редактора с должности и назначил нового.

Шура стал маститым. Седой, важный, он привычно поднимался на трибуны разных «форумов» и напутствовал слушателей зрителей очередными прозрениями типа:

Мне Ленина слово
Всегда будет ново.
Их жду от вождя,
Как пустыня дождя...

На пике популярности Барабанцев создал целую школу своих последователей – литературное объединение «Барабан». Власть благоволила «барабанщикам», прославляющим подвиги строителей коммунизма.

Время строить и жить помогало.

Когда социализм самоликвидировался, поэт-активист Барабанцев первым прорвался на митинговую трибуну, публично порвал свой партбилет, и прокричал ликующей толпе боль души своей:

Я этим извергом не верю!
Не верю я Руцкому-зверю!
Зачем нам Миша и Раиса?
Мы все – за Ельцина Бориса!

Аплодисменты были ему ответом. А местные писатели и поэты немедленно выбрали Барабанцева председателем своей организации: за смелую гражданскую позицию. И это пошло на пользу организации: в течение короткого времени Барабанцев утроил её ряды, влив в неё

свежие творческие силы своих молодых сподвижников из литературного объединения « Барабан».

Новая власть сочла для себя делом чести поддержать поэта-активиста Барабанщикова и немедленно выделила деньги на издание его бессмертных творений.

Шура стал прижизненным классиком областного масштаба: двадцать восемь поэтических сборников его социально-значимой поэзии заполнили все библиотеки, склады, коридоры дома творческих союзов... Неважно, что книги эти не читали и не покупали, а потихоньку отправляли в макулатуру. Важно, что свой классик появился. А местная писательская организация незаметно стала состоять, в основном, из «барабанщиков» - получился сплочённый отряд сочинителей лирико-социальных стихов на местные темы. Чем гордились и «барабанщики», и не читающий никаких книг губернатор, теперь получивший повод подчеркнуть с телеэкрана, как бы невзначай, о своём внимании к культурным силам области.

Губернатор даже отдельной строкой в бюджете прописал финансирование местного литературного журнала «ИСТОМСКИЕ АФИНЫ», редактором и почти единственным автором журнала стал, естественно, классик Барабанцев. И хотя журнал этот, издаваемый тиражом в двести экземпляров, читали только «барабанщики», зато рекламу ему на бюджетные деньги Барабанцев сделал фантастическую: даже в Сан-Франциско узнали, что в Сибири существует литературный журнал «ИСТОМСКИЕ АФИНЫ»!

Дружная писательская организация Истомской области расцвела, как никогда: проводимые за счёт налогоплательщиков барабанные форумы, форумы, форумы шли чередой, и на всех них путеводной звездой блистал прижизненный классик Барабанцев: читал свои шедевры и рассказывал о том, как скоро им будет рукоплескать просвящённая Европа и дикий Запад. Ему вторили истомские «барабанщики». Истомским «барабанщикам» вторили «барабанщики» других краёв и областей необъятной России. Вопреки прогнозам, крах социализма вовсе не означал крах идейного стихосложения, напротив, освобождённое от цензур и худсоветов, оно расцвело махровым цветом: всякий уважающий себя губернатор и мэр считал хорошим тоном содержать при своём «дворе» пару-другую «барабанщиков».

Новое время настолько расковало творческие силы, что всюду стали возникать новые творческие союзы, организации, кампании и т.п.

Самые продвинутые «барабанщики» Москвы и окрестностей озарились однажды, что они тоже не «лысые» и объявили миру о создании Академии Барабанной Поэзии – АБП.

Собрали Учредительный съезд. От каждого региона немедленно избрали по одному академику, получилось 89 академиков поэзии – и все свои, «барабанщики»! Такой монолитности рядов не знала даже ВКП-б с её уклонами и оппозициями.

Естественно, академиком от Истомской области стал Шура Барабанцев.

Потом академики единогласно выбрали президента, им стал старейший «барабанщик» страны - Евтихей Кучерявый, начинавший свой творческий путь в «Пионерской зорьке», затем воспевший последовательно всех генсеков, а в оконцовке перековавшийся в демократа.

Академия барабанной поэзии выцыганила у министерства культуры помещение под офис Академии, ставки для своего президента и штата сотрудников, плюс дотации на коммуналку и представительские расходы.

И Академия загремела...

В Истомске состоялось торжественное собрание областной писательской организации, на котором дружно чествовали академика Барабанцева.

Речи были блистательны.

В заключительном слове академик Барабанцев обещал и впредь крепить связь поэзии с массами, активно включаться в жизненные процессы области и нести высокое слово...

Но и в дружной семье не без уroda. Пожилой прозаик Угаров, автор всего трёх книг, неожиданно поднялся и прервал выступление Барабанцева ещё более неожиданной тирадой:

-Ты надоел, Барабанцев! Тошнит от твоей патетики! Твой журнал «ИСТОМСКИЕ АФИНЫ» – на уровне колхозной стенгазеты! Только на растопку годен! А твоя Академия барабанной поэзии вместе с тобой – окололитературное кодро, допущенное к доеданию объедков от бюджетной кормушки! Неужели мы приговорены к вечному слушанию твоих тархтелок?..

Классик окаменел, как статуя Командора. Пророкатал:

-Это ты говоришь мне, единственному из здесь присутствующих, кто живёт литературным трудом!?

-Не литературным, а окололитературным! – Уточнил Угаров. – Кормушку ты надыбал хорошую, не спорю. Но какое отношение к литературе имеют твои кормоединицы? Не было б нашего литературного колхоза, не было б и кормушки тебе... Ты со своими барабанщиками, как сорняки, забили всё живое в Истомске!.. Поэзии в городе нет, она умерла! Остались Барабанцев и его кодро!

Шура побагровел.

-За такие слова полагается сатисфакция. – Выцедил он из окаменевшего себя.

Творцы безмолствовали.

-Придётся мне поговорить с тобой по-мужски! – встал Барабанцев.

-Это как? – не понял Угаров.

-А вот так!!!.. – поэт-активист вдруг прыжком перемахнул через стул, отделявший его от Угарова, вцепился прозаику в седые волосы и ткнул его лицом в стол.

-Значит, тархтелки у меня!? Да!? Тархтелки!?!.. Получай!..

-Отпусти!!!.. – взвыл Угаров. –Отпусти-и-и!!!

-Я покажу тебе тархтелки!.. –вошёл в раж классик Барабанцев и тыкал, тыкал неклассика Угарова ликом в стол...

-А-а-а!.. – блажил неклассик, - отпусти-и-и-и!.. О-о-о-!!!..

-Говори, гад! Говори, какие у меня стихи!? – сатанел Барабанцев и снова вмял ненавистного прозаика лицом в стол, как окуроч в пепельницу. - Так какие у меня стихи!?

-Хорошие!!! – архивзвыл Угаров. – А-а-а!.. Гениальные!.. Гадом буду, гениальные!..

-Вот так-то! – отпустил классик неклассика и, отдышавшись, вернулся на своё место.

Растрёпанный Угаров вытер соплю носовым платком, пошмыгал носом и примирительно произнёс:

-Конечно, ты гений по сравнению с Никифором Ляписом из «Двенадцати стульев»... Куда ему с его «Гаврилиадой» до тебя...

-Что!!!??? – Взвился со стула Барабанцев.

-Ничего, ничего!.. – замахал руками Угаров. – Это я так!.. Конечно, у Ляписа стихи ещё гаже твоих!..

-А-а-а!!!.. – взревел классик и коршуном взвился над Угаровым...

Неуклюжий, пузатый Угаров стрижом спорхнул в сторону, чего никак не ожидал Барабанцев, и... и классик с высоты двух табуреток грохнулся об жёсткий стул...

Лежал и не подавал признаков жизни.

-А-а-а-!.. – вскричали очнувшиеся от оцепенения «барабанщики». - председателя убили!.. Милиция!!!.. Убили!.. Угаров убийца!.. Хватайте его!..

Классик зашевелился, потрепетал задом и медленно сполз со стола на пол. Сидел на ковре и щупал на лбу шишку, стремительно увеличивающуюся в размерах: в минуту обрела форму тупого рога.

-Подонок... - разрыдался классик, - мне в Москву ехать...на съезд писателей... Ну, я ему покажу...

Он утвердился в положении низкого старта, развернул рог в сторону обидчика и ринулся...

-Ах!.. – вскричал нервный писатель и от ужаса...прыгнул вверх. И упал на оказавшегося под ним поэта Барабанцева.

-А-а-а!!!.. – вскричали присутствующие.

-Ух... - хрюкнуло внутри Угарова и он скатился со спины Барабанцева на ковёр.

-Ох... - хрюкнуло внутри Барабанцева и он окоченел на ковре.

-Убили!.. Председателя убили!.. – вскричали творцы. Хватай Угарова!.. Милиция!.. Держи его!..

На голове прозаика Угарова дыбом встали клочья седых волос, он кинулся к двустворчатым дверям, в коих была отперта одна лишь узкая створка и ...застрял в зазоре... Трепыхался, как рыба в ячее.

-Получай, фашист пузатый! – разогнался по залу поэт-барабанщик Никола Икотенко и прыгнул на спину Угарова, выставив вперёд ботинки сорок пятого размера... И в тот же момент пузан продавился-таки сквозь дверной проём...

Упал поэт Икотенко на копчик. И отключился.

-Убили!!!.. – вскричали барабанщики. – Ещё одного поэта убили!.. Догнать негодяя!.. Бейте гада!.. Держи-и-и!!!..

Угаров пыхтел в коридоре, норовя доковылять до выхода прежде, чем его накроет творческая волна, тесной собачьей стаей накатывающаяся сзади...

Май 2004.

По ту сторону

Помбур Чечёткин долбил дверь кувалдой. Тяжёлое орудие легко пробивало оба слоя древесно-волокнутой плиты, только выдёргивать застревающую кувалду назад было неудобно.

По ту сторону двери затаился загнанный в свой угол мастер Ходин, имевший глупость вступить в беседу с пьяным помбуром. Логика была на стороне Ходина и крыть Чечёткину было нечем. Тогда он покрыл собеседника матом. Ходин не удивился, и без всякого мата осадил помбура так, что тот оказался в моральной луже, после купанья в которой сохнут долго.

Под общий смех помбур выбежал из комнаты, а когда вернулся вооружённый кувалдой, никого на прежнем месте не обнаружил: ушли в красный уголок смотреть телевизор. Мститель с веским аргументом в натруженных руках ринулся на звуки музыкальной передачи, но вовремя остановился: позади хлопнула дверь. Оглянулся – в его сторону по коридору шёл Ходин, в шлёпанцах и с полотенцем на шее...

-В душ намылился!? – Обрадовался помбур. – Щас я тебя намылю!
И взмахнул кувалдой.

Ходин птицей метнулся назад, благо – дверь в комнату была не заперта. Влетел, щёлкнул замком.

Через секунду дверь застонала. Помбур махом выдолбил дыру с суповую тарелку величиной и сунулся глянуть – где там этот гадёныш?
И в таком положении остался.

Ходин самокатов не изобретал: он просто накинул полотенце молотобойцу на шею и привязал концы к дверной ручке. Помбур затрепыхался. Бесполезно. И руки с кувалдой остались по ту сторону...

А Ходин уселся перед дверью на стул и закурил. Чечёткин смотрел на него несколько свысока, но лица были рядом.

-Слушаю вас, Василий Петрович, - сказал мастер.

-Отпусти, падла!.. - захрипел Василий Петрович.

-А я разве держу? – Удивился Ходин.

Помбур напрягся изо всех сил – куда там! Сидел крепко.

Он непечатно выругался.

-Это вы напрасно, - укорил Ходин. – могу и рот портянкой заткнуть.

Крыть стало совсем нечем. Помбур сопел. Ходин курил и сочувственно смотрел на пленника. Вот-вот из красного уголка должен был повалить народ...

Помбур задёргался сильнее и вдруг... заплакал. Мастер не мешал.

-Отпусти!.. – зашептал помбур.

Мастер молчал.

-Я что, так и буду стоять!? – всхлипнул помбур.

-Встань по-другому, - предложил Ходин.

-Не могу! – Развёл помбур руками по ту сторону двери.

Помолчали.

-Закурим? – предложил мастер.

-Дык... - начал пленник, но не закончил: Ходин сунул по папироске ему и себе, поднёс огонька. Помбур жадно затягивался, держа папироску в зубах, Ходин подставлял пепельницу.

Докурили.

-Отпусти, Степан Сергеич, - попросил помбур, - сдуру это я... извиняй...

-Ну, что вы, Василий Петрович! – Сделал Ходин удивлённое лицо. – С кем не бывает! Пустяки...

Отвязал.

Уволился помбур на другой день, хотя никто ему и не предлагал.

1987.

Гигантизм

Мастер участка подготовки скважин к ремонту сочинял наряды. Дело простое: берешь «нормы и расценки», пускаешь в потолок едкую струю дыма ростовской табачной фабрики, и под заранее известную цифру подгоняешь объемы каких-либо работ. Цифра повторяется из месяца в месяц и нормировщики, набитым глазом пробежав очередное сочинение на невольную тему, подписывают его «влёт».

Это у неопытного мастера вычеркивают из наряда лишние строки, не раскрывающие содержания или выходящие за рамки темы. Обычно же всё идет «как в книге написано», и дальше ученые машины обсчитывают потолковые цифры с беспристрастностью прокурора.

Наряды у Георгия Ивановича были готовы заранее, но утром прислали новый перечень норм и расценок, и теперь требовалось срочно все пересчитать и переписать. Особенно погрузо-разгрузочные работы.

При генеральном секретаре Андропове погрузка на автомашину одной тонны соли вручную стоила двадцать копеек – цена буханки хлеба. Андропов помер, генсеком стал Черненко. И за погрузку тонны соли стали платить вдвое меньше – десять копеек. То есть, при неизменной зарплате, получилось двукратное повышение производительности труда в один момент. Надо было только переписать наряды и удвоить количество записанных в них тонн.

Соли на приготовление тяжелого раствора для глушения скважин нефтяники изводили много. Но если пересчитать всю соль, записанную в нарядах, то выходило, что ее только нефтяники перелопачивают больше, чем производит страна. Замешанным из нее рассолом можно было бы залить всю тундру до Ледовитого океана.

Георгий Иванович смеялся: если раньше, чтобы заработать червонец в день, его работяге, по чьим-то расчетам, полагалось перетаскать на горбу за смену пятьдесят тонн соли, то теперь – сто! На двадцать рэ – двести!.. И так далее.

Одна тонна – двадцать кулей. Десять – двести. Сто тонн – две тысячи пятидесятикилограммовых кулей....

-Гиганты! - удивился мастер такой арифметике.

Он попробовал представить, как выглядела бы такая работенка вживе...

Вот, например, Хватов, прозванный Фантомасом, подходит к поддону, рывком отдирает от громадной кучи примерзший мешок, тащит, забрасывает в кузов «Краза». Первый...десятый...сотый...

Силы на исходе, но вот уже двести кулей на машине! Брошены в снег промокшие от пота шапка и телогрейка. По лысой голове струится горячий пот, ухудшая видимость, кровельным железом грохочут заледеневшие штаны.

Вот Фантомас зашатался под очередным кулем! Пытается шагнуть еще!.. Упал. Легкий парок над распростертым телом смешивается с морозной дымкой...

В кабине проснулся водитель. Зевает, потягивается, затем высовывается в окошко, кричит:

-Скоро там?!

Замечает лежащую на снегу фигурку, бросается на помощь: бережно укладывает упавший мешок на мокрую спину Фантомаса:

-Вставай, брат! Глаза бояться, руки делают!

Фантомас нехотя поднимается (на кой такая жизнь?), делает шаг... другой... Вот и борт кузова. Долго стоит, волком глядя из-под нахлобученного на него груза, соображает и ... забрасывает куль на трехметровую кучу!

Все ясно – пришло второе дыхание.

Тяжело переваливаясь на ухабах, отходит первый загруженный «Краз», еще несколько таких же молотят несносимыми дизелями в ожидании погрузки.

Второе дыхание скоро кончается, третье долго не приходит. А еще потребуются четвертое, пятое... двадцать пятое...

На каком-нибудь семьсот тридцать пятом мешке измочаленный гигант полутораметрового роста рухнет на размытый соленым потом снег, и бешеный пульс отстучает по мозгам упрямую мысль: осталось 1265 кулей...

А потом на месте трудового подвига воздвигнут что-нибудь железобетонное. Управление, естественно, переименуют в «имени Фантомаса», учредят призы его имени...

И на всю эту суету с цементного барельефа будет сурово смотреть небритое лицо титана с любимой беломориной в каменных губах. Его сутулая фигура станет символом неразгаданной внутренней силы. Учрежденный следом Орден Сутулого в нескольких степенях будет символизировать эту неразгаданность в других гигантах, которые долго еще не выведутся в стране Советов.

-Подумать только, никто этого не оценил, - зажурился Георгий Иванович, - разве что ОБХСС иногда косится...

Мастер закурил, набросил на плечо косматый полушубок, вышел на крылечко балка.

У горизонта месил небо «Ми-восьмой». Над далекой копотью газового факела вились тучи слетевшихся с окрестной лесотундры ворон. Где-то там неспешно ковыряют соль Фантомас и его команда – гиганты, не подозревающие о своем гигантизме...

От близкой поселковой пекарни несло ароматом свежего хлеба. У котельной шайка псов кайфовала под горячим коленом дымохода.

Трехосный «зиллок», внебрачный сын папаши «Студебеккера», выкатился из-за бани, и ткнулся битым рылом в сугроб у пекарни. Из скворешника кабины по частям выдрался Федька Угаров, глянул на дверь пекарни, на машину, крикнул шоферу:

-Гринька! Разверни Труфальдину задом к двери!

Гришка сманеврировал. Федор отстегнул борт, за «уши» подтянул к краю куль муки, взвалил на безразмерную спину и исчез в пекарне, пинком открыв дверь.

Еще один гигант с георгиевского участка: приходится отвлекать людей и на хозработы. За день мельтешения растащит такой гигант по пекарне и столовой десяток кулей муки и кубометр гнилой картошки: что писать в наряд? Цена всей его суете - полтинник. Написать, что перенёс на горбу десять тысяч мешков картошки? Хай пыдыметса: щами, заваренными с той картошкой, можно залить и Северный Ледовитый!!!

-Ладно, - усмехнулся мастер, - припишем еще пару соленых пирамид Хеопса-Фантомаса, одной больше, одной меньше – кто их тут считал? Здесь не Африка...

1987

Агент

Агент работал наверняка. В свои семьдесят людей он перевидел всяких и на контакт шел смело. Умел подбирать отмычки к чему угодно и к кому угодно.

Когда старикан постучал в дверь к Аркадию Шараеву, тот уже после приветствия послал его далеко. Но агент не пошел. Он посидел на диванчике возле комнаты, полистал свои бумажки и сунулся снова. Разбуженный на самом интересном месте после ночной смены, Аркаша посмотрел на агента сурово и сообщил, что сейчас его ушибёт.

- Молодой человек! - прокуренными голосовыми связками скрипнул домогатель, - это будет стоить тебе гораздо больше, чем предлагаю я. Статья двести шестая, часть вторая, предусматривает минимум год изоляции. А я гарантирую солидное вознаграждение семье, если твоя пошлая жизнь с божьей помощью оборвется!

От такого вступления Аркаша вспотел.

-Ты чего накаркиваешь, старый матрас?

-Если бы тебя с ясельного возраста пороли только натуральным кожаным ремнем, а не паршивыми кожзаменителями, сейчас бы ты разговаривал со мной, как Чемберлен с Чичериным!

Грубый человек Аркаша растерялся впервые за последнюю пятилетку.

Агент обкуренным пальцем отодвинул помбура в сторону и прошел в комнату. С таким видом расположился за столом, словно именно из-под него в свое время вышел пешком.

-Фамилия, имя, отчество, - скрипнул агент.

-Ты что, дядя, допрос снимаешь? - опомнился Аркаша.

-Допросят тебя другие! А я оформляю страховку не на предъявителя, а на конкретное лицо.

-А ты мое согласие спросил? - подивился наглости помбур.

-Я спрашиваю только фамилию, имя, отчество, а не согласие или несогласие всяких прочих и разных! - рубил старикан.

-Да ты откуда такой выполз? - разозлился помбур.

-Откуда и куда выполз – не твое собачье дело! - отрезал агент, - отвечай только на вопросы!

-Ах. Ты, пёс троюковский! - Аркаша сгреб старикана за пиджак и попытался одним броском выкинуть его из комнаты.

Старичок бодро взбрыкнул – услышался треск разрываемой материи. Пиджак развалился на две фалды от шеи до поясницы. Аркаша оторопел и выпустил агента из мозолистых рук.

Тот опять уселся за стол.

-Ну. Вот, статья двести шестая есть, часть уточним, - удовлетворённо сказал он.

-Как так? - опешил помбур, имевший опыт знакомства с УК РСФСР.

-А вот так, - старикан показал разорванную спину, - при исполнении и с явным цинизмом.

-Ты что, деда? - заробел помбур, отгрохавший одну из пятилеток своей жизни в усиленном режиме.

-Я тебе не деда! – Строжился старикан, - давить надо таких внучков! А ну, быстро: фамилия, имя, отчество!?

-Заявлять пойдешь? - затосковал помбур.

-Здесь вопросы задаю я! - гвоздил агент. Быстро отвечай!

-Шараев Аркадий Петрович, - сник помбур.

-Распишись! - старикан ржавым пальцем ткнул в бланк.

Аркаша расписался.

-Всё, - поднялся агент, - деньги вычтут. Повестку принесут.

-Погоди, деда, - засуетился Аркан, - замнём, а? Давай я пиджачок зашью! Мигом!

-Прочь! – агент отодвинул Аркашу и вышел.

-Деда, стой! Поговорим! Будь человеком! - неслоь вслед. - Деда-а-а..!

Деда не оглянулся. Мотая фалдами, он вышел из общежития и направился в комнату командированных. Там достал принадлежности, реденько заштопал фрак тончайшей ниткой и снова взялся за свои бумаги.

-Так... - бормотал дед под свой обкуренный нос, - Серова я голыми руками возьму... Горин сам сдастся, интеллигент запуганный. Во! Сейчас Парфентьева на кукан насажу!..

Он легонько подёргал фалды: поехали. Остановился вовремя. С утра уже третий раз зашивал пиджак...

Промахов у него не бывало.

Кадровый резерв

Вася Хренов «залетел» на почве употребления там, где для этого и почвы-то никакой не было – на нефтепромысле Озерном! Крепче прокисших щей и огуречного рассола там была только солёнка. И вот те на – отличился товарищ старший производственный мастер Хренов Василий Петрович. На территории нефтепромысла, превышающей по размерам графство Йоркшир вкупе с островом Туамоту, попасться на начальственное око было непросто. Васе это удалось.

Начальник промысла, по табели о рангах находящийся где-то между мальчиком для битья и председателем совета министров автономной республики, сделал Васе «стой-там-иди-сюда-будь-здесь» и собеседование продолжил уже в конторе. На укоризненные намеки начальника Вася ответил контратакой, выдержанной в духе проверенной, надёжной тактики:

- Не было, Виктор Александрович! Вы что!? Здесь-то! На производственных площадях!

- Было, Василий Петрович, было, - грустил Виктор Александрович, - газило от тебя вчера, как от скважины. Да и рассказали уже подробности...

- Когда? Где? Чего? - гремел Василий Петрович.

- Вчера. В общежитии, портвейн три семерки, до песен... матерных...

- Кто? Кого? Как? - борзел Василий.

- Все. И вас лично, своими глазами... - вздохнул шеф.

И загремел старший мастер Хренов Василий Петрович, в порядке исправления, на самый что ни есть близкий к конторе управления участок мастером: мозолиться о начальственное око без персональной надбавки и премиальных, с трехмесячным поражением в правах...

На новом рабочем месте, в разбитом балке-вагоне, встретила его компания из четырех опарафиненных с ног до головы нефтяничков, от коих последовательно отреклись все шесть промыслов управления.

С первого взгляда на новых побратимов Василию стало не по себе: казалось, что скважины от парафиновых пробок чистят не с помощью этих ребят, а прямо ими самими. Уж на что Василий насмотрелся «чертей» в подземном ремонте, но тут и он слегка оробел. Поторчал у порога, признался:

- Будем знакомы, мастером меня к вам... Василий. Хренов.

- Кеша! - представился неопределенный мужик рыжего цвета.

- Вольдеморд! - сообщил паренек с шифоньер величиной.

- Не скажу... - буркнул некто, лежащий на лавке, с лицом, закрытым донельзя измахраченной шапкой.

- Серёга он! - выдал бородач, представившийся Толиком.

- Васек, значит... - задумчиво произнесла шапка, - Васёк Трубачёв и его товарищи...

Закурили. Ветерок закидывал в расхлестанное окно подержанные рублевки листьев, осыпающихся с близкой березы. От жары трещали волосы на голове, но двадцатикиловаттный неуставной «козёл» упорно нагонял градусы. Пахло разогретым машинным маслом и

палеными пимами, хотя ни того ни другого тут не было. Были охнарики преимущественно беломорских сортов слоем на два пальца по всему полу и на шесть в углах...

Говорить было нечего, всё было ясно.

Василий вышел на волю, отдышался. Полдюжины ржавых стеллажей-подставок вдавило в осеннюю грязь тоннами насосно-компрессорных труб, накиданных «костром» – пропащее дело для них. Смотрелось всё это хозяйство скирдами гнилой соломы в захиревшем колхозе, откуда разбежались все, кто ещё мог двигаться. «Японские трубы-то, с высаженными концами, полторы сотни валютой каждая! - всхлипнула подотчётная душа. - Штанов не хватит расплатиться за них...» « Молчи, дура! - прикрикнул на неё Василий. - И не такое списывали...»

Душа всхлипнула и спряталась.

С близкой автотрассы свернул «Урал»-трубовоз и всеми ведущими сразу ухнул в колдобины, ведущие к трубным кучам. Долго он там рычал, продираясь по финишной стометровке к трубам-стеллажам. Выполз.

Водитель высунулся из своего скворечника, крикнул Василию:

-Здорово, дядя!

-Привет, тётя.

-На сорок первый куст полсотни трёхдюймовых! - бодро скомандовал «водило».

-А хоть сорокадюймовых! Бери, всё своё! - сообщил из вагона Вольдеморд. Облокотившись изнутри на подоконник, он заполнил оконный проём без зазора. Из балка донёсся придушенный рёв: « Отзынь от окна, холера! Задохнёмся!» Вольдеморд чуть потеснился, допустив в балок струю свежего воздуха.

«Водило» настороженно посмотрел на ржавые стога, неуверенно уже предложил:

-Грузите.

-Не, - замотал головой Вольдеморд, - нам вера не позволяет.

-Какая Вера? - не понял шофёр, - кладовщица, что ль?

-Не. Другая. Которая опиум для организма.

-При чём тут опиум?

-Экий ты бестолковый, братан! - укорил его Вольдеморд. - Опиум, значит – яд! Для организма. Подорванный у меня организм, вот что.

Шофёр подозрительно осмотрел вольдемордов «организм», торчащий в окне глыбой. По глазам видно было: не верил.

-А у тех? - кивнул он.

-А у тех вообще нет организмов, - вздохнул Вольдеморд, - одни матрасовки остались.

Шофёр озабоченно посмотрел на Василия. Тот быстро сориентировался:

-Я нездешний!

-Да вы чо!.. - замитинговал было шофёр, но одумался и просительно продолжил, - меня ж путёвкой сюда заслали, трубы возить...

-Вози, - пожал плечами Вольдеморд, - раз надо, значит вози. Нам вон не надо, так мы и не шебуршимся.

Шофёр поразмышлял минуту-другую, поднял стекло, погазовал и заглушил двигатель. Видно было, как гнездится на отдых: в стекло упёрлись стёртые подмётки кирзачей...

-Вы всегда так работаете? - спросил Василий.

-Всегда мы не работаем. - Уточнил Вольдеморд. – Всегда работать нельзя: сердце раньше времени остановится. Но иногда – бывает. Толик вон как-то летом чуть было не ухватился за трубу, так еле отговорили всем хором. Да по весне, вроде, было что-то...

-За что ж вам деньги платаят?

-А нам и не платят!

-Как не платят?

-А так. Кидают по три сотни в зубы, так разве ж то деньги? Не... За такие деньги на нас можно только сесть. Слезить уже не придётся, сами скинем.

Василий задумался. Ветер пошалил малость облетевшей листвой, наволок откуда-то дождевую морось со снегом, стало знобко, неуютно. Натянул на шапку капюшон, спрятал руки в карманы, неспешно прошёлся по площадке. Непогода не смущала: приполярный сентябрь другим не бывает. Свыкся за три пятилетки. И три месяца почетной ссылки...

Наутро Василий прошёл в конторку цеха. Начальник, Фокусевич, протянул руку, не отрываясь от радиотелефона, ткнул пальцем в сторону стульев – там уже восседали мастерские мужики озабоченного вида.

-Как не завезли!? - надрывался Фокусевич. - Вчера ещё была дана команда! Да!... Нет!.. Да!.. Кому ты мозги паришь!.. Вот он, рядом!

-Василий Петрович! - обратился он к Василию, - Сколько вчера трехдюймовых труб на сорок первый куст закинули?

Василий Петрович поперхнулся было, но три северные пятилетки, приравненные к четырем обычным, кой- чему его все же научили.

-Полсотни! - соврал он.

-Полсотни!!! - вне себя закричал Фокусевич. - И не пудри мне мозги! Не хочешь работать – так и скажи!.. Значит и премии не хочешь! Считай, что её у тебя уже нет!.. Что? Хренов? Да у него всего четыре активных штыка!.. Вот ты и помоги ему! Всё равно без труб вам там делать нечего!.. Присылай людей! Техники тут море!

-Сколько тебе машин на сегодня надо? - вновь повернулся он к Василию.

-Пять. - Ничем не моргнув, снова соврал на всякий случай Василий, сам не зная зачем.

-Бери у диспетчера четыре! Остальные не угоняй!

-Ясно, беру четыре, - вновь соврал-посулил мастер.

Прихватил на всякий случай шесть трубовозов, оформили путёвки и покатали в сторону трубных скирд. Четыре «Урала» - трубовоза по пути пропали неизвестно куда. «Хрен с ними, - подумал Хренов, - будет при случае на кого сослаться, коли что». Ещё один «Урал» прочно сел в грязищах у самых скирд.

На двери похилившегося вагона-балка висел замок величиной с артельную пепельницу. Василий сунул голову в распахнутое окно: никого. Только охнарики, выпрямившиеся в обратную сторону,

свидетельствовали, что давно здесь нет живых душ – выстудилось вагонное чрево.

Василий погулял возле скирд, залез в кабину «Урала». Поболтали с шофёром о том о сем, не заметили, как задремали.

Проснулись от крика. Митинговали в вагончике. «...Куда?!.. Куда?!.. А ну положи карту!.. Я те дам валет!.. Разуй глаза!.. Сам ты колун!.. А ты тундра!..»

Из окна на мир божий задумчиво зрил мужик незнакомого облика. «Сергей!» - догадался мастер по шапочным признакам. - Вчера он так и не поднялся со скамьи, вечером со всеми в общагу не поехал...»

-Приветствую! - бодро сказал мастер.

Мужик сурово посмотрел на приветчика, смолчал.

-Ты что такой озабоченный? - попытался разговорить молчальника мастер.

Мужик посмотрел на него большими глазами и отвернулся, показав громадный прожог на телогрейке сзади.

Иннокентий и Толик с Вольдемордом хлестались в бесконечную «тыщу». Охнарики опять выгнулись вялыми чебаками: хвосты и рыльца вверх – бесконечно могучий «козёл» был уже врублен и успел нагнать сатанинскую жару. Василий сел на замазученную скамью, поинтересовался:

Диспетчер звонил?

-Не работает... - Кеша, не отрываясь от карт, ткнул пальцем в сторону рации: штеккер питающего провода болтался под столом. Мастер воткнул его на место, рация захрипела.

-Зачем? - удивился Толик. - Так хорошо без неё.

-Трубная площадка! Трубная площадка! - закричал диспетчер так громко, будто за дверью стоял, дожидаясь Васю Хренова.

-Накаркал! - огорчился Толик. Дотянулся до провода и выдернул его из гнезда. Стало тихо. Надо было что-то сказать, но слов подходящих не находилось. Василий вышел из балка.

Ржавые трубо-скирды, казалось, выросли за ночь. Из болота у края отсыпанной площадки торчала мятая тракторная кабина – то ли утопший, то ли раскулаченный. От газового факела несло вонючей чернотой.

Василий погулял на свежем воздухе, отдышался от вагонного зноя и вернулся в пимо-машинный кошмар.

-Так, - сказал он, - утром в конторе предупредили, что пора пройти очередной инструктаж по технике безопасности, кому срок пришёл. Анатолий Солдатов, Иннокентий Кобылинский, Сергей Заварзин – ноги в руки, в колонну по одному, и с песней на устах в контору!

-Нужна нам эта безопасность, - заворчал Толик.

-Не вам, а нам, мастерам нужна,- утешил Василий. - Ты неаттестованный загнешься тут от жары и вони, кто виноват? Правильно, мастер. Так что – с богом! Завтра без отметки в удостоверениях до работы не допущу.

Мужики нехотя зашевелились.

-Армяки мазутные скинули бы, - заметил мастер, - вырядились...кто вас таких в машину посадит?

-Мы на работе! - возразил Толик. - Пусть все видят, что при деле, а не хухры-мухры. А ехать и не собираемся – пешком прошвырнёмся. Тут верста всего, к вечеру дотопаем.

-Троица вымелась из вагона и поплелась в сторону конторы. Три жуткого вида фигуры оскверняли пейзаж, пока не скрылись за поворотом.

Василий вырубил «козла», сел. Вольдеморд возлег на широкой скамье напротив, подставив стул под не уместившееся на лавке плечо. Резкие щелчки от остывающего «козла» нарушали тишину, зато в вагоне посвежело.

-Что это Сергей у вас такой угрюмый? - спросил Василий.

-У-у-у... - протянул Вольдеморд, - тоскливая жизнь у него начинается – мастером на Озерный переводят!

-И что с того?

-Как – что? Взвоешь после нашего отстойника.

-Отказался бы, не на аркане тянут.

-Отбрыкивался! Ему напомнили про диплом и партбилет. В порядке партийной дисциплины – и весь разговор! Отсиделся тут, мол, пора размяться. Всё, приказ уже подписан, первого ноября – на крыло.

-Да уж, - посочувствовал Василий, - трудновато с непривычки-то к работе привыкать.

-Что ты! - согласился Вольдеморд. - Я после политехнического три года на заводе мастерил, так мне после увольнения ещё три года планёрки снились. Сюда прибёг – как с каторги на курорт попал. Даже боялся, что это просто сон, который вот-вот кончится. Сейчас освоился, успокоился. Затащи-ка меня снова на завод – аркан отгрызу!

-Да уж...- бормотнул мастер.

-Вон Кеша, как сюда попал, долго томился по своей школе, - продолжил Вольдеморд, - Сейчас приутих, на кооперативную квартиру скопит – уйдёт. А вот Толик в свой колхоз не вернётся, этот хватил и воли и неволи выше ноздрей.

-В смысле?

-Председателем колхоза был, ну по недомыслию и взялся поднимать хозяйство, как вольный фермер. Начальство его тресь да тресь по маковке: не высовывайся! У нас миллионеров нет! Выполняй руководящие указания! Толик сдуру гнул свою линию, пока его самого в бараний рог не согнули: партбилет на стол, получи статью из УК и семь лет усиленного режима вправления мозгов... Полсрока оттянул, выполз по амнистии и на пересуд подавать не стал, хотя советовали. Плюнул на всё и сюда. Первое время волком смотрел, потом отходить стал, он вообще-то компанейский парень. С вахты прилетает в свою деревню и полмесяца по дому копошится, рыбку удит в пруду. Звали в колхоз – бесполезно. Так ему в отместку пол-огорода оттяпали! А он начхал на это: я, трактует, на свою зарплату полдеревни скуплю! Вы будете растить продукт на своих гектарах, а я – кушать его... И-и-и-эх! - потянулся Вольдеморд. - Что-то вахта нынче долгой кажется. Иль погода томит? Через два дня домой...

-Окно застеклили бы, - заметил мастер.

-На кой? - И так спина не индевеет.

-Зима ж на носу.

-Вот на маковку сядет, там посмотрим...

-Ну и кадры вы.

-Кадры как кадры, - пожал плечищами Вольдеморд, - кадры везде одинаковые, от бухты Провидения до Ужгорода. Мы, можно считать, в резерве. Вроде кадровых консервов в масле.

-И консервы, бывает, вспучивает. - Хмыкнул Василий.

-Здесь условия хранения подходящие, - успокоил Вольдеморд, -долго не испортимся. Моя Тоня утверждает, что я помолодел с тех пор, как с завода сюда сбежал. Ты сам-то надолго к нам?

-На три месяца.

-Ой-ёй-ёй! - засокрушался Вольдеморд. - Всего-то? И там опять Озёрный. Смотри, если что, возвращайся к нам! Перед тобой тут Алексей Тюкалов мастерил, так он плакал, когда его на повышение отсюда выдернули. Кое-как успокоили двумя по ноль-пять: покорись судьбе пока, а там сотворишь аморалку, разжалуют и вновь сюда сошлют, и уже никогда дёргать не станут – лишенец он и есть лишенец, это уже на всю оставшуюся жизнь, будешь жить по-человечески.

На автотрассе замаячили мазутные пятна – это возвращались трое недавно ушедших. Впереди шагал Толик. Запихав руки в брюки, нахлобучив на глаза шапку, он выкидывал вперед кирзачи особым «кандибобером», как на проволоке вихлялся. Кеша что-то недоказуемое доказывал Сергею: махал руками, будто драться лез...

-Явились не запылились? - удивился Василий, когда трио ввалилось в балок. - А собирались неделю сдаваться.

-Безопасного инженера на месте не оказалось, - пояснил Кеша, - говорят, на четвёртый промысел улетел. Чепе там: то ли трубой навернуло кого-то, то ли трубу навернул кто-то.

-Значит завтра вы у меня в прогульщиках числиться будете. - Посулил Василий. - До работы не допускаю!

-Что ты! - испугался Толик. - Мы сами себя до работы не допустим! Брякнул тоже – работа!.. Погибели нашей захотел?

Сергей прошел в свой угол и лег страдать дальше. Остальные продолжили «тыщу» до неизвестно какой тыщи.

Снег повалил сразу, без увертюры. Большие лохматые хлопья укрыли ржавые стога, болотные кочки. За белой мглой исчез лесок по ту сторону площадки. Казалось, тёплая каюта балка покачивается одиноким стругом в белом океане, унося в неведомые дали недосказанные байки минувшего лета, растрёпанную команду внутри и пару листьев, прилипших к подоконнику снаружи.

К концу первого месяца ссылки Василий впал в задумчивую созерцательность, и уже без ностальгии по прежней работе всматривался в ржавые скирды труб, свою беспутную команду, снежные пейзажи. Второй месяц прошёл под знаком лёгкой тоски в связи со скорым окончанием опальной жизни. Третий месяц околотрубных размышлений окончательно отрезвил его. Василий взял ручку, бумагу формата 290 на 210 и вывел: « Начальнику нефтегазового управления... Прошу перевести меня на постоянную работу в должности мастера вспомогательного участка...и не возвращать на прежнее место работы в должности старшего мастера...»

Начальник не возражал. Начальник и не мог возражать, потому что он никогда не бывал на вспомогательном участке, и даже не подозревал о его существовании. Потому что в той же табели о рангах он числился уже где-то между председателем совета министров автономной

республики и королём британского содружества. Упомни-ка, кто и где скрывается от работы на столь обширном пространстве...

1987

Костоправ в валенках

Костя Прибытков привёз на вахту сенсацию: то ли в Жмеринке, то ли в Сыктывкаре объявился мужик с фантастической способностью « в два прыжка, три прихлопа» излечивать всякие радикулиты и прочие спинно-мозговые напасти. Берет, якобы, тот костоправ-самородок хворого человека под мышку, приподнимает и резко встряхивает. И - абгемахт! Все довольны, все смеются.

Когда Костя поведал о чудодейственном врачевателе в балке у растворщиков, те только ушами попрядали, но мнений не высказали. А когда он повторил своё соло заскочившему в балок погреться сварщику Шура, тот сразу хлопнул обрезиненными верхонками об стол:

-Свистишь, Кока! Меня тот кореш ещё встряхнул бы – три пуда весу вместе с галошами. А Юрку Хомина чем встряхнёшь? Гранатой?

-Так тот мужик, говорят, с коня габаритом!

-Всё равно... - отмахнулся Шура, - и на коня слоны найдутся.

-А может, он их на лямках подвешивает и за ноги дёргает? - предположил матёрый радикулитчик Джордж, - то же самое ведь получается.

Костя призадумался, гипотезу не отверг.

-Давай на тебе испробуем, - предложил он Джорджу, - ты давно на задний мост жалуешься...

Джордж посмотрел на Константина без всякого доверия, хотя и просматривалось в его глазах еле уловимое « и хочется, и колется».

-Валяй, Джордж! - Подбодрил Шура. - Попыток не убыток, тряхни позвонками!

-Разве что попробовать, - неуверенно произнёс Джордж, - только погоди, когда скрючит.

-Да я тебя хоть щас скрючу! - Воодушевился сварщик. - Айда, кину на тебя с верхнего поддона куль соли!

Про Костю забыли сразу, как только дело взял в свои беспокойные руки сварщик Шура. Джордж еле отбрыкался от него.

А скоро Джорджа скрючило: мешки с солью ворочать изо дня в день – не семечки лузгать. Неистовый Шура немедленно приставил к балку-вагончику плаху, погнал страдальца на крышу.

-Вот и попробуем горбатого исправить! За ноги дергать не станем, их и оторвать недолго, подвесим краном, сам и прыгнешь! Такая встряска выйдет – тому сыктывкарцу и не снилось!

Юра Хомин подогнал свой автокран к балку, вывел стрелу и приспустил над крышей гак:

-Стропи!

Шура привязал Джорджа под мышку обрывком прочного кабеля, накинул петлю на крюк.

-С богом!

Джордж потоптался на краю пропасти, посмотрел вверх, вниз, задумался.

-Ну, чо очкуешь! - заторопил его Шура. - Пошёл! - и двинул нерешительного приятеля валенком в зад. Джордж некрасиво взвизгнул и пал с крыши. Завис на кабеле, немного не достав калошами затоптанного снега, закачался бельём на ветру.

-Ну, как? - спросил сверху Шура.

-Хрен его знает... - Сообщил повешенный. - Ну-ка, ещё раз.

-Майна! - Рывкнул сварщик.

Джордж выпрягся из удавки, постоял, настороженно к чему-то в себе прислушиваясь, потом сделал первый робкий шаг...другой... прошёлся по площадке.

-Полегчало? - домогался нетерпеливый Шура.

Джордж пожал телогреечными плечами, сделал несколько приседаний, наклонов, опять пожал плечиками:

-Вроде ничего, - глупо заулыбался он, - не пойму...

-Ну вот, а ты боялась! - Возликовал Шура. - Кто следующий?

Зеваки-растворщики, наблюдавшие за костоеправлением, на призыв не откликнулись – то ли страдальцев не было, то ли страдания не были большими.

О шурином чудедействе раззвонили на весь нефтепромысел. Первым приковылял заскорузлый мужичок в необъятных ватных штанах, недоверчиво и тоскливо оглядел перекуривающих в балке растворщиков, спросил:

-Который тут Шура-костоправ?

-Ну, я, допустим, а что? - отозвался Шура-сварщик.

-Поясницу прихватило – гибель...

-Вон, с него надо начинать, - кивнул Шура на крановщика, - тряхнём, Юрец?

-Какой базар! - Развел руками Юрка. – Хоть за ноги, хоть за шею.

Мужику разъяснили суть метода и погнали на крышу. Тот кряхтел со слезами на глазах, но упорно лез на стену, подпихиваемый сзади лопатой-штыковкой.

-Заарканивайся и прыгай вот сюда! - Шура плюнул в снег, обозначив точку приземления. - Да расслабься ты! Чего скукожился!

Мужик впрягся в кабельную ляжку, сделал несколько попыток прыгнуть, но останавливался в последний миг.

-Зажмурься! - Посоветовал Шура.

Мужик зажмурился, потрепетал малое время у роковой черты и ...свалился вниз кулём. Повисел, открыл заплаканные очи.

-Ну, как? - тут же спросил Шура, - может ещё за ноги дёрнуть?

Мужик отрицательно помотал головой, потыкал пальцем вниз – майните, дескать.

Юрка приспустил трос. Мужик утвердился на калошах, но не устоял, ахнул, ноги у него подкосились, и он пал в снег в стороне от обозначенного Шурой места. Его рассупонили, подняли, а он стонал, согнувшись, и не двигался с места.

-Падла... - захрипел мужик, - шарлатан поганый...

-Ты глянь, какие слова он знает! - Завозмущался Шура, - я тебя, что ли, согнул? Могила тебя исправит, хроник несчастный! Ему помочь хотели, как человеку, а он ещё лаяться! Чеши отсель, и пусть тебе доктора примочки на копчик ставят!

Мужик подёргался, но с места сойти не смог. Крепко, видать, прижало. Растворщики смотрели сочувственно и вроде бы как даже виновато.

-А нашим всем помогло! - Сообщил Шура. - Может, не так прыгнул?

Мужик стоял всё тем же вопросительным знаком, уперев руки в ватные колени, и тихо матерился.

-Слушай, - сказал Джордж, - а мне помогло, в натуре тебе говорю. Может повторишь?

-Не знаю... - томился мужик, - я сейчас с самолёта без парашюта прыгнул бы, чтоб уж к одному концу...

-Повторим! - загалдели все. - Лезь, поможем!

Снова заарканили бедолагу.

Шура бурундуком шмыгнул по плахе на крышу, бережно принял груз. Установил мужика в исходную позицию, поправил на нём ляжку.

Мужик зажмурился, постоял над пропастью и вновь открыл красные очи.

-Не могу, - сознался он.

-А ещё без парашюта прыгать собрался! - уязвил Шура и двинул его сзади валенком.

Мужик подстреленной птицей упал вниз. Когда его выпрягли, мужик встал, поторчал на полусогнутых, сделал шаг...другой... пошёл! Обошёл вокруг балка, изумленно посмотрел на притихших зевак, сделал ещё круг. Ещё. Остановился возле Шуры, виновато улыбнулся ему:

-Ты, это, ну, извиняй. И правда отпустило, что ли...

Растворщики зашумели:

-Конечно! Не всем одного раза хватает! Мы-то думали чо, а оно вон чо! Конечно, случай случаю рознь!

На промысле запрыгали. Но странно – нигде никому прыжки не помогали. А когда отчаявшиеся страдальцы приезжали за помощью на растворный – как рукой снимало! Пусть и не с первого раза. Поднаторевший в деле сварщик Шура давал бестолковым ходакам советы и утешал павших духом:

-Организмы у всех разные, одному раза за глаза достаточно, иному кадрили мало. Прыгай смело, всё равно допрыгаешься.

Но исцеление наступало только при личном участии Шуры.

-Слово он знает, что ли? - дивились все.

Шура и сам не знал, что он знает. Но однажды, спихнув своим растоптанным валенком с крыши чёрт знает какого по счёту заробевшего ходака, он оцепенел и долго стоял с открытым ртом.

-Ты чо там окоченел? - поинтересовались снизу.

Шура очнулся и задумчиво произнёс:

-Кажется, я понял, чего им всем не хватает...

-Чего!?

-Моего валенка!

Слово из четырёх букв

Жизнь вдвоём в одной комнате вахтового общежития имеет свои особенности: если тебе захотелось перекинуться парой фраз с соседом, а тот лежит, как обесточенный, – энергия покидает и тебя. Разговаривать со стулом в лучших домах посёлка принято было лишь в исключительных случаях, сама исключительность коих подтверждала правило.

Когда одному есть что сказать, но некому, а у другого есть кому, но нечего – жизнь скучна, как сломанный телефон.

- Митька помер и уши не попросил, - попытался оживить Генка своего приятеля, неподвижно вытянувшегося на койке. Тот не отвечал, остекленелым взором уставившись в потолок.

А Митьку не то что хлебом не корми – вовсе не корми, дай лишь неразгаданный кроссворд – его одну, но пламенную страсть. Получив по мозгам удар заковыристым вопросом, Митька переставал жить. Пока не находил контрудар-ответ. В нирване мог находиться бесконечно.

Где-то в глубинах митькиных полушарий, умещавшихся в шапке пятьдесят шестого размера, перелопачивался поток информации, непосильный и компьютеру четвертого поколения, а внешнего выхода этот кошмар не имел: эрудит лежал пластом, сцепив руки на животе, застеленном свежим номером «Огонька».

Генка подошёл к телу, выдернул из-под рук журнал.

-Чем тебя сегодня пристукнуло?

«Река из четырех букв на «Б» начинается и на «и» кончается на Дальнем Востоке»-прозвучало от Митьки, хотя рта он не раскрывал..

Генка порылся в дырявой памяти: сквозняк.

-Может опечатка? - предположил он.

Митька не удостоил его ответом. Кроссворд для него был больше, чем Коран для правоверного. А к помощи географического атласа он не прибегал по принципиальным соображениям.

Генке наскучило беспробудное молчание, пошёл шататься по общаге. В соседней комнате играли в «дурака с ушами». Это интеллектуальное занятие требовало непоказной отваги: проигравшего вся компания хлестала по ушам оставшейся у него пачкой карт. Охотников на такое мероприятие находилось немного, но уж если играли, то до умопомрачения. Генке очень хотелось дождаться конца роббера, но скоро почувствовал дурноту: накурено было так, что очередные папироски не горели, а тлели. Выскочил в коридор, отдышался.

В слудующей комнате пили чай.

-Садись Геня, - предложили пришельцу, -прополощи змеевик.

-Ещёте сами. Таким раствором только заборы красить! Скажите лучше, кроссворд в последнем «Огоньке» видели?

-Нет. А что?

-Митька опять помер. - Геня разъяснил ситуацию.

Знатоков географии было много. Перебрали все реки от Дальнего Востока до Ближнего – ничего подходящего.

-Может пересохла? - Сказал Валерка Мельников.

-На Дальнем Востоке-то?

Если бы энергию и усилия, затрачиваемые на разгадывание таких вот вопросов направить на решение практических проблем, например,

создание миниатюрного аккумулятора большой энергоёмкости, то двигатели внутреннего сгорания вымерли бы сразу. Через неделю были бы готовы техническое обоснование, расчёты, рабочие чертежи и опытные образцы величиной не более гранёного стакана, способные без подзарядки гонять ледоколы по всей Арктике в течение пятилетки.

Вопрос увлёк, компания отправилась на поиски географического атласа или сверхзнатока. Простых знатоков навалом было в каждой комнате, но связать четыре буквы в подходящее слово им оказалось не под силу.

Искомое обнаружили у мастера Фёклина. Генка полистал атлас и нашел на Дальнем Востоке речку по названию Бичи.

-Точно! Бичи! - Грянул хор. - Где ж им ещё быть, как не на Дальнем Востоке! Чем дальше на восток, тем больше!

Толпа двинулась к Митьке. Новопреставленный лежал в той же позе и на появление гостей не отреагировал.

-Дима, есть слово из четырёх букв! Шевельнись, скажем!

Слов из четырёх букв Митька знал не меньше компании, вместе взятой, и ни одна щетинка на его небритом лице не шелохнулась.

-Шевельни ушами и получи речку! - Измывались знатоки.

Митька молчал, как рыба в пироге. И знатоков это огорчало. Посыпались гнусные предложения по способам оживления усопшего. Митьке надоела их суета. «Катитесь вон бичи паршивые теперь тропический цветок из шести букв без начала и конца» - прочревовещал явно Дмитрий без знаков препинания, как робот Гоша из популярной телепередачи.

Любой из присутствующих готов был поклясться головой соседа, что никаких признаков жизни при этом Митька не обнаружил. Да и само чревовещание его было необъяснимо – не было у Митьки чрева! Была впадина на соответствующем месте, и родить она могла бы лишь писк. Тем не менее все ясно слышали фразу и каждый готов был отдать на отсечение соседскую голову, что речь шла о шести буквах!

А Митька опять помер, и надо было что-то делать. Строем прошли в соседнее здание, где была библиотека и энциклопедия растительного мира, откуда коварный составитель кроссвордов мог безнаказанно выковыривать заковыки для ударов по эрудитствующим мозгам.

Друзей иногда приходится выручать даже тогда, когда это не надо никому, включая самих друзей.

В этом тоже загадка...

Шкурное дело

Родное управление вахтовика кормит, поит, обувает, одевает. Когда оно одело двухметрового Джорджа в овчинный полушубок чуть ниже пояса, он взял – дарёному коню в зубы не смотрят. Мог и не брать, контора не обиделась бы. Мог ждать хоть пятилетку, когда сошьют тулупчик по нему.

Он решил сшить сам, для чего замыслил:

1. Казённый полушубок-недомерок загнать на толкучке.
2. На вырученные деньги купить овчинные шкуры.
3. Шкуры выделать.
4. Из выделанных шкур сшить полутулупчик, вроде бекеша, по своему размеру.

Друзья-приятели предложили Джорджу плюнуть на эту затею и пришить к недомерку фалды – получится меховой фрак! Джордж отверг: во фраках нефть не добывают, а законодателем мод стать ему возраст не позволяет. Так и повез с вахты домой ни фрак, ни шинель, ни душегрейку.

Полуторасотенный полушубок у него чуть ли не с руками оторвали за две сотни ещё на дальних подступах к толкучке. Покупатели мигом просекли, что продолговатый мужик с овчиной под мышкой на торговца не тянет, и допускать его на само торжище не обязательно: там ему могут дать и три сотни! А кому это надо, если уже сейчас от него можно отделаться двумя сотнями и следом самим взять четыре?

Братья Расстригины привезли Джорджу за полторы сотни из своей деревни четырнадцать прекрасных, собственноручно содранных шкур. Невыделанные овчины смахивали на шиферные листы, и наивный Джордж удивлялся: как могут овцы ходить в таких жёстких телогрейках? Наверно они тоже не могли отклонить подарок судьбы, носили, что дала.

Превратить этот шифер в материал для шитья бекеша в полумиллионном городе не взялась ни одна специализированная артель: не выделяем ноне, министр запретил! Другой министр запретил выделку шкур кустарю-нелегалу Митричу, но тот на запреты начал, и ещё за полторы сотни через неделю выкинул Джорджу четырнадцать мягких пушистых овчин: носи, дядя, на здоровье! На здоровье последние пятьдесят лет Джордж не жаловался, но носить было пока нечего: впереди маячили ещё покраска и пошивка...

Наивность Джорджа была столь беспредельна, что после многочисленных отказов в разных ателье и мастерских он пошёл со своими шкурами к начальнику бытового управления. Он кинул мешок с овчинами на пол и начал изложение со столь далёкого конца, что начальник усёк: пока посетитель доберётся до сути, можно умереть, воскреснуть, снова послушать повествование, и окончательно помереть со скуки.

-Слушай, дорогой, что ты хочешь? - приблизил финиш начальник.

-Покрасить... - ходок вывалил шкуры на пол.

-Всё ясно! Покрасим. Только убери поскорее свои ремки!

Начальник взялся за телефон и отдал чёткое, ясное распоряжение. Всерьёз. Чутьё подсказало ему, что игры с такими простаками себе

дороже. Этот жаловаться не пойдёт, но сюда теперь будет ходить как на работу, выпьет всю кровь, если сейчас не отделаться от него малой...

Джордж воспринял всё, как должное, и поволок куль в покрасочную. Приёмщица смотрела на ходока подозрительно, но шкуры приняла, взяла деньги и выписала квитанцию. Предложила зайти через неделю.

Через три месяца Джорджу всучили мешок с черными скальпами и вытолкали из покрасочной: надоел, как гудящий столб.

В меховом ателье обмерили фигуру, взяли шкуры и предложили зайти через полмесяца. Через полгода мастер Конев сообщил, что бекеша не состоится: шкуры переварили при покраске, и они расплзаются! И швырнул в Джорджа мешок с мехами.

В покрасочной мастерской от шкур отrekliсь – не мы!..

Джордж поехал в бытовое управление. Начальника не было. Была женщина-куратор с бойцовской хваткой и жёсткой жизненной позицией. Она быстро разъяснила клиенту всю нелепость его домогательств так убедительно, что он вывалил испорченные шкуры на ковёр начал повествование с самого начала...

Кураторша перебивала, вмешивалась в повествование со своими комментариями, но пришелец вёл свою партию неуклонно и неотвратно.

Потом Джордж закурил, и кураторша от какой наглости впала в истерику: послала его вон. Джордж не пошёл. Докурил беломорину до надписи, выкинул охнар в окно и продолжил рассказ.

Взбешенная кураторша прокричала, что ему заплатят за спалённые при покраске овчины по госцене – гроши! – и ни один суд его протесты слушать не станет. Джордж вздохнул и начал рассказ сначала...

Рабочий день закончился, а ходок ещё не добрался и до середины эпопеи. Кураторша злилась и ждала одного: когда же уберётся вон этот пень двухметровый?! Такого в её практике ещё не было. Мало ли кто совался сюда со всякими домогательствами. Всех отшивали так, что они забывали про претензии, радовались уже тому, что с них самих не взыскивают причинённый ими ущерб сервису!

Джордж события не торопил: ходил и ходил. Кончилась осада совершенно исключительным для сервиса результатом: домогателю вручили громадный, с воротником выше ушей, новый тулуп безразмерного образца – будто с мамонта содрали. Где сервис раздобыл это диво, ему знать, но он никому об этом не расскажет. Чтоб другим неповадно было.

А на то, что скажет другим Джордж, начхать: ему всё равно никто не поверит.

Пустячок

Что такое пустяк - объяснит другому всякий. И непременно упустит в объяснении один какой-нибудь маленький пустячок, который сведет «на нет» самую стройную теорию. Ибо нельзя объять необъятное, как говаривал Козьма.

От грошевых свечек зачинались московские пожары, чихал роковым образом Бонапарт, шумела Русь в картофельных бунтах... Много чего пустякового имелось в основе непустяковых событий и наоборот. Тут непросто разобраться досконально во всем - жизнь всегда может показать неожиданную фигу, и тогда надо создавать новую теорию. Есть подозрения, что во всем и у всех - свои пустяки и свои важности. Пустяк, он потому и зовется пустяком, что возникает на пустом, вроде бы, месте. Не ждали, не гадали и - нате вам: суду все ясно! Только это уже после ясно, а не до. Когда обнаружится, что пустое место здесь, это то, чего мы еще не знали. Или знать не могли. Или не хотели...

В вахтовом поселке у Полярного круга вдруг насмерть подрались помбур Жора Хомич и тракторист Юра Лиманов - два давних друга. И если бы не разняли их своевременно сбежавшие соседи по общежитию - быть бы беде: окровавленные мордобойцы уже хватались за предметы обихода, попадающие в судебно-медицинских актах под определение “тяжелые, тупые...”

Из-за чего?

Полюбил Юра до помрачения ума Соню-хохотушку - повариху из поселковой столовой. Что из этого? Не он первый. И что с того, что он часа не может прожить, не видя Соню вживе или на фотокарточке? Разбросал он эти фото везде: на тумбочке, на столе. Ну и что!? Жора-то тут при чем? Жора, если на то пошло, сам иногда уходит на вечер к соседям, чтобы не мешать парочке ворковать в комнате наедине.

- Лучшая дама Сибири и Дальнего Востока у нас в гостях! Приветствую! - сказал Жора, входя вечером в комнату, где они жили вдвоем с Юрой, и где сейчас Юра с поварихой Соней распивали “индейские” чаи с общепитовскими пирожными.

То, что Жорины манеры не целиком вписываются в рамки джентльменского кодекса, Юре известно было давно, и он не видел в этом ничего особенного. Он давно обнаружил в Жоре свойства более стоящие, нежели изящество манер. Хотя и не отрицал ценность хороших манер как таковых. И вот сейчас!..

Сейчас Юра угрюмо засопел, и лицо его стало скучнее зазубренного топора. Сонечка что-то сообразила и стала прощаться с милой улыбкой:

- До свидания, мальчики! - и выпорхнула.

Жора скинул куртку и сапоги, устало опустился на койку.

- Ты что серым волком на меня смотришь, Юрец? - подивился он сумеречному состоянию друга.

- Если ты ... с Соней... еще так будешь... - процедил Юра бульон душевного отвара сквозь позолоченный частокол стиснутых зубов.

- Да ты о чем, Юрец? - Заудивлялся Жора. - Какая цеце тебя укусила? Соня, что ли?

- Не смей! - вспыхнул Юра Лиманов. - Если ты еще хоть слово о ней!..

- Вы что, белену тут с ней ели? - подивился Жора такому накалу страсти.

- Замолчи! - уже вне себя зарычал Юра.

- Чихал я на вас! - подосадовал Жора и развалился на кровати, кинув продолговатые мосолыги нижних конечностей на спинку. - Что за народ пошел, мелкий, но пузатый: плюнь в рожу - он драться...

И не договорил: Юра сгреб друга за ворот, нависнув над ним серым лицом.

- А ну, руки! - скомандовал Жора. - Кому говорю: убери крабы!

И он так ломанул Юрины фаланги, что у того глаза чуть не выскочили из-под "минус три".

- Пусти, сволочь!.. - выдавил из себя Юра.

- Это я-то сволочь? - поразился Жора, и резко толкнул Юру в сторону его койки. Тот шмякнулся задом о постель и затылком о гулкий простенок, но тут же вскочил и кинулся к Жоре. Вот тут-то Жора ему и вlepил...

Но зато и Жора не ожидал от несильного дружка такой прыти: вскочивший на ноги Юрик начал клевать его, как очумевший дятел, так остервенело и с такой частотой, что жорина голова зазвенела.

Спасибо проектировщикам - простенки в общежитии были не толще КЗoТa без комментариев - в одном конце здания будильник зазвонит - все просыпаются. А тут соседи на шум-гром сбежались, будто за дверью стояли.

Жора замыл истерзанный лик под краном и ушел ночевать к соседям.

Примчавшаяся по тревоге Сонечка замыла лицо Юре и осталась ночевать с ним.

Добитый таким неожиданным поворотом событий, Юра вошел в минорное состояние и готов был всю оставшуюся жизнь ежедневно получать плюхи, только бы эта ночь продлилась хоть на минуту дольше обычного.

Но ночь - она и в Африке ночь - рано или поздно она везде кончается. А Сонечке на работе полагалось быть спозаранку, и она упорхнула в шестом часу, оставив заминоренного Юру приходить в себя и самому решать вопрос - что есть что и кто есть кто.

Жора пришел часов в семь, не глядя в Юрину сторону начал собираться на работу.

- Жор... - робко произнес Юра.

Жора не ответил.

- Жор... - еще робче произнес Юра.

Жора молча накручивал портянки.

- Жор, дай мне в рыло... - попросил Юра.

Жора исподлобья зыркнул на друга-недруга, явив в насупленном взоре проблески недоумения.

- Дай мне в рыло, Жора, - попросил Юра, - потом еще раз дай и... прости...

- Вы что, в самом деле белену тут ели? - не выдержал Жора.

- Не знаю... - сказал Юра, - я и без белены вчера кого-нибудь укусил бы...

- С чего это? - хмуро поинтересовался Жора.

- Да, так... я думал, это твоя работа...

- Какая работа? - насторожился Жора.

- Вот... - Юра подал Жоре фотокарточку.

На снимке была Соня, спутать ее очаровательную фигурку нельзя было ни с какой иной. Но кто-то подрисовал ей с обеих сторон костыли, протез на левой ноге и черную кожанку на правом глазу. Вдобавок на голове из чудных локонов торчала фигой крупная шишка с символическими лучиками, изображавшими сияние, а ниже шла подпись печатными буквами: "Люби меня всякую и такую тоже...".

-Ну и что? - не понял Жора.

-Я думал, это ты ее разукрасил... а Соня потом призналась, что это она сама подрисовала, когда я в буфет за пирожными бегал ... прости, братан...

-Пустяки, - проворчал Жора.

1987

Люблю север!

Виктор Помидорыч Загребенко попал в вырезвитель в невменяемом состоянии. При задержании у нарушителя изъяли бутылку самогона. Против которого партия и правительство вели беспощадную борьбу. И с носителями порока тоже.

Все, что имело произойти с Помидорычем в заведении, произошло. Дальнейшее жизнеописание сильно зависело от взгляда на событие со стороны цехового комитета.

Почта в последнее время стала работать не в пример проворней: все извещения-сообщения явились на работу одновременно с Помидорычем.

Летал он вахтой на полудикий Север седьмой год, собрал уже все доступные льготы и надбавки. Деньги очень уважал и умело их делал своими приспособленными ко всякой работе руками — рубль получался весьма продолговатым. Терять такое место было ему — нож в сердце.

Случай подвернулся некстати: потребителей погнали с северных вахт косяками, как осень выметает из этих мест перелетную пернатость. Рассчитывать на авось не приходилось. Рассчитывать можно было только на свою голову, которой Помидорыч тоже умел работать...

Сегодня Помидорычу предстояло объясниться с цехкомом, хотя никаким Помидорычем он и не был — прозвали так за цвет лица, что ли.

— Ну, Виктор Егорыч, рассказывай, как ты до такой жизни докатился, — сразу, без вступления, начал предцехкома Алексей Мызгин, — вроде, все уже собрались.

Помидорыч встал, потискал заскорузлыми пальцами шапку, погладил себя по лысоватой головке. Не говорилось. Хотя и готовился. Он постоял, посмотрел в сторону, взгляд уперся в почетную доску. Увидел на ней себя. Ты глянь! А он и забыл уж. Да и то сказать, когда он сюда заходит. Фотографировали победителей соцсоревнования давно, они тогда и значения этому никакого не придавали. Какое там соревнование: работали как работалось.

Неожиданная встреча с самим собой развеселила. Снят был Помидорыч на рабочем месте: заплетал петли у стропов. Стоит с кувалдой в одной руке, в другой — зубило. На рукава телогрейки натянуты голенища от женских сапог-чулок — верное спасение от вездесущей грязи. Еще и Пашка за токарным станком виднеется, но нечетко уже и невыразительно. А Помидорыч орлом смотрится!

— Значит, так... — начал Помидорыч, — был у шурина в гостях... употребил... злоупотребил... Ну... поехал домой. На троллейбусе...

Замолчал.

Цехком внимал, но продолжения все не было.

— При чем тут троллейбус? — спросил Мызгин.

— Как при чем? Уснул я там. Ну и... это... изъяли меня...

— А самогон откуда взялся? — встрял помбур Козин.

— Того не ведаю, — потупил очи Помидорыч.

— Как так? — удивился бурильщик Бляхин. — Куда ехал — помню! Откуда ехал — помню! Где взял самогон — не помню?!

— Знаю... — вздохнул Помидорыч.

— Известно, что мы коллектив от пьяниц очищаем? — вступил в беседу начальник цеха Гордин.

— Знаю... — вздохнул Помидорыч.
 — Ну и какие выводы? — поинтересовался Гордин.
 — Вывожу не я, вы выводите...
 — Ну, а все-таки, сам-то что думаешь? — домогался начальник.
 — Что я могу думать... мне думать нечем, — прибеднялся Помидорыч,
 — одно скажу: люблю Север!
 — Север или северные? — съехидничал противный Козин.
 — Я, товарищи, можно сказать, прирос к этим местам, — начал набирать обороты Помидорыч, — и пересадку в другую почву могу уже и не пережить.
 — Ого! Вот это штиль! — изумился Гордин.
 — Как же ты два раза в месяц по графику такую пересадку выдержишь? — продолжал змействовать Козин. — Под наркозом, что ли?

Но сбить Помидорыча с курса — дохлое дело.

— Да, — вещал он, — я полюбил эту землю! Проститься мне с ней — удар! Но я готов. В память о годах, прожитых в суровом Севере, сегодня ночью я написал стихотворение. Называется «Все одно не жить!». Вот оно... — Помидорыч нацепил дальнозоркие очки, достал из телогрейки бумажку и начал читать, хотя никто его об этом не просил. От резкого поворота событий никто и слова не успел сказать.

Приехал вахту проторять
 на север я друзья
 на тундре факелы горять
 и все одна семья
 Уеду сердце замолчить
 и жить не буду я
 пуцщай и факел догорить
 и ты моя семья... —

оттарабанил Помидорыч без знаков препинания и выражения, но зато гулко, как кувалдой в пустую бочку. Смолк.

Профсоюзные мужики смотрели на него так, будто не только никогда его не видели, но и видеть не могли.

— Ты к чему это, Поми... горыч? — почему-то шепотом спросил Мызгин.
 — Ты что, а?

— Я-т чё, я ничё! Другие вон чё, и то ничё! — несло Помидорыча. — Это вас надо спросить — вы чё? У вас всегда так: на аварию в ночь ехать — Помидорыч! Собакам сено косить — Помидорыч! Всем отпуск летом, Помидорычу — в знойном январе! Правильно, топчи его, Помидорыча, он безотказный, бессловесный! Митьке Хватову, вон, машину вне очереди, а Помидорычу — калоши-маломерки! Да что там калоши, верхонки не допросишься!..

— Погоди! — опомнился Мызгин. — Погоди, ты о чем?!

— Все о том же! — гремел Помидорыч. — Николке Нечитайло ковер четыре на пять, а Помидорычу — шиш вяленый в ноздри и вычет за сломанные пассатижи! А когда иноземные путевки делили, так сразу...

— Да погоди ты! — вскочил Гордин. — Ты что мелешь?!

— Правильно! — одобрил Помидорыч. — Оскорбляй Помидорыча! Чего не покуражиться над безответным... Молодцы, ребята, молодцы! Хорошо устроились: один под стогом, семеро на стогу и кричат — не заваливай! Большие умники! Только я хотел бы у вас спросить...

— Да хватит тебе! — вспыхнул Гордин. — Все! Уймись! Получи выговор и иди работай!

— Это за все хорошее!!! — взревел Помидорыч. — За все мои страдания!

— Да иди ты отсюда! — вскипел Мызгин. — Хватит базлатъ, страдатель! Давай, не задерживай, не один ты такой!

Куда там!

Вывели Помидорыча под голенища и захлопнули за ним дверь, но он и в коридоре продолжал выкрикивать протесты. Мызгин держал дверь за ручку, не спешил впускать очередного «залетчика»...

По методу профессора Хью

В четвертой бригаде ели собаку. Сваренное со специями в двухведерном алюминиевом бачке мясо было не хуже баранины. Поэтому сообщили по радио диспетчеру нефтепромысла, чтобы обед им сегодня не привозили. Дежурная, Анна Сергеевна, удивилась:

— Вы что, голодовку объявили?

— Да, — согласился бурильщик Смыкин, — хватит, натерпелись!

— Что случилось? — встревожилась Анна Сергеевна.

— Это мы изложим в письменном виде, — пообещал Смыкин.

Машинист подъемника Рафик Нагибулин и помбур Серега Ухов многозначительно засмеялись: если держать бак с собачатиной на морозе, голодать можно до конца вахты, неделю.

На связь с четвертой бригадой вышел мастер Мохов.

— Вы что там митингуете, чем недовольны?

— Не скажу, — сказал Гриша Смыкин.

— Это что, тайна, что ли?

— Тайна!

— Какой тогда смысл в голодовке? — удивился Мохов.

— После напишем!

— Кому? — не понял Мохов.

— Найдем! — пообещал Гриша.

Рация замолчала, перекурила с полчаса, затем закричала голосом начальника цеха Щуковского:

— Эй, голодающие! Ответьте, голодающие! — надрывался начальник на всю тундру в радиусе действия промысловой радиостанции.

— Что! Что надо! — всполошился чей-то сонный голос в эфире.

— Кто голодает? — встрял другой радиослушатель.

— Четвертую ремонтную голодом морят, — пояснил третий невидимый знаток.

— Четвертую вызывают, а не вас! Уйдите со связи! — рассердился Щуковский. — Не мешайте!

— Они, наверно, уже копыта откинули... — предположил кто-то.

— Да уйдите же со связи! — злился Щуковский.

Бесполезно. Его забили неведомые голоса. Эфир загудел как анархистский митинг. В четвертой бригаде чутко прислушивались к дебатам: те дошли уже до точки — слышались утверждения, что четвертая давно вымерла, только начальство скрывает ото всех трагедию, чтобы не привлечь внимание широкой общественности...

— Убрать кастрюлю! Кости за борт! — скомандовал Смыкин. — Сейчас на нас налет будут делать!

Когда у бригадного балка-вагончика тормознул «УАЗик», артель Смыкина озабоченно суетилась у подъемника, вытягивая из скважины колонну труб. К ним на рысях подбежали Щуковский, Мохов, профорг Юрков.

— Стой! Стой! — замахал руками профсоюз.

Рафик остановил лебедку, высунулся из своего скворечника.

— Пойдемте в балок! — крикнул Щуковский.

В вагончике расселись по лавкам.

— Вы что, протестанты болотные, чокнулись? — взял быка за рога профорг. — Почему от пищи отказываетесь?

- Неохота! — ответил за всех Сергей.
- Кончайте темнить! — застрожился Юрков. — Почему от еды отказались?
- Наше дело! — заявил Рафик.
- Было ваше! — завозмущался Щуковский. — Теперь вся тундра про голодовку триндычит! Вы о коллективе подумали?
- Подумали. Стройнеть мы будем по методу американского профессора Бэби Хью! — отчеканил Рафик.
- Тебе не вредно, едва в будку втискиваешься, — сказал Щуковский, — а остальные-то зачем?
- А мы из солидарности! — заявили остальные.
- А куда это вы писать грозилесь? — поинтересовался Мохов.
- В Америку, — сказал Смыкин.
- В ООН, что ль?
- Не. Профессору Хью!
- А что это за гусь такой?
- Не гусь, а знаменитый физиолог! — укорил его Рафик. — Журналы читать надо, темнота!
- При чем тут журналы?
- При том... физиолог Хью выдвинул оригинальную идею оздоровительного голодания, — разил несмышлениша Смыкин, — вот журнал, читайте, просвещайтесь!
- Сами читайте! — отбоярился от предложения Щуковский. — Вы у нас шибко грамотные...
- Не, не шибко, в самый раз, — уточнил Гриша.
- А если в самый раз, то возьми и объясни сейчас промыслу, что к чему, — предложил начальник, — а то о вас уже черт-те-что болтают!
- Это можно, — согласился Гриша и включил рацию на передачу.
- Внимание! Внимание! — заверещал Гришка в микрофон. — Работает вся радиостанция четвертой бригады! События последнего часа трактует Григорий Смыкин! Бригада номер четыре сменным составом начинает курс оздоровительного голодания по методу знаменитого профессора Бэби Хью! Желающим присоединиться даем бесплатные консультации в десятой комнате второго общежития!
- Эфир оживился.
- Эй! Смыкин и его придурки! Голодайте дальше, очереди в трактире короче станут!
- Гриша! — Воззвал другой, — Райке твоей расскажем, она тебя на вахту без копейки отправлять будет!
- Мужики! Не робейте, мы с вами! В чемоданах вас после вахты довезем!
- Зачем чемоданы? В нефтепровод кинем, домчит их по трубам вперед нас еще, и в задвижках не застрянут.
- Где там застрять! После голодовки они обтекаемыми станут. Шеренгой проскочат, стенок не заденут! А дома их бабы с порошком в стиральных машинах провернут, высушат, выгладят — как новые будут!
- Полемика стала неуправляемой, делегация укатила.
- Два дня «протестанты» были самыми популярными людьми на промысле. Слава могла расти и дальше: собачатина еще не кончилась. Идею предал Рафаэль: под «век воли не видать» попросил своего дружка тайно принести хлеба — без него еда не еда.

И о секретной тайне заговорили все. Смысла в «голодовке» уже не было...

А постройнеть не удалось...

Башковитые ребята

Когда об мишкину голову разбили первую трехлитровую банку из-под маринованных огурцов, он сказал: «Раз!»

Когда об него разбили вторую, он ничего не сказал, все было ясно без слов: выиграл! Гошка веником смел с мишкиной головы мелкие осколки и пошел за мусорным ведром.

О том, что он выиграет в этом тотализаторе, Мишка знал. Мужик он был битый. Вначале, когда он рассказал товарищам про то, как однажды на его голове разбили бутылку перцовки, все засмеялись. А Гошка Рыжов так прямо заявил: «Не свисти, Мишель!». Котов и Павлов, которых здесь называли просто — Котопавловы, - дружно закивали Гошке: так, дескать-мол и мол- дескать... И хотя в вахтовом поселке этих придурков никто всерьез не принимал, поддержка была обидной.

— Не верите, спросите Федьку с Фантомасом! — сказал Мишка.

— Где они, твои фантастические Федьки! А банки — вот они, — Гошка кивнул на стол, уставленный стеклянными трехлитровками. — Если выдержит твоя бестолковка хоть одну банку, ящик пива за мной!

— Если хоть одна банка выдержит удар об мою башку — два ящика пива за мной! — закусил удила Мишка.

— Да ты хоть одну выдержи! — куражился Гошка.

— Ах ты, салага! — вскипел Мишка. — А ну, бей две подряд!

Он сел на стул посреди комнаты, Котопавловы растянули его за руки в разные стороны, чтоб не вышло промашки, если дрогнет в последний момент.

Вот так и ударил Гошка... лицом в грязь.

Котопавловы смотрели на победителя Мишку восхищенно. Гошкин авторитет опустился ниже нуля.

— Ставлю три ящика пива, что выдержу три банки! — выпалил вдруг Гоша.

Котопавловы ахнули. Гошка был непоколебим. Распяли Гошку. Три банки раскололись о его космы одна за другой. Мишка был потрясен.

— Четыре! — скомандовал Мишка и спихнул Гошку с лобного стула.

Котопавловы распяли Мишку вдругорядь. Гошка отошел к столу несколько заплетающейся походкой, выбрал банку без этикетки, чтоб не смягчать удар. «Тресь!» — посыпались осколки. Выбрал другую...

В комнату вошел мастер Лысков.

— Что за побоище? — поинтересовался мастер, глянув на пол, усеянный осколками.

В этот миг Гошка взмахнул банкой...

— Ты что, очумел?.. — Лысков успел перехватить гошкину руку.

— Не мешай, — пролепетал Мишка, — щас моя очередь!

— Пусти, — слабо вырывался Гошка из объятий мастера и вдруг обмяк, повис у того на руках.

Его сложили на койку, пощупали пульс: стучало.

— Идиотизм! — возмущался Лысков. — А если крякнет?

— Салага он еще против меня... — начал, но не закончил Мишка и завалился со стула вперед на пол.

Котопавловы кинули его на другую койку.

— А вы куда смотрите! — накинулся на них мастер. — Пособники идиотов! Соучастниками по делу пойдете!

Котопавловы засуетились, начали реанимировать бойцов подручными средствами. Мишка отворил очи, когда на него плеснули из графина.

— Сколько? — утомленно спросил он.

— Чего сколько? — не понял Лысков.

— На какой банке я вырубился?

— Лежи! — разозлился Лысков. — Не то я сейчас сам тебя добыю! Чемпион!

Мишка томно прикрыл веки.

С Гошкой было сложнее. На воду он не реагировал. Нашатыря в общежитии век не водилось, милосердные братья сунули ему под нос банку с хлорофосом.

— Вы здесь все шизанулись! — рявкнул Лысков и отобрал зелье.

Тут Гошка открыл глаза, мутно посмотрел на мир, попытался встать.

— Сколько?.. — умирающе спросил Гошка.

— Чего сколько? — опять не понял мастер.

— Сколько Мишка выдержал?

— Всего три!.. — доложили Котопавловы.

— И я три... — успокоился Гошка.

— Если завтра не выйдете на работу, все строим по одной статье пойдете! — посулил мастер. — А Котопавловы еще и как подстрекатели!

— А мы-то чё? Мы ничё... — заныли Котопавловы, которые могли подстрекать, разве что, друг друга у бадьи со щами.

Наутро квартет в полном составе садился в автобус, чтоб ехать на нефтепромысел. Как ни в чем не бывало.

А Лысков в своих кадрах и не сомневался. Башковитые ребята.

Глушницы

Дмитрий Гололобов страдал от одиночества. Напарник, Женька Кобзев, на вахту не прилетел. Вкалывать одному за двоих, конечно, не в диковинку, так же как и вдесятером за одного. Но это может войти в привычку, от которой потом придется долго избавляться, вызывая недовольство ближних, свикшихся с твоей привычкой, и уже ничего, кроме хлопот, не ждущих для себя от такого избавления.

Глушение нефтяных скважин — работенка грязная, но тяжелая умеренно. Тюкай на здоровье кувалдой по железу, сбивая трубы и соединительные уголки в ломаную линию от автомобиля-агрегата к устью скважины. И не успеет кувалда раскалиться от ударов, как можно уже перекурить, что строжайше запрещено правилами техники безопасности. Конечно, знатоки приведут мильён случаев, когда чуть ли не костры жгли на устье - и ни в одном глазу! Но среди тех знатоков всегда найдется такой, который напомним, что порой хватает непотушенного охнарика, чтобы к зареву пылающих в тундре факелов прибавился еще один небольшой, но достаточный, чтобы прославиться на весь нефтепром.

Но работать одному действительно не сподручно. А если заданий на глушение скважин мастер выписывает больше, чем принято сдавать карт в одни руки при игре в «дурака», то, как ни отбивайся, всегда рискуешь остаться с неплохим набором козырей, когда роббер уже кончился. Это значит, что ночью тебя разбудят и предложат продолжить игру — жизнь тогда кажется пошлой, как дурно рассказанный анекдот.

Большое дело — вовремя остановиться! И Митрий это сделал, заявив мастеру Феклину полный самоотвод и присовокупив расхожую присказку о родителе деревянного человечка с длинным носом.

Но и Феклин не был «Буратиной». Он вспомнил все: нормы времени на глушение одной скважины, расстояние между кустами скважин, время на переезды от одного к другому, продолжительность каждого цикла и много чего еще: в итоге выходило — глушить Митьке нынче одному! Всю эту бодягу мастер не разводил бы, будь у него хоть один свободный человек, но увы, и ах: и сказать нечего, и сказать что-то надо...

Митька стоял твердо — даешь помощника!

— Ну, возьми с растворного Федьку Угарова! — предложил мастер.

— Он в глушении ни петь, ни лаять! — отверг Митька.

— Зато этот конь трубу как угодно согнет, и уголков не потребуется! — мастер попытался шуткой подсластить касторку.

Митька уперся. Перепирались недолго: вариантов не просматривалось, сошлись на Федьке.

Когда мастер сообщил волевое решение Федьке, тот отреагировал философски:

— Нам где бы ни работать, лишь бы не работать! Неужели я летаю сюда, за тыщи верст, чтобы махать немеханизированной кувалдой? Такого добра у нас и дома навалом! Ну скажи, что понимаю в глушении я, работник ножа и топора, умеющий только пороть мешки и вытряхивать из них соль?..

Пороть подобную чепуху Федор мог еще дольше, чем мастер, и развивал бы концепцию дальше, не вмешайся раздосадованный Митрий: — Федька, хватит трепаться! Поехали...

Был десятый час, но северная ночь не спешила показывать из-под темного покрывала белые простыни снегов. Заиндевелые «КрАЗы», сбившиеся в стаю около общежития, молотили дизелями в облаках дыма и пара. Мороз бодрил и давил одновременно. Радостно было сознавать, что среди вселенского холода есть теплые рукотворные оазисы, и жутковато становилось от мыслишки — а ну как они вдруг исчезли бы?..

Из поселка на промысел ехали тевтонской «свиньей»: впереди громыхал «КрАЗ» - агрегат, с обеих сторон его пытались обогнать «КрАЗы»-бочки (цээрки, в переводе на человеческий — цистерны растворные). Финт не удавался. Наездник агрегата, Володька Яшкин, издевался над конкурентами, как хотел: вихлялся от одной обочины неузкой дороги к другой, подставляя им под «нюх» торчащие сзади машины могучие железки. Да еще то оторвется с ревом метров на сотню, то опять вихляется...

Интересные это были машины. Появись такая автобанда в цивилизованной местности, «гаишники» сомлели бы: то ли самодельные броневики катят, то ли посланцы иных, вражеских, миров?! Битые, резанные, вареные сваркой вдоль и поперек, усовершенствованные по вкусу наездника мастодонты эти поражали неподготовленное воображение.

Володька Яшкин со скуки, с озорства ли, на ходу снял с рулевой колонки огромную баранку и сунул дремавшему рядом Митьке:

— На, порули!..

Митькины глаза сделались величиной с пепельницы, он так резко отпрянул, что едва не выпал из кабины, сбив самодельную вертушку на дверце. Такой реакции не ожидал и сам наездник. Он махом нахлобучил баранку на место и успел поймать за рукав очумевшего глушнца:

— Тише, слон! Это же «КрАЗ», а не танк!..

Машины эти исправно делали свое дело, развозя в неприхотливых утробах нефть для котельной, солевой раствор для глушения скважин, и вообще все, что угодно. Новые проходили «курс молодого бойца», и скоро не отличались от «окопников». Никому и в голову не приходило показывать это войско ГАИ, когда те раз в году прибывали вертолетом для проведения техосмотра. Неказистых трудяг тогда гнали от поселка как можно дальше, и возвращали только с отлетом последнего инспектора.

На обледенелой площадке растворного узла долго заливали в цээрки рассол из огромных стальных емкостей. Воду круто солили для «утяжеления» ее, чтобы загнанная насосным агрегатом в скважину под немалым давлением водица эта своим столбом пересиливала давление нефти в пласту, «глушила» скважину, не позволяя ей оплевывать ремонтников «черным золотом». Для того и месили солевой раствор мешкотрясы-растворщики денно и ночью, чтобы Митька и К° могли в любое время утолить аппетит ненасытной утробы месторождения.

Митька убежал к растворщикам в теплый балок, а Федор прогуливался на морозе, наблюдая заливку. Приоделся он подходяще: громадные валенки с необъятными калошами, толстостенные ватные штаны, безразмерная куртка-«метеушка» с натянутым на собачью шапку капюшоном и еще черт-те-что... Выглядел шагающим шкапом. Реакции на минус тридцать семь никакой.

Зато Митя вырядился традиционно: замызганная штормовка, в которой он ходил и зимой, и летом, рубаха под ней. Шапка и штаны с резиновыми полусапожками женского образца завершали наряд северянина. Своих рукавиц или верхонок у Митьки почему-то не было никогда. Вот и сейчас, после его ухода из балка, растворщики не досчитаются одной пары и будут спорить — кто чьи схватил? А Митя к вечеру потеряет неблагообетенное, и утром все повторится. Он из тех ребят, которых экипируй, как угодно, в любом случае они будут выглядеть погорельцами...

Обмороженный снег дороги колеса держал хорошо, и на пригорок к сороковому кусту скважин автобанда выползла без потерь. Рассветало окончательно. Станки-качалки смотрелись четко, как вычерченные на хорошем ватмане. Некоторые работали: стальной прут из преисподни скважины тянул качалку вниз, как козла за бороду. Затем хватка ослабевала, «козел» задирает «рога» вверх... И снова неумолимая сила мотала «башку» вверх-вниз.

Володька подогнал агрегат к нужной скважине, Федька начал его «рассупонивать»: снимал трубы, тяжелые стальные уголки, шланги... Митя метался от одной задвижки на устье к другой. Стоять на месте не мог — пятки примерзали к раскаленным подметкам. На Федора покрикивал недовольно:

— Шевелись! Скорей!..

Федор неспешно бацал кувалдой по уголкам, успокаивал нетерпеливого напарника:

— Не ски ногами, оглушенец, всему свой срок...

Одетый с тройным запасом, полуголому Митьке он был явно не товарищ. Размахивая свежееукраденными верхонками, Митрий вспорхнул на площадку агрегата, нервически загрохотал железками, нашел лом и метнулся опять к скважине. Одна из задвижек не открывалась, и глушенец решил сломить ее сопротивление с помощью лома, против которого, как известно, нет приема... Не получилось, хотя трехпудовый Митя навалился на рычаг всей массой.

— Да иди ты сюда, шкап трехстворчатый! — закричал он на Федьку. — Не видишь — заело!

Федор бросил кувалду, подошел. Осторожно придавил лом:

— Открыта задвижка-то!

— Кто бы ее открывал! — разозлился Митрий.

— Этого никто не знает, даже тот, кто ее открывал...

— Хватит трепаться! Спец нашелся, — злился Митька, — дави, говорю!

Шток задвижки был скрыт за металлическим кожухом, и определить на глаз — открыто или закрыто — «спецы» не могли.

— Хозяин - барин, — Федор навалился на лом и... негромкий хруст известил, что «дело сделано». Штурвал легко вращался в любую сторону.

На что-то еще надеясь, Митя потрогал задвижку, заглянул зачем-то сбоку, снизу... Перспектива ремонта на морозе леденила остуженную душу. Митрий выругался нехорошими словами. Федор помалкивал: его голос сейчас не был даже совещательным.

Кончились Митины проклятия тем, чем и могли только кончиться: прыгнул он в цээрку, и укатил искать новые механические потроха взамен сломанных, наказав оставшимся ждать его здесь.

Ждали долго. Потом Федор нацедил в ведро нефти, струйкой написал на снегу: «Поехали обедать».

Когда вернулись, у скважины шебуршился вконец задубевший Дмитрий. Федор послушал его отчаянные ругательства, сгреб глушнца в охапку и запихал в теплую утробу кабины. Володе Яшкину крикнул: — Держи этого мормыша крепче, не выпускай!..

Митька где-то свистнул новейшую задвижку, и переставить втулку взамен сломанной было на час работы. Не снимая рукавиц, Федор крутил гайки. Так работать было неудобно, но иначе — хана пальцам. Размышлял о странной штуке: «Дай сейчас волю Мите-оглушенцу, непременно голыми руками за морозное железо схватится, намучается, изматерится до хрипоты, поморозит пальцы... Зато — герой! Этих героев хоть куда сунь, везде в муках работать будут. Для меня вон самая большая мука сейчас в том, что Митька вырядился, как юный пионер на майский парад ...»

Всем на промысле было известно, что всю новую спецодежду Митя исправно увозил домой, на восьмой этаж благоустроенного дома, где и пылилось это добро годами. «Чтобы не марать» — пояснял непонимающим...

Оттаявший в тепле Митрий смотрел в окошко на копошащегося на морозе Федьку, злился: «Ковыряется, как жук в навозе! Ишь, фраер, вырядился, как эскимос, и рукавиц даже не снимет, пень... И долго он там возиться будет?..»

Хотелось выскочить из кабины и... не хотелось...

Последнюю скважину заглушили затемно, но на ужин в поселок успели, и ночных «тревог» не предвиделось.

Митька не сказал бы, что новый напарник ему по душе, но к мастеру ни с какими вопросами больше не приставал и замены не требовал, хотя к середине вахты свободные кадры появились...

Охота на ведьм

Гоша Ужегов, он же Гога, он же Гогенцоллерн, стоял на крыше кабины своего «Урала» с разинутым ртом и закрывать его не спешил. Вот это номер...

Приехал он на берег реки с твердым заданием: украсть хороший контейнер-пятитонник под переносной склад-инструменталку. Завгар Кузьмич строго предупредил: если с базы обеспечения прибегут хозяева имущества и возьмут за горло, отбрыкиваться как угодно, но его не выдавать, он им ничего не приказывал! Начальник промысла не раз строго предупреждал, чтобы прекратили растаскивать с базы контейнера, но все впустую, тащили их все, кому не лень, да и как не тащить — готовый переносной склад, наваривай «уши» и закрывай на замок! Соблазн.

На «дело» Кузьмич определил и крановщика Костю с его автокраном, в помощь Гогенцоллерну, и с той же инструкцией: если поймают, врать, что, дескать, потренироваться приехали, как правильно контейнера цеплять! Бить за трепачество не станут все равно, а моральное битие — только на пользу: в другой раз умнее будут и не попадутся так просто.

И Гогенцоллерн почти уже высмотрел подходящий контейнер со своего наблюдательного поста — куча с пирамиду ростом громоздилась их на берегу, — да вдруг взгляд его уперся в... голое женское тело. Там, где кончалась контейнерная куча, начиналась куча песчаная: гидронамывщики намыли из реки огромную гору песка для нужд нефтепромысла. И вот там, на границе двух этих куч, в непросматриваемом с земли пространстве, лежала под жгучим июльским солнцем дебелая баба. Лежала в чем мама ее родила, вольно раскинувшись на расстеленном на песке покрывале. Загорала, сердешная. Короткое северное лето в считанные дни умело выдать столько тепла и света, что ловкачи умудрялись в этих краях загореть не хуже, чем в какой-нибудь Ялте.

Прямо на Гогенцоллерна смотрели две аккуратные розоватые пятки и то, что могло еще виднеться за ними. Бабёнка широко раскинула роскошные руки и ноги...

Вот тут-то Гогенцоллерн и расстегнул рот. Нет, он не был, конечно, юным пионером, и удивить его сама по себе голая женщина не могла. Эка невидаль! Но вот так вот, неожиданно...

А бабёнка то ли задремала, то ли просто внимания не обратила на шум двигателей подъехавших автомашин, только как лежала, так и лежала себе. Да и как обращать внимание на всякие шумы, если со стороны причала постоянно доносятся приглушенные расстоянием лязганье металла и рокот дизелей.

Гогенцоллерн опомнился, наконец, сделал знак высунувшемуся из башенной кабинки крановому — тс-с!..

— Что? — не понял Костя.

— Тихо!.. — зашипел, подняв кулаки, Гогенцоллерн и, спрыгнув в кузов, подбежал поближе к крану, зашептал Косте, забормотал:

— За контейнерами баба голая загорает!

— Ну и чё? — не воодушевился Костя.

— Через плечо! — рассердился Гогенцоллерн. — Айда поохотимся!

— Ну ее на хрен, — отверг Костя, — пусть загорает.

— Пень! — ругнулся Гогенцоллерн и осторожно, как балерина на пуантах, засеменял по лабиринту между контейнерами в сторону песчаного Монблана. Костя выпал из кабины и прошелся вдоль машин, разминая ноги, уставшие от сидячей жизни.

А Гогенцоллерн замер, спрятавшись за крайним контейнером, в каком-то десятке метров от «спящей красавицы», выглядывал лишь в пол-лица.

Женщина, похоже, и в самом деле спала. Баба как баба и ничего больше. Рядом на песке валяется немудрящая летняя одежонка, тапочки. «Раскинулась, телка перекормленная... — подосадовал почему-то Гогенцоллерн, — а вот я тебя сейчас бекасинчиком...» Он нагнулся, подобрал с земли крохотный камушек, прицелился и кинул. Перелет! Поднял другой, прикинул траекторию, еще тщательнее прицелился и метнул. И угодил в округлый, расплывшийся в стороны живот, но женщина только вздрогнула слегка телесами, словно муху отгоняла, и глаз не открыла. Сомлела, видать, на солнышке приветливом крепенько. — Вот же ведьма, — бормотнул Гогенцоллерн, — картечью тебя, что ли?

Поднял еще камушек, покрупнее прежних, и кинул. Прوماхнулся! Тогда он потихоньку подкрался к спящей, собрал в охапку все ее вещички и на цыпочках доковылял до своей исходной позиции за контейнером. Нашел другой камушек и вновь метнул его в женщину. И попал туда, куда так упорно целился...

Женщина подскочила, словно ее снизу скорпион хапнул. Села на покрывале и встревоженно заозиралась вокруг. Соломенного цвета волосы неприбранными космами падали в стороны и на лицо. «Ведьма... — подумал Гогенцоллерн, — натуральная ведьма».

А женщина перевела взгляд на то место, где бросила свою одежду, замерла на мгновение, потом озабоченно осмотрелась вокруг. Пусто... Она сразу вся как-то съежилась, свела колени, руками крест-накрест закрыла грудь.

Гогенцоллерн узнал ее, это была Катя-повариха из столовой их вахтового поселка, молодая бабенка лет до тридцати. Летала она откуда-то с Украины, его, наверняка, и не знала: мужиков на промысле сотни, и все «с бору по сосенке», но ее-то мужики, конечно, знали: женщин на промысле на порядок меньше, все на виду.

А Катя заметила выглядывавшую из-за кучи контейнеров стрелу автокрана, смекнула, видимо, что-то и крикнула:

— Эй, вы! Хватит играть, отдайте одежду!

Никто ей не ответил. Гогенцоллерн тихо засмеялся животом в своей засаде, ждал, что будет дальше.

Катерина посидела с минутку, потом поднялась и, не отнимая рук от груди, осторожно пошла вдоль контейнеров. Ступала робко, опасаясь наколоть ногу, не привыкшую, похоже, к босому хождению. Могучие ягодицы плавно покачивались относительно друг друга, будто два мельничных жернова. Гогенцоллерн едва удержался, чтобы не прыснуть смехом.

Катя дошла до крайнего контейнера, выглянула из-за него, никого не увидела кроме Кости, уткнувшегося в какой-то журнал: он полулежал в башенной кабине, положив ноги на кромку распахнутого окна и попыхивал сигаретой. Катя разбежалась и кинулась в реку, отплыла от

берега, встала — вода была чуть выше груди, — снова осмотрелась. И тут на берег выскочил Гогенцоллерн с комом ее одежды.

— Ха-ха-ха-ха!.. — заржал он на всю округу, отчего Костя чуть с перепугу не выпал из своего гнезда.

— Ну что орешь? — ничуть не смущаясь, спросила Катя. — Доволен? А теперь положи одежду на берег и отвали!

— А зачем тебе одежда? — закуражился Гогенцоллерн. — Ты и безничего смотришься подходяще! Дойдешь, тут рядом! Или подвезти?

— Обойдемся без таких подвозчиков! — сказала Катя, — положи, тебе говорят, одежду... и не торчи здесь!

— А может я тоже искупаться хочу, — заезгзил Гогенцоллерн, — эй, Костя! — обернулся он к автокрану. Костя уже шел к нему.

— Что? — поинтересовался крановщик.

— Держи, — сунул ему Гогенцоллерн тряпошный ком и начал раздеваться, кидая на берег свою амуницию, — искупаться надо...

Он разбежался и сиганул с низкого берега в прозрачную, коричневатую воду, вынырнул недалеко от Кати и кинулся на нее с воплем:

— Ого-го-го! Ух, ведьма! Поймаю!..

Катя увернулась, отплыла, а Гогенцоллерн, погнавшись немного за ней, показал класс: сунул голову в воду и пошел частить руками и ногами, ускоряясь по направлению к самой середине реки. Стрежь подхватила его и понесла...

А Катя шустро выскочила из воды, вырвала у Кости свои манатки, отбежала за контейнеры, мгновенно, как вымуштрованный солдат, оделась. Одевшись, Катя подбежала к оставленным Гогенцоллерном одеяниям, схватила их в охапку и так вчистила вдоль берега к повороту на поселок, что только пятки велосипедными спицами замельтешили — вот тебе и «телка дебелая!»

Костя от такой прыти растерялся и остолбенел. А когда Гогенцоллерн вынул свою голову из целебных вод и сообразил, что происходит, ловить было уже некого. Но все же он закричал на всю Сибирь:

— Дура!.. Стой!.. Стой, дурища!..

Как бы не так! Катя неслась, не снижая скорости, смешно отбрасывая в стороны толстые ноги, у поворота она притормозила, перешла на шаг. Ее цветастый халатик промелькнул меж двухэтажек-общежитий поселка и исчез, как и не было его.

Гогенцоллерн стоял на берегу, как оплеванный, и чуть не плакал от печали. Длинные мокрые трусы прилипли к тонким волосатым ногам, клешнистые руки обреченно висели вдоль туловища и придавали его облику вид совсем небоевой. Он встрепенулся и накинулся на Костю:

— А ты, пень березовый, какого черта коробочку разинул!? Не мог схватить стерву заполошную!?! У меня же бумажник, права в кармане остались!..

Костя уже пришел в себя, намеренно издевательски начал отбрехиваться:

— Ты ж охоту собирался устроить! Вот и охоться, Соколиный Глаз в стеклянном исполнении и с деревянными мозгами!..

Какая уж тут охота... Забыли и про контейнер, покатали в поселок. Гогенцоллерн морщился, давя босыми пятками на колючие педали, задница неуютно чувствовала себя в мокрых трусах на дерматиновом

сиденьи. В поселке заскочил в свою комнату, оделся наспех в то, что осталось в походном гардеробе, ринулся через дорогу в общежитие общепитовцев.

Время было часов пять пополудни, перерыв между обедом и ужином, и большинство девиц гуляли неизвестно где. Редкие живые души в комнатах на гогенцоллерновские домогательства относительно местонахождения Катерины отделялись коротким «не знаю!», а кое-где вместо этой фразы слышалось и более весомое, вроде «закрой дверь с той стороны!..» — это, если дама была в «неглиже».

Не было Катерины. Была и сплыла.

Психующий Гогенцоллерн поплелся в гараж, соображая: как же ему быть, что надо предпринять?

На ужин столовая открывалась в семь вечера, но Гогенцоллерн караулил каверзную повариху около входа с половины седьмого. Шайка отощавших мужиков перед самым моментом открытия начала долбить общепитовскую дверь кулаками, возникла легкая давка, но все же Гогенцоллерн ворвался первым и с ходу бросился к раздаче.

Катерина стояла по ту сторону прилавка и месила огромной «разводягой» щи в алюминиевой кадке.

— Ты что! — заверещал Гогенцоллерн. — Отдай шмотки!..

Повариха грациозно подняла голову, увенчанную рослым белоснежным колпаком, недоуменно осмотрела всклокоченного вахтовичка выпуклыми, бесстрастными глазами.

— Вы мне? — поинтересовалась.

— Кому же еще! Не стенке же! — психанул Гогенцоллерн. — Не прикидывайся!..

— Вы о чем? — округлила синие очи Катерина.

— Все о том же! Отдай вещи! — закипал «водила».

— Какие вещи? — вела свою партию повариха.

— Да отдай же!.. — тихо сатанел Гогенцоллерн.

Быстро растущая толпа голодных мужиков, притихшая было для прослушивания увертюры предполагаемого скандала, заметно оживилась, посыпались реплики с мест:

— Не жмись, Катька, дай человеку, что он просит! Жалко, что ли? — вякнул один.

— Катя, не поддавайтесь на провокацию! — убеждал другой.

— Гога! Все твоей бабе расскажу!.. — грозился третий.

У Гогенцоллерна возникло ощущение, будто он видит фильм, который где-то уже видел, но повернуться и уйти нет возможности.

— Мужчина! — хлопнула белесыми некрашенными ресницами повариха.

— Вам щей или рассольник? Говорите, не задерживайте очередь!

— Отдай! Хватит!.. — чуть не всхлипнул Гогенцоллерн.

— А я еще и не наливала! — показала ему повариха пустую тарелку.

— Да гоните его оттель! — закричали из задних рядов. — На смену пора, а он до бабы домогается! Нашел время!.. Мужики, кто там ближе, дайте ему по шее!..

Гвалт поднялся, как опавшие листья от неожиданного смерча.

Гогенцоллерн выкатился вон, сел на скамейку возле столовки и нервически закурил. «Вот же стерва... — долбилась под темечком назойливая мысль, — ну, стерва!..»

Он так и не поужинал в этот день. Слонялся между общежитием и столовой, дождался времени закрытия заведения и снова сел на скамейке у входа, рассчитывая поймать зловредную бабу живьем и не выпускать ее из рук, пока не вытрясет из нее свои манатки, среди коих особо беспокоило его водительское удостоверение... Он дождался, когда зверообразный мужик, завстоловой, начал закрывать входную дверь на громадный замок.

— Закрываешь, что ль? — растерянно спросил Гогенцоллерн.

— А что, открывать прикажешь? — обернулся зверообразец.

И только тут бедолагу осенило, что Катерина ушла через кухонный вход.

От злости и отчаяния Гогенцоллерн начал терять свою прежнюю сообразительность. «Ну, гадина!..» — вновь ожесточился страдалец и кинулся в общепитовское общежитие.

Как и днем, Катерины в общежитии он не нашел. Девы-кормилицы гадски улыбались и, как одна, сообщали, что Катю видели, но не знают, куда она ушла, а если у него есть нужда что-то передать ей, так они передадут, пусть говорит...

Гогенцоллерн и вправду уже очень много имел, что сказать, но сдержался и молча ушел прочь.

Только он нарисовался на пороге своей комнаты, выяснилось, что братва уже в курсе всех дел, Костя, мерзавец, продал.

— Изъял штаны? — деловито поинтересовался Женька Бормотов.

— Завтра Кузьмич тебя до машины не допустит! — предупредил Серега Шатов. — Придется тебе, корешок, с гаечным ключом и кувалдой порезвиться, слесарей не хватает, так что очень кстати ты прав лишился!

Треп раздражал и ожесточал. Гогенцоллерн лег на свою койку и отвернулся к стене, сделав вид, что спит, хотя не спал и даже глаз не мог сомкнуть надолго: сами открывались и упорно упирались в скелет раздавленного на стене клопа. И постоянно возникало чувство, что он тоже вот такой вот клоп, раздавленный походя и размазанный по жесткой стене суровой действительности.

Давно уснули кореша, солнце летнее, ненадолго заходящее, сползло за горизонт, скоро поднялось и вновь залило округу настырным, неотвратимым светом. Гогенцоллерн задремал...

Проснулся он как от толчка. Посмотрел на часы — пять. Оделся торопливо и побежал в знакомое общежитие, твердо положив застучать Катерину на месте.

На его негромкий, но настойчивый стук в заветную дверь, отозвалась сама Катя. Она открыла дверь, заспанными глазами уставилась на пришельца.

— Выйди, переговорить надо! — подкольным змеем зашипел Гогенцоллерн.

— Щас... — сказала повариха и закрыла дверь.

Появилась через минуту в знакомом уже ситцевом халатике, тапочках, подошла неспешно к ожидавшемуся ее у окна шоферюге.

— Чего тебе? — поинтересовалась без любопытства.

— Верни шмотки, будь человеком! — чуть ли не извиняющимся тоном попросил Гогенцоллерн.

Катя посмотрела на него пристально, молчала.

- Получишь дома, — сказала наконец, — я уже отправила со знакомыми посылкой на твой адрес, нашла в бумажнике...
- Как!?! — взвизгнул Гогенцоллерн.
- Не ори! Скажи спасибо, что на твое имя придёт, а не на имя твоей женушки! Охотничек...

1987

Овод

Егор Самсонов был на грани истерики.

Привезли его на дикое болото к грузовой вертолетной площадке, мастер поставил задачу, и посулил к обеду снять с поста. И «Урал» умчался, подсакивая на кочках.

Задача проще простого: отправить вертолетом подвеску из нескольких штанговых насосов в город для ремонта. Вон они, эти насосы, валяются возле бревен настила, связанные в пачку. Всех дел — набросить петлю стального троса на выкинутый вертолетчиками крючок-карабин.

Где только он, тот крючковатый вертолет? Мастер напел: заказали с утра!.. Звонили — отправляют!.. Уже отправили!.. Идет!..

Время идет. И Егор идет в короткой распашонке вокруг посадочной площадки, чтобы хоть какое-то движение воздуха освежало да оводы отстали.

Господи! Крайний ли это Север или пустыня Кара-Кумы? Жарища-то! И за что только тут северные платят? И еще эти поганые мухи.

Первые воздушные разведчики замельтешили в воздухе, как только Егор вылез из машины. Эти даже кусать не стали: обнюхали и загудели, созывая родственничков на свежатину. Те слетелись нехотя, как изнуренные долгой пьянкой мужики на бочку пенного. Зато потом!..

Некоторое время Егор просто махал руками. Потом надрал веник из какой-то дряни и начал им отмахиваться от наглежащих кровососов. Потом пошел быстрее. Потом побежал. Кровопийцы не отставали.

Кругов Егор не считал, не до того было. Бежать было тяжело, но остановиться не мог: на аппетитный запах его пота слетелась вся гнусная братия Западно-Сибирской низменности, и каждый норовил урвать кус самсонятины...

— Да что ж это такое! — удивление перерастало в тревогу. — Я что же, так и буду рысачить здесь до обеда?!

Насекомая сволочь наседала все настойчивее. Егор психовал.

— И за каким чертом я сюда приехал? Я им что — клоун?

Егор не уточнял, кому — им? Никто силой его сюда не тащил. Баба-дура, свихнувшаяся на идее собственного авто, раззудила: «Лети на Север вахтовать! По полтыщи в месяц грести будешь! Через год — полмашины! Через два — вся! Все люди как люди...»

Сапоги выбили в кочках приметную тропку и бежали будто сами по себе, а Егор, вроде, сопротивлялся гонке изо всех сил.

— Гори она огнем, эта машина! — задыхался беглец на черт знает каком кругу. — Послушал дурицу!..

Вокруг гудело. Вертолета не было.

— Все! Уволюсь! — остервенился Егор. — Прилечу домой: зашибу!

«Если доживешь», — мелькнуло в мозжечке.

Он без сил упал в травянистые кочки. Что тут началось! Егора не кусали — ели. Деловито и смачно, как саранча выедает оазисы.

Егор вскочил и понесся галопом, мельтеша сапогами чуть не выше ушей. Злоба раздирала.

— Убью! — орал он на все болото и нахлестывал, нахлестывал себя веником. Бранился так, как не бранился никогда и даже слов таких никогда не слышал! Откуда что взялось... Бесила мысль: «Где пропадаю!

Не на войне, не в катастрофе... Господи! И это в век торжества научных идей и социального прогресса! От кровососов, примитивнейших тварей!!!»

Когда Юра Скорняков тормознул «Урал» у вертолетной площадки, он не сразу понял, что с Егором: рослый сорокалетний мужик с оконтурившимся брюшком бегаёт вокруг бревен, нахлестывая себя пучком каких-то прутьев, и кричит дурным, некрасивым голосом. Он даже и подошедшую машину заметил не сразу. А заметив, пулей влетел в кабину, взревел:

— Гони!!! — голос у Егора был зверино-утробный. Пот, слезы вперемешку с кровью текли по истерзанному лицу.

— Что с тобой? — удивился Юрий.

— Гони!!! — Егор ощерился так дико, что Юрка рванул с места на третьей скорости.

«Урал» кидало на кочках как шаланду в шторм. Когда воспаленные егоровы мозги утряслись несколько, он положил окровавленную руку на руль:

— Тормозни.

Юрка остановил машину, удивленно посмотрел на Егора. Тот подолом распашонки вытер растерзанное лицо, хрипло попросил:

— Дай воды!

Юрка достал термос, отвинтил крышку и подал сосуд страдальцу. Тот начал хлебать прямо из горла, задыхался, переводил дух и снова пил... захлебывался, снова прикладывался... Залил пожарище, изнеможенно откинулся на спинку сиденья. Дышал как конь после хорошей скачки.

— Ты что как укушенный? — поинтересовался Юрка.

— А я и есть укушенный... — слабо ответил Егор и опять потянулся к термосу. Хватил еще водицы, помолчал малость, рассказал.

— Эх ты, Овод, — засмеялся Юрка, — а вертолет-то после обеда прилетит, мастер велел потом опять тебя сюда привезти!

Егора передернуло, он с таким ужасом глянул на Юрку, что тот опять рассмеялся:

— Не журись! Научим тебя Север уважать... Все нормально будет!

После обеда Егор лежал у той же вертолетной площадки на казенном одеяле под натянутым на колья марлевым пологом. Термос со студеной водой стоял рядом. Хорошо было, тихо. Полистал журнал, не читалось. Легкое гудение кровопийц, тщетно штурмующих преграду, убаюкивало...

Уснул скоро. Во сне его гонял по бескрайнему болоту вертолет со страшным хоботом спереди, и все норовил клюнуть Егора в темя. Егор же, в свою очередь, гнался за женой Тосей и тоже норовил долбануть любимую в темя кирзовым сапогом, почему-то оказавшимся в натруженных руках...

А сзади гудели эскадрильи зубастых оводов, каждый в отдельности размером с добрую лошадь и с крокодильими челюстями: они со скрежетом отгрызали у вертолета жизненно важные органы...

Вся кавалькада неслась в никуда со страшной скоростью, и не было сил, способных остановить гонку...

Егор дергался, стонал, но не просыпался.

И очень хотел догнать Тосю...

Одна десятая

Завезенная в вахтовый поселок неизвестно кем рижская «вечерка» с брачными объявлениями гуляла по общежитиям до полной утраты девственности: протерлась до дыр на сгибах и сильно имахратилась. Но кое-что прочесть в ней было еще можно, и, когда она попала в цепкие руки Кеши Холодова, тот прокомментировал информацию своими словами:

— Интересно, почему от этих Пенелоп мужики до сих пор шарахались, если все они как одна добрые, приятной внешности и сплошные рукодельницы? И почему всем им требуются именно безвредные мужички? А что делать, к примеру, мне, если я сам лично совершенно обезвреженный, но при этом этих патентованных домоводок категорически не переношу: сюда не сядь, туда не ляжь, там не сори, так не говори? Взвять можно. Нет, по мне пусть будет лахудра, только меня не трожь! Как хочу, так и поворачиваюсь!..

Истина — Кеша не пил, не курил, не выражался, не скандалил и при этом люто ненавидел «примерных» женщин, на которых ему почему-то как раз и везло: три раза женился, три раза разводился в самом пожарном порядке, не успев даже довести дело до алиментов, как все порядочные люди. «Примерницы» так быстро доводили вольнодумца Кешу до бунта, что он стремительно убегал от них, прихватив дежурный чемодан с предметами первой необходимости. И больше не отвечал ни на какие призывы бывших любимых, взывавших «вернись, я все тебе прощу!».

«Выродок!» — определил кешину сущность угрюмец Джордж, и это было несправедливо. По карманам никому Кеша не гадил, а что до того, что он стукнул однажды Джорджа пепельницей по голове, так оно даже и к лучшему: объевшийся тройным одеколоном Джордж прекратил «танец с саблями» — двумя хлебными ножами — и крепко «задумался» до самого утра. После чего никому уже флаконы насильно в рот не совал. Но Кешу так и не взлюбил, хотя ближе его никого и не было — койки их стояли впритык.

— И какой же из них подарить себя, любимого? — разглядывал подержанное объявление Иннокентий.

— По потерее такие подарки надо разыгрывать, в доме престарелых! — подкусил Джордж. И опять оказался неправ: тридцать — это еще не «за тридцать», кому Кеша нужен в престарелом доме?

— А ты напиши десять писем в десять адресов для ровного счета, заведи досье на каждую, и там действуй по науке, анализируй все, от почерка до фотоснимка, как Ломброзо! — посоветовал Федька Угаров.

— Что за хмырь этот Оборзо? — поинтересовался Джордж.

— Ломброзо-то? — повернулся к нему Федька. — Знаменитый психиатр-физиологист! Глянет, к примеру, на твою репу и вмиг определит: мелкий пропойца, алименты пятьдесят процентов, первая судимость по статье восемьдесят девятой, часть первая, вторая — по статье двести шестой, часть вторая. И никаких анкет, компьютеров ему не надо!

Джордж глотнул из литровой банки чайной каши, угрюмо посмотрел на Федьку:

— Так, стало быть, мент этот твой Оборзо.

— Сам ты мент! — укорил его Федька. — С тобой разговаривать можно только за отгул!

Федька повернулся в кешину сторону:

— Не теряйся, Кеша, брось карту еще разок, вдруг банк снимешь! Пиши письма, не раздумывай, пока другие дам не увели.

— А что? — заявил Кеша. — Если после каждой вахты летать в гости к одной из десяти возможных, то не пройдет и года — картина полная! А требуется всего одна десятая, фрагмент...

— Вот и ищи свою одну десятую, — одобрил Федька, — если хочешь, могу заделаться твоим литературным секретарем на время, заведем «дело» с входящими и исходящими, чтобы все по науке...

— Валяй, — согласился Кеша, — а то собьюсь да отпишу не той, кому надо, то, что не надо.

Письма они с Федькой накатали за пару часов, все одного содержания, как школьные сочинения на заданную тему: «Здравствуйте, незнакомая Ж-85-4081 (4082... 4083... и т.д.). Внимательно прочел ваше объявление в «вечерке» и хотел бы познакомиться с вами. Прошу сообщить домашний адрес, так как писать в службу знакомств считаю не вполне удобным. В следующем письме вышлю свою фотографию, надеюсь, и вы пришлете свою...» и дальше в таком же духе.

— Ну-с, — лизнул Федька первый конверт, — операция одна десятая началась, — исход непредсказуем, но ты, Кеша, не бойсь: в дурные руки мы тебя не отдадим. Верно я говорю, Джордж?

— По мне хоть на козе его жени, — буркнул Джордж и отвернулся к стенке, — тушите свет, фраера, первый час уже...

Обжигающая стынь февраля сменилась пижонистыми наскоками мартовских морозцев, когда на очередную вахту Кеша припылил с десятью письмами от десяти разных корреспондентов.

— Вот это да! — поразился Федька. — Десять из десяти! Такое и в тире не каждый сезон увидишь...

Выдержка у Кеши была собачья — письма привез нераспечатанными.

— Чтобы не портить чистоту эксперимента, — пояснил Кеша, — сейчас рассортируем и начнем изучать по методу товарища Ломброзо.

Любопытство не порок, равно как и не свинство. Когда угрюмец Джордж заглянул через федькино плечо, с тисненного фотоброма номер три на него глянуло строгое лицо молодой дамы с вычурной прической и при замысловатых серьгах.

— В порядке чува! — сказал Джордж.

— Чума ты болотная! — Отшил его Федька. — Высказался... Тонкое лицо, овечье дыхание интеллекта! Но, скажу я вам, кореша, в изломе этих тонких губ просматривается характерец... Пересадит такая тебя, Кеша, с «Татры» под свой каблучок, поверь выдающемуся советскому педагогу!

— Педаго-о-ог! — передразнил Джордж. — С кувалдометром и в верхонках!

— Ну, экс-педагог, — поправился Федька, — это дела не меняет, считай, что в отставке, но с правом ношения педагогических идей! Листаем дальше...

Второе лицо было симпатично и весело, ехидства и тайных пороков не усмотрели.

— Достойное зрелище! — одобрил Федька. — Ставь птицу!

Кеша сделал пометку в амбарной книге.

Третью фотографию забраковали единогласно: снимок был нечеткий, за неясностью грезился подвох. С четвертой по десятую разногласий не было: товар был подан в нужном ракурсе и вполне пристойно.

— Выбор затрудняется, — озадачился Федька, — перебор выходит, глаза в разбег...

— Да уж, — задумался и Кеша.

Изучение писем мало что дало. Все были сдержанно испытующи, чисто информативного характера, никаких концепций не излагалось. Почерки были разные, но индивидуальные особенности отправительниц по ним не стал бы, пожалуй, устанавливать и сам Ломброзо.

— Да и что вычитаешь в письме? — задумчиво пробормотал Федька. — Иная дура куда сердечнее самой утонченной умницы... Нет, ребяташки, Чехов не зря писал за Душечку...

— Что еще за Душечка? — опять встрял Джордж.

— Вроде тебя, только с обратным знаком: совершенно без злобы, как ты без отзывчивости.

— Ты-то сам! — обозлился Джордж. — Умник обмазученный! Не зря, видать, со школы тебя наладили, болтуна!

— Не сбивай с курса, Джордж, — попросил Федька, — Кеша думает!

— А что тут думать! — сник почему-то Кеша, тусуя фотоколоту. — Какая карта выпадет, с той и начнем игру...

— Ты что творишь! — возмутился Федька. — Все перепутал! Как теперь найдем, кому какая фотография принадлежит! Экий ты...

Кое-как, со спорами и раздорами, установили принадлежность фотографий к адресатам и начали гадать — с которой начать? Кеша закрыл глаза и ткнул пальцем в разложенный перед ним фотопасьянс. Выпало, как назло, то самое фотолицо, с предполагаемым подвохом. Да еще строчка в письме озадачила: «...имею физический недостаток, не отражающийся на внешности...».

— Тайный горб у нее, что ли? — засомневался Джордж.

— Нет, — задумался Федька, — тут, видимо, что-то другое. Может, просто болезнь какая-то, вроде язвы желудка... Так пусть уж лучше будет язва желудка, чем сама язвой окажется. Нет, Кеша, езжай и смотри товар на месте, а то может оказаться, что еще и самого забракует иная «физически недостаточная».

Кеша засомневался пуще, завякал было про переизбрание, но приятели воспротивились: а где же тогда чистота эксперимента? Экспериментатор сник и написал за вечер девять писем пристрелочных и одно целевое с вопросом: не мог ли бы Кеша навестить Светлану Дмитриевну Сорокину (26 лет, обр. среднее, внешность нормальная...) скажем... недельки через три! Он как раз прилетит с вахты в родимый Минск и получит письмо с «да» или «нет».

В день вылета домой Иннокентий проявил признаки беспокойства. Обычный призыв «вахта, улетающая до Минска, приглашается на регистрацию!» стеганул его, как прут собаку, он вздрогнул, пробормотал:

— Накаркает про регистрацию...

— Смотри, — сказал Федька, — если что, вон Джорджа вместо тебя на свидание зашлем, нагонит страху на всю Прибалтику...

— Катитесь вы со своими свиданками! — огрызнулся Джордж. — Я и без регистраций от алиментов не увернулся, одни убытки от этих свиданок...

По три сотни ежемесячно от полочки отстегивают! Нет, до отпуска, и в сторожа уйду...

— Не торопись, — успокоил Федька, — может, скинут процент или установят «твердое задание», поработаешь и на себя.

— Жди! Как же... — обозлился Джордж, — легче за мокрое дело помилование выхлопотать...

На следующую вахту Кеша прилетел задумчивый и молчаливый. На расспросы приятелей не отвечал, только усмехнулся в конце концов, не открывая рта.

— Шпионка тебе попалась, что ли? — предположил Джордж, — что молчишь-то?

Кеша снова только чуть ухмыльнулся.

— Не иначе, как встреча превзошла ожидания! — домогался Федька.

Кеша и его не удостоил.

— К которой в следующий раз полетишь? — подкрался Федька с другой стороны. Безрезультатно.

И так еще вахту... и еще...

Одни ухмылки. Кешка так и не раскололся.

— Ну и чахни со своей шпионкой! — ругнулся Джордж в последний раз, после чего отстал, как и Федька.

А как-то Кеша сам показал приятелям фотографию: на хорошего качества снимке была запечатлена в полный рост симпатичная девица в подвенечной сбруе, а рядом с ней ... Кеша. В смокинге и с глупым выражением лица.

— Ну и чего же тут таинственного? — удивился Федька. — Так и сказал бы сразу, что попал в десятку и дальнейшая стрельба отменяется! Напустил туману... И на свадьбу не позвал.

— Была, значит, причина, — сказал Кеша, — стесняется она у меня уж очень... да и вас чтоб не смущать.

— Дефект, что ли, вылез? — насторожился Джордж.

— Как сказать... — поскреб подбородок Кеша.

— На снимке, вроде, ничего, — сказал Федька, — да нам-то какое дело...

— Познакомьтесь, все поймете, — пробормотал Кеша.

— Это уж ты понимай, — грубил Джордж, — посмотрим, как запоешь, когда у нее командирский голос прорежется!

— Нет! — засмеялся Кеша. — Бабе цены нет...

— Уверен? — ухмыльнулся Федька. — Смотри, паренек...

— А что тут смотреть, — ухмыльнулся Кеша, — глухонемая она...

Ваятели

Фантомас вырубал статуи пожарным топором... Лучше назовем его просто Фэ: он против полного имени, данного ему единогласным окружением. Назвать же его иначе было бы отступлением от исторической правды...

Начало было скучным.

Окаменевшие от лютого холода мешки с солью никаким ножам не поддавались. С великими муками клочьями содрав шкуры с трех соляных глыб, Фэ бросил самодельный нож, грубо высказался, и пошел просыхать в вагон-балок. Шапку и телогрейку кинул в один угол, сам лег на лавку в другом.

Эта собачья работа никакого уважения к себе не вызывала. На второй беломорине Фэ поставил вопросы “ребрами”. Во-первых, зачем ковыряться ножом там, где ножу делать нечего? Во-вторых: для чего прямо перед носом висит пожарный щит, а на нем прекрасный, с рождения не точеный топор? Ответ выскочил сам собой: надо дожидаться ушедшего за водой Федьку и натравить на этот топор его...

Фэ уселся у окна и уже с удовольствием засмолил третью беломорину. Федьку он усмотрел издалека, когда тот еще только отполз от дожимной насосной станции и повернул калоши в сторону растворного узла. Тихо идет, протобестия, боится расплескать водицу. Да этот шкап и без ведра не разгонится. Меж огромных куч соляных мешков смотрелся ходок верблюдом в пирамидах.

Фэ подпустил приятеля поближе, схватил топор и вышел. Мороз после балковой жары не ощущался, даже приятно было, как из парной в реку...

Прячась за соленым Хеопсом, Фэ подпустил Федьку еще ближе и рубку начал ни раньше, ни позже, строго в нужный момент, чтобы и вправду не вымотаться. Зато рубил, как янычар неверных - остервенело и с выражением...

Федор остановился, утвердил ведро на снегу, с любопытством смотрел на беснующегося Фантомаса (Пардон! Фэ).

Три соляных глыбы стояли на поддоне статуями, будто памятники самим себе. Фэ терзал четвертую. Федьку он “заметил” при очередном взмахе, выругался, запустил топор в соленого Хеопса и, шатаясь, побрел к балку. Причитал в голос:

- Все! Заявлением об стол! Пусть других дураков ищут на эту каторгу!..

Федор подобрал брошенное орудие, осмотрел, словно диковинку, прихватил ведро и двинулся следом за Фэ.

- Ты что разорался, будто с тебя северные надбавки сняли? - спросил он растянувшегося на лавке приятеля.

Тот не ответил, дышал шумно, как корова, выгнанная колом из чужого огорода.

- Упарился, сердешный, - Федор зачерпнул из ведра черной от чайных напластований кружкой, - хлебни, залей каменку.

Фэ выкушал, выдохнул:

- Фух! Еле-еле четыре статуи вытесал... ножом вовсе не возьмешь - гранит!

- И как это ты додумался до топового варианта? Оформить бы как рацуху! - похвалил Федька.

- Надо обкатать сначала в реальных условиях!

- Это мы сейчас, - Федор взял топор, потрогал лезвие, - зубило!

Вышел.

Фэ наблюдал за обкатчиком с ухмылкой: "Это тебе не в спортзале штангой греметь! Конь ты не изъезженный..."

Федька обкорнал секирой куль, другой... пошло дело.

На один замес полагалось засыпать в бак полсотни мешков соли, но посыплется она ох! как нескорю: когда дыхнет в сторону полюса теплым ветерком. А пока - сплошное ваяние...

Федор натесал гору статуй, спихнул их в бак и направился в балок передохнуть. Развесил над знойным "козлом" промокшую от пота телогрейку, нахлобучил на гвоздь шапку, подытожил:

- Работенка папакарловая! За зиму руки ниже колен вытянутся, орангутангами ходить будем, землю когтями царапать...

- Это тебе не на трубовозе по промыслу раскатывать, - съехидничал Фэ, - понюхал красивой жизни, теперь соленой полижи!

- Ты смотри, как оно обернулось! - удивлялся Федька. - До холодов горя с этой солью не знали: пырнул куль ножом, встряхнул, как собаку за хвост, и готово - снимай банк! Посыпалась!

- А теперь шкуры топором поснимай, - продолжал ехидствовать Фэ, - за это тебе северные как раз и платят!

- Не скажи, - возразил Федор, - северные мне платят за вредность: за то, что с тобой работаю. Но облегчение, все одно, надо какое-никакое придумывать, нечего тут каторгу устраивать.

- Думай, если у тебя есть чем думать, - язвил Фэ.

- И ты напрягай лысину, - посоветовал Федор.

Именно за шикарную лысину Фэ и прозвали Фэ. Досадовал он на нее напрасно: ему к лицу была голая голова, придавала некую значительность, что ли... Федор представил, как выглядел бы Фэ в волосатом состоянии... Получалось - шкодно. Даже в шапке Фэ выглядел неинтересно, уныло. Нет, не ценит человек то, что имеет, только потеряв начинает осознавать, чего лишился...

Фэ оставил Федьку просыхать, вышел залить в растворный бак воду. Теплая подземная водица - сеноман - поперла через открытую задвижку шумно, шланг под давлением задергался, как поперхнувшийся удав. Статуи стройнели на глазах. Заполнив бак доверху, Фэ включил насосный агрегат, и тот продолжил размешивание рассола. Полчаса-час можно перекуривать, доводя раствор до нужной плотности. Потом перекачать в накопительную емкость и опять: "привыкли руки к топорам!.." Головы бы оторвать авторам таких изобретений...

Федор возлежал на лавке, шелестя "литературкой".

-Слюшай, Фэ, - сказал он, - читаю вот - сердце поет! Ищут люди чего-то, находят... А мы с тобой все как те статуи: вытесали нас болванами и кинули в это болото растворяться. Скучно, мой круглолицый брат. Через годик нам эти мешки будут сниться, как чеховской Душечке бревна...

-А ты колуном маши почаще, некогда скучать будет!

-Колун - он и есть колун! Неужто ничего облегчительного придумать нельзя? Не успеваем ведь за глушенцами, вон они как рассол хлебают: цистерна за цистерной!

-А по мне так ни черта не нужно придумывать! - заявил Фэ. - Гори все ясным огнем! Сколько натешем, столько и натешем. Мало будет - весь промысел сюда сгонят, как и нас с тобой сюда загнали, такую сечу устроят - до неба мешковина полетит! Не напрягай мозжечок, пусть начальство думает...

Следующий замес готовили вдвоем. Ваяли поочередно, отдыхали здесь же на мешках. Мороз перед сечей пасовал. Неподалеку отвешивали мерные поклоны станки-качалки, хлебная нефть из преисподни скважин. Скрип ремней и шкивов в заледенелой тишине разносило далеко окрест. Шайка вездесущих бесхозных псов прогарцевала мимо в сторону газового факела.

- Погреться наострились, хмыри шерстяные, - заметил Фэ.

“Шерстяные ребята” не повели в сторону творцов-ваятелей ни ухом, ни рылом. Сколько их здесь расплодилось! Вошли в пейзаж, как болотные кочки...

- Хватит монументальной пропаганды! - Федор бросил топор. – Обед близится. Айда, чайку сгношим.

Вода от мощного самодельного кипятильника начала выпрыгивать из полуторалитровой кружки через минуту. Федор зашелестел пачкой “тридцать шестого”, отсыпая дозу.

- Заваривай по-человечьи! - возмутился наблюдающий за его скупыми действиями Фэ. - Что ты трясешь как язвенник перечницей! Сыпь больше!

- Сколько можно?!

- Столько, чтобы рентген не просвечивал! - заявил Фэ.

- Тебя и так уже никакой рентген не просветит, - хмыкнул Федор, - по три пачки беломора за день высаживаешь! Еще и чифиром затемнишься - откинешь копыта раньше времени. Я-то за что с тобой страдаю? Хоть бы еще какую льготу за твою вреднопротивность подкинули...

- Раскатил губу! Еще ему льготы! Молоко профсоюз вырешил, радуйся. Хотя и это можно отобрать - вон какую мозоль наел!

- Молоко что? Это вроде и не льгота.

- А чего бы ты еще хотел?

- А так: отвахтовал я с тобой год в никотиновом угаре, пиши мне два года вредного стажа! А тебе вообще ничего можно в трудовую не записывать, совсем никакого стажа. Один хрен до пенсии не дотянешь! И вообще - приравнять тебя к членовредителям!

- Это какой же я член повредил? - изумился Фэ.

-Все члены сразу! Весь организм повредил никотином и чифиром! Тебе пора делать пересадку всех органов! Жаль, медицина тут бессильна, проще еще одного Фантомаса такого же сделать.

- А за Фантомаса, знаешь, что сейчас тебе будет? - угрожающе приподнялся на локте Фэ.

- Разве я сказал - Фантомас? - удивился Федька.

- Фантомас!

- Не! Послышалось тебе, - отрекся Федор.

- Нет, не слышалось, скот ты лесной! - озлился Фэ.

- Может не Фантомас, а по-другому? - юлил Федька.

- Нет, Фантомас! - упорствовал Фэ.

- Не, не Фантомас! - сомневался Федька.

- А я говорю - Фантомас!!! - закричал Фэ.

- Ну, ладно, ладно, Фантомас, так Фантомас! - сдался Федька.
 - То-то же, - вновь растянулся на лавке Фэ, - я что, глухой, что ли...
- Между прочим, за твой треп, который я выслушиваю, мне тоже полагалась бы какая-нибудь льгота, вроде медали за выслугу лет.
- Медали дают не слушателям, а трепачам!
 - А что же мне тогда за твой вредный треп? - спросил Фэ.
 - Ничего! Здесь треп не вреден. Не с трибуны же...
- Перепирались, пока не подкатил на "КрАЗе" Володька Яшкин:
- Эй, мешкотрясы! На обед поедете?
 - Нет! После... Раствор еще перекачивается!
- Володька навонял солярным перегаром и умчался.
- Слющай, майн либер фройнд, давай-ка сюда обед закажем, - предложил Фэ, - так неохота в поселок тащиться, просто смерть!
 - Валяй! - согласился Федька.
- Фэ врубил рацию, забубнил про шесть порций...
- Диспетчерша ругнулась:
- Что так поздно проснулись!
- Но заказ приняла:
- Ждите! Завезут и вам. А почему так много вас там сегодня?
 - Размножаемся! - буркнул грубиян Фэ и положил трубку.
 - Не лопнем от шести порционов-то? - засомневался Федька.
 - Не лопнем, - утешил Фэ, - я после этих статуй сейчас собаку живьем съел бы! А в твой барабан ведерный термос щей влить можно!
 - Какой барабан? Не больше твоей лысины!
 - Не трогай мою лысину! - в голосе Фэ вновь прорезался металл.
 - Нужна мне твоя лысина, - фыркнул Федька, - чихать я на нее хотел!..
- Смотри! Смотри! - Федька засмеялся, показал дружку страницу "литературки" с карикатурой на каких-то империалистов, - Вот он ты! Вылитый!
- Империалист на Фэ не походил, но плешь имел тоже роскошную.
- А вот это ты! - Фэ ткнул пальцем в другую фигурку на рисунке: пузатый человечек мусолил пачку иноземных купюр. - И вот это ты! И это... - Фэ поочередно тыкал пальцем во всех пузатых персонажей произведения...
- После обеда подбежал автобус, из которого вывалились мастер Расстригин и два незнакомца в телогрейках с чужого плеча: у одного из рукавов чуть не до локтей торчали полуметровые фаланги, у другого колени прятались под стежёными полами.
- Принимайте пополнение! - мастер кивнул на новоприбывших.
 - Ну, вот и размножаться начали после шести порций на двоих, - заметил Фантомас, - а Федька боялся. Завтра закажем на него одного шестнадцать порций, еще троица выродится... За что вас так вырядили, братаны? - обратился он к приезжим мужикам.
 - Подменка! Потом спецухи выпишем, - пояснил мастер.
 - Ничего, - успокоил Фантомас, - ваять вообще лучше безо всего, ты бы еще двухручный топор привез..

Штатный паразит

Известный лодырь нефтегазодобывающего управления Мишка Хлызов кантовал ломиком девяностокилограммовые насосно-компрессорные трубы, подозрительно обнюхивал резьбу на концах их: сортировал на годные и негодные. Надо было набрать двести штук, получится подвеска для ремонта скважины.

Общепризнанный ударник комтруда Петр Тихоныч Питько лежал на лавке в балке и читал журнальчик «Человек и закон» — просвещал затемненные никотином мозги. Хорошо ему было.

Но и Мишка не роптал. Ему даже нравилось работать одному: никто не командует, под ногами не путается, а накидать в кучу две сотни труб ему, здоровяку, как два пальца сосчитать. Время тикало себе помаленьку, стало светать: зимняя ночь в этих широтах продолговатая. И все же на стопятидесятой трубе Мишка упарился, воткнул лом в сугроб и пошел в балок перекурить.

— Уже? — очнулся при его появлении ударник комтруда.

— Еще полсотни осталось... — вытер Мишка пот со лба и лег на соседнюю лавку, с удовольствием вытянулся, расстегнул телогрейку, выпуская перегретый пар из ее недр.

А Петр Тихоныч вдруг резво вскочил на ноги, выбежал из балка вон. Он с ходу вцепился в накалившийся морозом лом, и принялся изо всех сил грохотать им об трубы — звон поднялся на всю тундру. И именно в этот момент подкатил на «Урале»-трубовозе начальник участка Катофей. Шофер, Гриша Сагеев, тормознул прямо около копошащегося Петра Тихоновича, начальникек вытряхнулся из кабины на снег и вместо приветствия поинтересовался:

— Прем?

Петр Тихоныч с трудом выпрямился, не принимая игривого тона, сурово посмотрел на Катофея, смахнул верхонкой несуществующий пот со лба и устало вымолвил, как выдохнул:

— Прем...

— А этот паразит, — начальник кивнул в сторону балка, — опять сачкует?

Петр Тихоныч пожал ватными плечами: о чем, дескать, тут разговаривать!

— Гнать таких надо в шею! — уже в который раз огорчился Катофей. — Сколько можно таких воспитывать! Молчит, сопит, и все остается по-прежнему! Все с него как с гуся вода!

Но Петр Тихоныч был другого мнения:

— Молодой он еще, глупый, — вступился он за напарника, — как ни крути, а кроме нас воспитывать его некому. Выгнать никогда не поздно.

— Эх, Петр Тихоныч, — укорил начальник, — либеральничаешь на свою шею...

Петр Тихонович лишь вздохнул и вновь огласил тундру металлическим лязгом: звон понесся над заснеженной кочковатой равниной во все стороны и не мог не достигнуть даже конторы, хотя и было до нее много верст. Начальник управления Холодов тревожно глянул в окно кабинета: что за канонада? И только вспомнив, что где-то в стороне канонады трудится гордость управления, ударник комтруда Петр Тихоныч, успокоился, тепло подумал о беззаветных тружениках в

замызганных телогрейках, так неловко чувствующих себя во всяких торжественных президиумах...

А начальник участка Катофей деловито прошелся по вверенной ему производственной площадке, осмотрел стеллажи с трубами, что-то прикидывал в уме, то прищуриваясь, то замирая на секунды в кромешной задумчивости. Потом двинулся к балку.

— Привет, бездельник! — поздоровался Катофей.

Мишка грязным пальцем сдвинул с очей шапку, осмотрел пришельца, буркнул в ответ:

— Приветствую.

Катофей угнезвился на лавке против Мишки, печально покачал головой:

— Так-то ты вахтуешь, Хлызов... Как ни зайду — все время ты в одной позе! Пролежней не боишься?

— Не... — заверил Мишка, — я ж не всегда лежу.

Катофей пошевелил лохматыми бровями, нахмурился пуще прежнего.

— Не стыдно? Пожилой человек на морозе колготится, а ты — с двух ударов кувалдой не собьешь — тут... А еще комсомолец!

— Выгнали уже, — коротко уточнил Мишка.

— Ну вот, достукался! Осталось только с работы выгнать, — явно начал раздражаться начальник, — паразит ты, Михаил, натуральный! Всю совесть потерял, лежишь как колода! Сколько можно об одном и том же говорить?..

— Уже и прилечь нельзя! — возмущенно проворчал Мишка и захлопал своими рыжими ресницами.

— Ты что, лежать сюда прилетаешь с другого края страны!? — возмутился Катофей.

Мишка задумался, не ответил, только повернулся на бок, лицом к шефу, смотрел на него пристально, словно силился вспомнить — где он его видел?

Резко щелкнул перекаленный электрический «козел» невероятной мощности: нихромовая проволока с плотницкий гвоздь толщиной и сама спираль с добрую дверную пружину. Жарил, как мартен.

— Выйди, помоги Петру Тихонычу подвеску доукомплектовать! — распорядился начальник. — Ждут же ремонтники! А я поеду автокран поищу! — и он вышел, сердито хлопнув дверь. Мишка видел через окошко, как Катофей вскарабкался в кабину «Урала», что-то сказал шоферу и они укатили. И тотчас Петр Тихоныч воткнул лом в сугроб и кинулся в балок.

— А я к тебе, — сказал Мишка, — подвеску срочно приказал доукомплектовать.

— Пошел он, — смачно ругнулся Петр Тихоныч, — подождут, не сдохнут, нашли дураков...

И он с удовольствием угнезвился на лавке, принялся мусолить все того же «человека с законом», отыскивая страницу, на которой его так не вовремя прервали. «И без тебя управлюсь», — подумал немногословный Мишка и вышел вон.

«Паразит» бодро накатал-натаскал в кучу еще полсотни труб, еще раз пересчитал все. Цифра сошлась, как в таблице умножения. Мишка снял шапку, охлаждая вспотевшую голову, расстегнул телогрейку и пошел в

балок. А Петр Тихоныч при его появлении вдруг опять вскочил с лавки и стремительно вылетел на волю. Мишка видел в окошко, как ударник комтруда добежал до стеллажа, выдернул из сугроба лом и... в этот момент показался уже знакомый «Урал»...

Машина остановилась возле неумолимого труженика, из кабины опять вывалился все тот же Катофей, хмуро поинтересовался:

— Готово?

— Готово... — устало отрапортовал Петр Тихоныч.

— А этот... так и лежит? — еще больше нахмурился начальник и кивнул в сторону вагончика.

Петр Тихоныч лишь вздохнул и потупился. Вот тут-то терпение Катофея лопнуло как мыльный пузырь. Он крякнул и ринулся к балку. Дверь рванул, как кольцо последней гранаты.

— Лежишь!? — укорил с порога.

Мишка не лежал, он уже сидел за столом с обмусоленным «человеком в законе» в руках, на глас начальнический повернул удивленное лицо, смотрел непонимающими глазами. Если бы эмоциональную энергию можно было концентрировать в лазерный пучок и подавать с помощью человеческих глаз, то Мишка мгновенно испепелился бы — так зыркнул на него начальник.

— В общем, так! Больше ты здесь не работаешь! Мне таких деятелей не надо.

И умчался. Вместе с трубовозом.

И сразу в вагончик вбежал Петр Тихоныч. Схватил со стола «человека и закон», растянулся удовлетворенно на лавке, отмусоливал страницы в поисках нужной ему.

— И что он все время возмущается? — задумчиво спросил как бы сам себя Мишка. — Чего ему надо?

Петр Тихоныч обернулся, ехидно посмотрел на напарника, серьезно сказал:

— Начальство надо уважать. А ты все время его встречаешь на этой лавке.

— Мне что, специально его высматривать? Ты сам-то как угадываешь...

— Интуиция, — поднял палец Петр Тихоныч, — плюс опыт. Не будь валенком... будешь ударником.

Цехком рассмотрел вопрос увольнения «паразита» Хлызова. Мнения были разные, но перевесило мнение Петра Тихоныча Питько, бессменного члена цехкома, человека уважаемого и сугубо положительного: он отстоял Мишку от нападков крикунов. Хлызову лишь в очередной раз «указали» на неправильное поведение. И опять лишили премии. Петр Тихоныч заверил, что возьмет над парнем самое неотвязное шефство: молодежь надо воспитывать, а не рубить с плеча...

Общий наркоз

Женька Булыгин к утру совсем осатанел. Зуб-коренник уже не просто болел, а прямо-таки огнем горел и выжигал из женькиной души последнее мужество - парень начал поскуливать, беспокойно заворочался на койке.

— Ты что? — спросил проснувшийся раньше времени сосед по общежитской комнате Роман Пиков.

Женька только зарычал в ответ и нехорошо выругался.

Роман торопливо зашарил рукой в поисках выключателя настольной лампы, зажег, наконец, свет.

Женька сидел на кровати в бедовой позе: голову уткнул в ободьянные колени и обхватил ее руками, приглушенно рычал. А когда повернул к Ромке лицо, тот чуть не взвыл от ужаса: физиономию приятеля раздуло до полной неузнаваемости, вместо глаз на ней зияли две узких глубоких щелки, как прорези на самодельной устрашающей маске.

— Закрой рот, дура! — ругнул Женька кореша тоже неузнаваемым, каким-то странно плямкающим голосом. — Что уставился?!

Роман закрыл рот, неуверенно сказал:

— Тебе зеркало дать?

— Катись ты со своим зеркалом! — проплямкал Женька.

— А ты глянь, — Роман взял со стола небольшое зеркало и поднес его к лицу страдальца.

Женька уставился на то, что отразилось от него в бесстрастном приборе, замер: это был не он...

Утром он рычал, уже не стесняясь любопытного окружения. Его глаза заплыли совсем, и щелок не осталось, хоть распорки вставляй, смотреть самостоятельно он не мог.

Обеспокоенный мастер Феклин повел занедужившего ремонтника в поселковый медпункт, но толку от визита вышло ноль: фельдшерица Тоня в зубах понимала несколько больше самого Феклина, но такой картины ей еще видеть не приходилось, и она растерялась, к тому же обнаружилось, что новокаина для обезболивания в наличии тоже нет. Женщина хлопотала вокруг страдальца бестолковой беспомощной птицей, пока не осенилась:

— К геологам в Метельный надо ехать! Там и врач есть!.. Господи, я никогда не видела таких отеков... тут что-то не то!..

Женьку одели, затолкали в кабину «Урала», рядом втиснулись фельдшерица и Феклин. Еле уместились в обширной, в общем-то, кабине: по морозному времени зачехлены все были в толстенные одежды сверх всякой меры. Десять километров зимника до базового поселка тюменских геологов проскочили махом. В такт подпрыгивающей на кочках машине Женька рычал что-то неуставное, но «наездник» Витек внимания на него не обращал, понуждал и понуждал «коломбину», не снижая скорости нигде, в окно смотрел как в пулеметный прицел — волком. В поселок влетели, будто одесские налетчики в Коммерческий банк...

Когда Женьке «ширнули» новокаин, он вырубился. Лежал на голом чистом полу весь из себя молчаливый и непривычно задумчивый, на вскрики ухом не повел.

— Он же не переносит новокаин! — ужаснулась молоденькая симпатичная врачиха. — Боже, кто бы знал!..

Когда Женьку реанимировали, он снова зарычал.

— Ладно, придется в город вертолетом отправлять, в санчасть, — махнул рукой Феклин, — поехали к себе...

В вахтовом поселке Феклин приставил к Женьке в качестве провожатого Романа Пикова, привез их на «вертолетку» и проинструктировал Ромку:

— Доставишь его в санчасть, сдашь с рук на руки, одного не бросай на полпути! А то заблудится еще... Сдашь медикам и сам назад, успеешь, до вечера времени много, погода летная...

Роман заверил, что кореша не бросит — как вообще Феклин мог такое подумать! Это, прямо, он не знает, что и такое...

Романа и примкнувшего к нему Женьку запихали без очереди в первый же вертолет, и они исчезли в морозной дымке, чтобы через полчаса объявиться уже в городе, а еще максимум через полчаса и в санчасти.

Феклин хлопотал по своим делам, переругивался по радиотелефону с ремонтными бригадами промысла, но про страдальца не забывал: время от времени позванивал по «нефтянке» в городскую санчасть, интересовался — ну как там Евгений Булыгин?

Санчасть такого гражданина не знала: не поступал!

Феклин не поленился, позвонил диспетчеру городской «вертолетки», та переговорила со своими «девочками», сообщила: человек со страшным лицом и его провожатый в город прибыли своевременно, встречающая «девочка» даже хотела отправить их до санчасти дежурным автобусом, но те ждать его не стали, уехали из порта обычным, маршрутным...

На другой день Феклин узнал, что его посланцы санчасти еще не достигли...

На третий день Феклину сообщили то же самое...

На четвертый день Феклин решил лететь сам, но отменили полеты из-за непогоды: запуржило...

На пятый день первым вертолетом прилетел Ромка Пиков. Был он молчалив и хмур, лица на нем не было: жуткая распухшая маска на звание лица явно не тянула.

— И ты!?! — обомлел Феклин.

— Что? — хриплым басом спросил Ромка (обычно он говорил тенором).

— Почему у тебя такое лицо?

— Какое? Нормальное...

Феклин пристально посмотрел на опухшее, с грязным подшерстком щетины, лицо оператора подземного ремонта скважин Романа Пикова, и кое-какие соображения вместе с подозрениями начали непрощено зарождаться в многомудрой мастерской голове.

— Где Булыгин? — спросил он.

— В санчасти... — теперь уже почему-то голосом сифилитика из «Оптимистической трагедии» сказал Роман.

— Когда он туда попал?

— Вчера.

— Где же вы с ним плутали столько времени? — округлил и без того круглые свои глаза Феклин.

Роман Пиков промолчал.

— Что молчишь? — задал неумный вопрос настырный мастер.

Роман сам не знал, почему он молчит. В его воспаленных красных очах плескалась невыразимая печаль и тоска, помноженные сами на себя и поделенные на одного Романа: явно томился мужик от невыгодного соотношения ноши и носителя. Феклин смотрел на него все суровее, скомандовал :

— Пиши объяснительную.

— Сейчас? — напугался Роман.

— Сейчас. При мне.

— Не могу... — помолчав, сознался Роман и отвернулся к окну.

Феклин взглянул на него многомудрым понимающим змеем, коротко приказал:

— Рассказывай все. Без комментариев.

Роман помялся, потоптался зачем-то на месте, опять глянул на мастера, сглотнул некий ком, шевельнув щетинистым кадыком, неуверенно начал:

— Ну, прилетели...

Опять посмотрел в обмороженное окошко, примолк.

— Дальше! — приказал Феклин.

— Прилетели... — проговорил Роман, — Женька уже выть начал... Я говорю, раз новокаина не переносишь, сейчас будут живьем тебя драть... Он говорит — надо бы обезболиться... Я говорю — давай...

Роман споткнулся было, но Феклин не дал ему упасть «в партер» и надал коротко:

— Не тяни кота за хвост! Дальше!

— Ну... — вздохнул Роман, — зашли на блатхату, взяли одну белую для смелости... Зашли в общагу к корешам, обезболились... Женька выть перестал, полегчало, говорит, давай еще... Сбегал я... Он говорит, давай завтра в санчасть, а то сейчас запах, медики скандал подымут... Я говорю — давай... Он обезболился и заснул, а наутро опять взвыл пуще прежнего, кончаюсь, говорит, давай обезболимся... Я сбегал... Потом еще... В общем, пока деньги не кончились... Потом в санчасть.

Ромка оцепенел.

Феклин задумчиво смотрел на Романа, Роман отрешенно смотрел в окно. Мороз разрисовал стекла плотными белыми кружевами хаотичного орнамента, смотреть, в сущности, было и не на что, но Роман пристально вглядывался в одну точку, будто заподозрил там наличие некой важной для него тайны и надо непременно разгадать ее.

Тихо было в вахтовом общежитии. Дневная смена была на промысле, ночная спала «без задних ног», слышно было, как ворчит унитаз в туалете за стеной, и где-то далеко надсадно рычит автомобиль.

— На соль. До конца вахты, — сказал Феклин, — домой со всеми не полетишь, еще недельку следом порезвишься с мешками.

Роман кивнул понимающе: кидание соли на растворном узле для квалифицированного ремонтника было тем почетным мероприятием, за которым могло следовать только увольнение.

— Ступай, — коротко сказал Феклин.

Роман охотно двинулся из комнаты, но на пороге его остановил феклинский вопрос:

— Да! А как зуб, вырвали?

Роман опять замялся, снова бросил на мастера взгляд своих пламенных очей, негромко произнес:

— Вырвали... Я сам ему пассатижами рвал, в первый же день.

— Как!? — обомлел Феклин.

— Он сам попросил! — заверил Роман. — Под общим наркозом же фактически! И пассатижи я в стакане с водкой ополоснул, стерильно! Только не помогло, все равно пришлось в санчасть вести...

1987

Два удара — восемь дыр

Брать клюкву около поселка Степан считал дурным тоном. Ползать на карачках, склевывая поштучно — до китайской пасхи ведро не наберешь. Надо было искать козырное место, где хоть лопатой гребти ягодку. И оно нашлось.

За двадцать пятым «кустом», который только-только начали разбуривать, было нетронутое болото, откуда Петюнчик Брыкин вчера приволок полный, под завязку, шестиведерный куль отборной ягоды!

Но! Но Петюнчик сообщил, что возвращаясь назад, видел на тропе растерзанную телогрейку, мятое ведро и рассыпанную клюкву... Подозрение о близости бурого туземца так взбодрило Петюнчика, что он до сих пор не помнит, как долетел до буровой и почему не оторвался от мешка, привязанного к спине гнилой веревкой. Пер через бурелом, срезая углы, строго на рокот бурового станка. Ягода сильная, сообщений о потерях еще не поступало, но больше Петюнчик туда — ни ногой!

Степан справедливо рассудил, что «бурая гипотеза» в петюнчиковом исполнении — еще не аргумент. Тем более — болото с никем не тронутой клюквой...

Степан пересказал петюнчиковы страдания электросварщику Шура, уроженцу вольного города Юрги, где, как известно, происходит все то же самое, что и в Одессе, плюс еще много такого, чего не бывает и в самой Одессе.

Тот вдохновился мгновенно:

— Да я этого бурого на шампур насажу! Заточу пику под шило и — ха! — Шура сделал выпад всем корпусом, наглядно показав, как это делается в вольном городе: ха!.. Ха!.. Два удара — восемь дыр! Пик четырехрожковую сварю! Как с пулемета садану!.. Идем!..

До двадцать пятого куста скважин добрались на перекладных. Дальше в лес убегала малоприметная тропка. Первым двигался Шура с четырехрожковым копьём наперевес. Вещь получилась тяжеловатой, зато надежной. Пики уроженец приспособил к пожарному багру, сообразив, что, если медведь сорвется с пик, то зацепится за крюк и уже никак не смоеется.

Степан топал сзади, размышляя о том, что петюнчиковы видения на слепую веру принимать нельзя, но... береженого бог бережет.

Следов трагедии на тропе не было. Вышли на заветное болото и ахнули: рубиновые россыпи клюквы возлежали на чистом мху сплошным ковром. Никогда ничего подобного не видевший Шура с перепугу чуть было не вякнул, что такого, пожалуй, и в Юрге не увидишь... Но вовремя одумался и затоптал крамолу в зародыше. Только руки сами собой стали хватать хорошую находку так, словно она плохо лежит. Трясина шевелилась...

Рационалист Степан достал из мешка ведро и эмалированную кружку величиной с детский горшок.

— Смотри, копыеносец, как надо брать ягоду в век дуста и акселерации!
— Степан принялся сметать россыпи кружкой в круглую пасть ведра. Дело пошло лихо: через пару часов он нагреб полный куль и помог добрать Шура. Приделали к мешкам веревочные лямки, впряглись.

Маленького Шуру вдавило в мох и согнуло буквой «г». И еще «четырёхстволка» тянула вниз. Шагнуть он не мог, как ни силился.

— Брось вилы! — потребовал Степан.

Шура бросил орудие, но шагнуть все равно не смог: приподнял одну ногу — вторая утонула во мху. Трясина заволновалась.

— Вставай на четыре кости! — крикнул Степан. — Ползи до тверди!..

Шура пал на передок — руки до локтей утопли... Стоял, как собака в сугробе.

Степан осторожно добрался до Шуры, помог выбраться на поверхность болота, и они, держась друг за друга, двумя буквами «г» заковыляли через трясины к лесной гриве.

Оба «в мыле» выдрались из болота, выбрались на твердь и упали под дерево, дыша тяжело и часто. Пот капал с бровей горячими дробинками, но, когда справа в кустах затрещал ломаемый тяжкой поступью валежник, враз стало холодно: привязанных к мешкам, их можно было брать голыми руками, а не то что когтями...

Невероятное, но очевидное: Шура вбежал на березу бурундуком. Вместе с мешком. Еще невероятней, но Степан при таком же вознесении не уронил и ведро с кружкой! И только когда, не успев тормознуть, Степан ткнулся головой в шурин зад, тот нехорошо закричал. К чести уроженца вольного города, солировал он недолго: взвыл от непонимания причины воя и Степан. И оба разом смолкли, как умерли. Не сговариваясь...

Неизвестный шел к березе...

При ближайшем рассмотрении во все глаза сквозь золотистую листву, ничего неизвестного в неизвестном не оказалось: на тропу вышел электрик Женька Фокин. Остановился, поозирался по сторонам, пожал плечами и полез назад в чащу.

Шура со Степаном голоса ему не подали. Подождали, тихонько слезли вниз и крадучись засеменяли дальше... Возле буровой легли в траву, отдышались.

На тропе показался Женька с ведром.

— Шура! — значительно начал Степан. — Неизвестно, как бы это выглядело в твоей чертовой Юрге, но если ты сейчас при Женьке хоть слово вякнешь про березу...

— Я покажу тебе, что делают в таких случаях в Юрге, если ты сам сейчас еще хоть слово об этом каркнешь! — продолжил Шура.

И они смолкли.

— Привет, орлы! — поприветствовал их подошедший Женька и сел рядом.

— Здорово, дядя, — поприветствовал Шура.

Степан смолчал.

— Ох, натопался, — сказал Женька, — клюкву брали? Я тоже вчера клюквы урвал, две ходки пришлось делать, мешок вынес полный, да еще за вторым неполным пришлось возвращаться — язык на плечо!..

— И Петюнчик Брыкин вчера куль надрал, — поделился Шура, — да говорит, медведь, вроде, на тропе рвал кого-то: телогрейка, ведро, ягоды там валялись...

— Да я это оставлял! — засмеялся Женька. — Второй ходкой забрал после. Как мы с ним не встретились? Ну, да болото большое... И сейчас, голубику собираю, вдруг кто-то как заорет рядом! Глядел-глядел, никого не выглядел... Шляется народишко...

Рвач

Иван Рысаков сорвал торжественную встречу столичных литераторов в клубе вахтового посёлка. Нефтяное начальство завезло их сюда вертолётom и представило «героям и покорителям Севера», рассеявшимся плотной телогреечной массой в небольшом зале, и выразило надежду на установление «дружеских связей»...

Иван не считал себя ни покорителем, ни героем, равно как и все присутствующие, но не без интереса слушал стихи и полемику. Потом заскучал. И вдруг встрепенулся – немолодой, почтенного вида мэтр назвал Владимира Высоцкого самодеятельным менестрелем, не лишённым оригинальности...

-Минуту! – встал Иван. – Одну минуту!

Все повернулись в сторону незапланированного выскочки.

-Я только уточню! – сказал Иван. – Через тысячу лет будут читать только двух поэтов двадцатого века: Есенина и Высоцкого! Остальных будут знать только литературоведы. У меня всё.

И сел. Он не соврал – уложился даже менее чем в минуту. Зато ещё две в зале стояла тишина. И встреча скомкалась...

После чего Ивану устроили выволочку начальник промысла Варенцов и мастер Пенкин, упирая на «нетактичность, переходящую в откровенное хамство...» Другой послушал бы и не придал этому никакого значения. Но не Иван. Он полез на рожон:

-Нечего вообще таких обидчивых сюда возить! Пусть в столичных салонах комплименты собирают. А здесь мы сами с усами и знаем, кто чего стоит.

-Ты со своим Высоцким скоро по фазе сдвинешься! – подсадовал Пенкин.

-Высоцкий – такой же мой, как и твой, - возразил Иван, - а слушать его никто никого не заставляет, нравится – что, не нравится – нет...

-А на москвичей-то зачем накинута? – спросил Варенцов. – Что они тебе сделали?

-Не накинута, а выразил своё мнение. Как и они своё.

-А в какой формне? – насупился шеф. – Об этом подумал? Каково после такого заявления свои стихи залу читать? Ведь они к нам с добром приехали... Обормот ты, Ванька. Сгинь с моих глаз!..

-А почему бы им и нас не послушать!? – вспушился Иван. – Что за беседа, когда говорит только одна сторона, а мы сидим и ушами хлопаем!

-Тебя не переговоришь! – замахал руками Варенцов. – Изыди!

Иван изошёл. И у своей комнаты столкнулся с Самоедом.

-Ну, ты выступил в клубе! – то ли восхитился, то ли возмутился Самоед.

-Могу и не в клубе, могу на всю страну сказать то же самое! – рыкнул не остывший ещё Иван.

-Лошадь ты и есть лошадь! Кто ж тебя до всей страны допустит!

-Напишу во все газеты и журналы, кто-нибудь да тиснет!

-Брось! – отмахнулся Самоед. – Ставлю три кассеты последних записей Высоцкого против твоего паршивого «Сони» – не выйдет!

Он лгал: рысаковский «Сони» не был паршивым магнитофоном, напротив, был предметом тайного вожделения меломана Самоеда. И

Самоед знал, куда бил – Иван меломаном не был, но из всех великих мира сего признавал одного Высоцкого, и признавал категорично – гений!!!

-Что за последние записи? – насторожился Иван, обладающий, как он считал, всеми мыслимыми записями стихов и песен любимого поэта.

-Самые последние, никому не известные! По благу достал! – заверещал Самоед.

-Ну и бластуй дальше, - оборвал его Иван. – Обойдёмся без твоих сокровищ.

-Да ты хоть зайдёшь послушать! – загомонил Самоед. – Или хошь, я к тебе сам зайду с записями!

-Валяй, - снизошёл Иван.

Самоед мухой слетал в свою комнату и вернулся с кассетами. Вставил первую в рываковский «Сони», и хриплый голос закричал про всё на свете, пересыпая забористые речитативы матерками. Иван как упёрся подбородком в кулаки, так и дослушал до конца все три «верёвки». А когда восхищённый Самоед закричал «ну как!? Клёво!?!..», Иван вдруг встал, собрал кассеты и ... начал рвать плёнки. Деловито, как общипывают курицу к обеду. Самоед оцепенел. Потом взвыл:

-Ты что, гад!!! Да ты знаешь, курва, сколь я платил за них!?!..

Иван продолжал рвачество. Самоед кинулся на него, норовя вырвать у Ивана плёнки или руки, но не тут-то было: тот отбил атаку и ещё настырней рвал песнопения в клочья. Самоед уже совершенно вне себя налетел на него, норовя оторвать рываковскую голову...

Разняли их махом, и не менее скоро Ивану устроили очередную выволочку: в вахтовом посёлке все новости распространялись со скоростью звука.

-Ты чего с Самоедом сцепился!? – накинулся на него мастер Пенкин.

Иван промолчал.

-Ну что случилось-то? – злился мастер. – За что ты его выволок в дверь!?

-За волосы.

-Я в смысле причины!

-Он мне в душу плюнул! – коротко пояснил Иван.

-Как? – удивился шеф.

-Слюной.

-Не понял...

-Если тебе вместо Высоцкого полтора часа крутить какого-то ублюдка хрипатога – это как назвать?

-Самоед орёт, что три сотни зелёных за кассеты с него сорвали...

-И ещё я башку с него сорву, если он ещё раз сунется ко мне со своим фуфлом!

-Ну! Рвач нашёлся! – укорил Пенкин. Что, правда подделку Самоеду впарили?.. А мы вчера у него слушали, и не поняли...

-Зато я понял.

-Ну, ты это ты!.. – усмехнулся мастер. – А он тебе три сотни век не забудет. Знаю Самоеда.

-А меня знаешь? – поднял голову Иван.

-Знаю, - ухмыльнулся Пенкин. – Только рви ему голову где-нибудь подальше от посёлка, чтоб никто не слышал протестов.

-Что теперь-то рвать, у него от такой потери и головы не осталось...
Ладно, утешь его: верну я ему эти песни в том же исполнении.

-Где возьмёшь? – поинтересовался мастер.

-А что тут братъ-то! – засмеялся Иван. – Это ж Толик Хоботов с похмелья напел на свой магнитофон и Самоеду толкнул за три сотни...

-Что ж ты сразу не сказал!? Зачем комедию устраивал!?

-А как иначе отучишь Самоеда от привычки бросаться на всякое дерьмо с ложкой? Пусть побесится. Узнает – ещё и волосы на своей голове рвать станет.

Агдам

Василию Буренкову не повезло с характером: трезвый – человек как человек, пьяный – гад гадом... Не было в вахтовом посёлке души, которую бы Васёк не поклялся хоть однажды вытряхнуть из брэнного тела.

На этот раз он недолго искал приключений: в двадцатой комнате первого общежития ему споро «набили баки» и выкинули за дверь поясницей вперёд. Белокурый пёс с красной надписью «Агдам» по левому борту отпрянул в сторону и замер, уставившись на Васька. Принюхался подозрительно – так и есть... Шерсть на волкодаве встала дыбом.

Ненавистный запах «Агдама» пёс не спутал бы с запахами миллионов аналогичных винных суррогатов...

Весной подгулявшие буровики затеяли игру с доверчивым ничейно-общественным псом и умудрились напоить его вдрызг. Компанейский пёс не мог наотрез отказаться от непрошеного угощения: вроде бы играясь, крепко держали его сразу несколько человек, а Васёк заливал в собачью глотку вино. Пёс содрогался, протестуя внешне и внутренне. Мог бы, пожалуй, и вырваться, но не поднялась челюсть на бывшие дружеские руки. А шутники уже выводили пожарной краской на собачьем боку заветное словечко.

Проснулся пёс под лестницей в великом страдании. Трещал череп, и всё было неправильно... Милая сердцу собачья жизнь поблекла, всё вокруг стало унылым и постылым. Тоска, чувство огромной вины перед всем миром сразу, переполняли плачущую душу. Память отшибло начисто, и пёс не мог помнить, как проволокли его за хвост по коридору и кинули в тёмный угол. Но запах «Агдама» пёс запомнил на всю оставшуюся жизнь...

Сейчас пёс задыхался от пароксизма ненависти, едва сдерживаемый остатками гуманизма. Васёк дюзнулся о противоположную стену коридора, отскочил и упал на «четыре кости». Агдам злобно-сдержанно куснул Васю за задницу. Зубья отрикоштели от туго обтянутой джинсами округлости, не причинив видимого вреда. Агдам повторил наскок.

Вася от ужаса взвыл и иноходью побежал по коридору, быстро перебирая руками и ногами. Агдам рысил рядом и всё настырнее надкусывал. Пёс чуть не плакал от досады, что не удавалось ухватить надёжнее, плотноджинсовая округлость вырывалась из зубов. Васёк плакать и не пытался, не до того было, он скатился вниз по лестнице на первый этаж, головой оттолкнул дверь и вынесся на волю. Агдам не отставал, не давая подняться на ноги, погнался напрямки через клумбу, лужу, и всё самозабвеннее рвал, рвал, рвал...

Вася испытал сверхужас. Он встал, наконец, на дыбы, несобранно поскакал через колдобины к лесу, чувствуя за спиной страшное хрипенье лютящего пса.

Скачка здесь не могла длиться долго, она должна была во что-то упереться. И она упёрлась в Моню Сухаревича. Моня с рюкзаком, плотно затаренным бутылками с вином, топал из соседнего посёлка, где был магазин с гастрономией и прочим. Тут-то и сбил его с ног очумевший Васёк...

Будь в моём рюкзаке что угодно, но только не злополучный «Агдам», всё пошло бы, пожалуй, по-другому. Но не зря говорят, что судьба играет человеком, если он играет на ней, как на трубе: именно «Агдам» плескался за моёй спиной...

Сбитый с уставших ног, Мона упал, рюкзак клацнул о корневища... Пёс обомлел. Такого издевательства хватило бы с перебором на добрую свору: густая ненавистная вонь повеяла от рюкзака, вгрызлась в собачьи мозги, разрывая их в клочья.

Агдам осатанел.

Понеслись по тропе Вася и примкнувший к нему Мона, поочередно мелькая перед псом надорванными штанами. Отбиваться и не думали: обезумевший волкодав разметал бы их клочьями.

Свернуть было некуда: кругом топкое болото, а потом они просто проскочили поворот к посёлку и вынеслись на берег реки. Куда!?!..Куда!?!.. Монины мозги не полностью утратили способность соображать, и он с ходу влетел в старый контейнер с приветливо распахнутой дверью среди сонмища таких же ржаво-красных «сородичей»... Следом влетел Васёк, упал на пороге и взвыл, отбиваясь от пса ногами. Мона быстро захлопнул дверцу, шаркнув ею по морде беснующегося пса. Васёк рванулся, оставив в собачьей пасти ботинок, лежал на дощатом полу, всхлипывая. Дышал так, что хилый пол под ним шевелился...

Мона подержал дверь руками, заметил рядом ржавую проволоку, дотянулся до неё, кое-как привязал створку и без сил сполз по стене на пол.

Когда Агдам охрип от лая, Мона обнаружил признаки жизни:

-Вась... - позвал он.

-Что?!.. –прохрипел Вася.

-Живой?

-Не знаю...

Полежали ещё. Потом Мона встал, начал снимать прилипший к спине рюкзак – там что-то загремело. Васёк насторожился:

-Что это у тебя?

-Ничего...

Мона стащил со спины побрякивающую кучу, развязал завязки, осторожно высыпал содержимое на пол. Среди мокрых осколков сохранилось несколько уцелевших «огнетушителей» вина...

-Ещё не всё потеряно... - удивился Мона.

Молчал бы Мона про находку, может и пронесло бы мороку... Не сообразил.

Вася бросил на вонючую кучу свой мутный взор и встрепенулся: вытянул из осколков «огнетушитель», довольно хохотнул...

Портвейновая вонь заполнила малое пространство контейнера, метастазами распространилась наружу.

Васёк ликовал внутри, пёс сатанел снаружи. Васёк натренированной рукой свернул бутылке голову, приложился к горлу, ополовинил начинку. Умиrotворённо откинулся к стенке, ощущая, как новая доза вступила в реакцию со «старыми дрожжами» и всколыхнула муть куража. Протянул сосуд Моне:

-Тяни.

Моня отрицательно помотал головой. Васёк осерчал, сунул бутылку Моне в рот:

-Жри!

-Убери! – ощетинился Моня.

-С тобой, как с человеком, а ты, как свинья!? – возмутился Вася. – Брезгуешь, гад!? – он приподнялся с пола.

-Да ты что докопался!? – вскинулся Моня. – Сядь! И не возникай!

-Ах ты, сволочь! – вскинулся и Васёк. – Ты меня пугать!?...

Он сгрёб в кулак штормовку на мониной груди, ткнул ему в лицо бытылочным горлом:

- Пей, скотина!

Васёк в трезвом виде был человек человеком. Пьяный – гад гадом. Моня знал это. Так же как и то, что уговоры здесь бесполезны. Моня был трезв и обстановку оценил трезво: здесь зверь, и за дверью зверь. Выбора не было. Он взял бутылку, оттолкнул Васька:

-Не лез. Сам...

Васёк разразился всеми децибеллами своей глотки, но пока отстал. Моня допил вино и сунул бутылку в угол. Но Вася схватил её, отжал пошире щель в двери, к которой сразу бросился Агдам, и швырнул бутылку в пса:

-На, сучья рожа!

Неловко брошенная с неудобной позиции, бутылка всё же шаркнула пса

скользком. Он зашёлся в остервенении.

- Щас я тебя успокою! – посулил Васёк.

Он взял другую уцелевшую бутылку, свернул ей голову, опять поглыкал из горла, и, не допив, швырнул в собаку:

-Получай, фашист, гранату!

Бутылка пса не задела, только обрызгала его выплеснувшимся вином, да еще Васёк поуськал пса – тот в ярости начал уже скрести когтями и зубами ржавую сталь контейнера. Васёк снова пошарил в осколках, нашёл ещё одну уцелевшую бутылку...

Моня смотрел в сторону.

-Пей! – снова пристал к нему Васёк.

-Отвали! – Моня взъерошился не хуже пса.

-Ах ты, падла! – Васёк ткнул Моню бутылкой в лицо. Удар без замаха получился слабый, но из рассеченной губы Мони закапала кровь.

Моня не сорвался с тормозов, действовал деловито и собранно. Уняв первую всколыхнувшуюся ярость, он встал, подождал, когда встал и Васёк, потом сосредоточился и врезал ему ногой в живот. Тот хрюкнул и кулём плюхнулся на пол. Моня быстро завёл вялые васины руки за спину, связал брючным ремнём. Усадил Васю в угол, снял ремень и с него, связал ему ноги. Сел в сторонке и закурил: сигарета в руках ходуном ходила.

Васёк очнулся нескоро, а очнувшись, стал брыкаться, рычал что-то нечленораздельное. Моня нашёл ещё целую бутылку, открыл, и влил вино в Васька, как в радиатор. Тот уворачивался, хрипел, плевался, но Моня зажал его голову под мышкой и не отпускал, пока не влил всё. Васёк посидел истуканом, потом белки его глаз закатились под лоб, и сам он обмяк, ткнулся в пол головой. Моня подождал малость, рассупонил его и сел рядом...

Лёгкие северные сумерки зыбким полусветом обрисовали берёзку, виднеющуюся в дверную щель, болото за ней. И даже тропу, по которой они прибежали сюда, было хорошо видно. Да и то сказать – какая сейчас тут ночь? Одно название. Где-то спрятался обезумевший Агдам... Моря подвинулся к щели. Нет! Вон он, зыркает из травы ненавидящими мутами глаз...

Моря то задрёмывал, то вновь просыпался. Посматривал на Ваську – тот спал, положив на пол нафаршированную портвейном голову, губастый рот был открыт. Далеко было до утра, когда он опомнится. Моря подумал, что надо бы выкинуть или вылить оставшееся вино из бутылки, но дрема сморила его.

Моря заснул. Снился ему дом отцовский, поле за околицей родной деревни, стога...

Васёк проснулся под утро в великом страдании. С души рвало, трещал череп, и всё было... неправильно. Милая сердцу молодая жизнь поблекла, всё вокруг стало унылым и постылым. Тоска, чувство огромной вины перед всем миром сразу, переполняли плачущую душу. Память отшибло начисто, и он не мог вспомнить, как он сюда попал и где он вообще.

Увидел спящего рядом Моря Сухаревича. В памяти проступили какие-то воспоминания, не воспоминания, а так – обрывки...

Он осторожно поднялся, боясь всколыхнуть стонущие мозги, отвязал проволоку на двери и вышел из странной клетки, оказавшейся обычным контейнером...

Тихо. Он постоял ещё... В стороне метнулась светлая тень. Что-то знакомое... «Агдам!» – осенила радостная догадка. Трезвеющий Васёк становился человеком.

-Агдам! Агдамушка!.. – улыбался Васёк летящему к нему псу, протянул навстречу приветливые руки.

Агдам разорвал ему горло на лету.

Теремок

Рвать подмётки на ходу Илья Колпаков ещё не научился, но к этому стремился. А за неимением подмёток мог рвануть и полозья от саней. Что и сделал, когда буровики поимели глупость оставить у обочины узенькой дороги добротный вагон-балок...

Илья с Репудином галопировали на «Кировце» с дальнего куста скважин и на вагон наткнулись, как махновцы на нетронутое местечко. Репудин так осадил «скакуна», что Илюха мало что не вылетел в лобовое стекло.

-Издеваешься!? – огорчился Млья.

-Да ты глянь, Колпак, терем-то какой!

Илья всмотрелся, вывалился из кабины и потрусил обследовать находку. Да уж! На полозьях из огромных труб отдыхала просторная брусовая изба, для прочности обваренная швеллером: износу ей не было... Таковую хоть с вертолётки кинь – только крякнет и ни в одном глазу!

Дверь на внутреннем замке. Но в зарешёченные окна видно всё – шик избыща! Затащить такую в лесок за дожимной станцией – с собаками не найдут! Житуху можно устроить малиновую: в первой комнате – верхонки скидывать, во второй – телогрейки, в третьей – в «тыщу» играть, в четвёртой... На четвёртую фантазии не хватило. Но – была бы шляпа, а голова найдётся.

-Что стоишь, чучело!!! – истерически закричал Илья на бестолкового тракториста. – Подгоняй!!! Цепляем!!!

Репудин выразительно постучал себя казанками по темени, затем по кабине.

-На что намякиваешь!? – насторожился Илья.

У тебя все дома, Колпак? Знаешь что за такое бывает? Увидят хозяева, самый кривой лом об нас с тобой выпрямят! И никакая ООН не поможет. Прыгай в седло и ходу, пока не застучали!

Колпак вознёсся в кабину, с тоской оглянулся.

Помолчали до первой кочки, вытряхнувший из каждого по слову:

-Ночью. – Выпало из Ильи Колпакова.

-Сегодняшней. – Уточнил Репудин. И он был прав: больше, чем на ночь, такие штуки на дороге не оставляют. Только бы конкуренты не перехватили, публика здесь шастает всякая...

После ужина Репудин с Ильёй и примкнувший к ним сварщик Шура вынеслись на «кировце» на промысловую бетонку. Через минуту приветливые огни вахтового посёлка перемигнулись с задним прожектором трактора и иссякли.

Маленький Шура имел преимущество перед сообщниками: на кочках его до потолка не добрасывало. Поэтому он усиленно подгонял Репудина: «Дави шпору, наездник! Спасать добро надо! Уведут! Ох, уведут!..»

Разогнать воющий самокат ещё быстрее было уже невозможно: трёхсотсильный дизель ревел вепрем.

Прямая. Поворот. Подъём. Спуск. Направо. Налево. Ещё подъём. Ходу. Ещё ходу...

Успели. Терем стоял на том же месте в не украденном состоянии. Шура осмотрел находку в свете прожектора, запричитал:

-А если б опоздали!? Такой товар!.. Вдруг украли б!?!.. Не прощу!.. Спасать добро надо!

Шура с Ильёй шустро зацепили сани могучим тросом. Репудин дал гари. Кировец задрожал всеми своими лошадиными силами, вскопытил снег, и зарылся по самое брюхо. Терем – ни с места. Не шелохнулся он и тогда, когда в надежде раскатать его кировец стал цепным псом кидаться в разные стороны. Илья чуть не плакал от досады. Шура в голос хаял безмозглых соучастников:

-Пни берёзовые!.. Колуны!.. Кодлу на такое дело собирать надо! Кодлу!..

Отстегнулись от терема и понеслись в посёлок за подмогой.

Трое поднятых по тревоге шоферов на второй фразе поняли всё и бросились «по коням». Три «Краза» – цистерны до «ушей» залили тяжёлым солевым раствором для улучшения тяги, и автобанда заспешила к терему.

Вагон ещё не украли.

Впряглись цугом. Взвыли дизеля суммарной мощностью за тысячу лошадей.

Терем пошёл.

Шура дирижировал оркестром внутреннего сгорания при помощи верхонков, Илья победно взмахивал монтажкой.

А на развилке у бетонки терем встал. Автобанда скребла колёсами обмороженный бетон, пока не задымилась резина. Остановили утомлённые «двигуны» и вышли посмотреть в чём дело. Всё, вроде, на месте... А!.. Вот: сани наехали на короткий стальной уголок, пришедшийся как раз под оба полоза! Надо ж такому случиться...

-Спасибо, мужики! – громко сообщил инородный голос. – Хватит!

Спасатели вздрогнули, разом обернулись: в тёмном проёме открытой двери терема жмурился от прожекторного света человек в телогрейке и с кочергой.

-Вы, гляжу, левый поворот начали, а мне направо! – сказал кочергоносец.

Спасатели боком-боком отступили к машинам, суетливо скинули с форкопов тросы, прыгнули «по коням» и скачками ушли в ночь. Репудин, предатель, «дал шпоры», как только Шура с Ильёй отстегнули его от саней. Едва, негодяй, не задавил корешей, бросившихся было на посадку. Хорошо, вовремя упали в сугроб...

Сразу стало тихо и нехорошо.

-Ну, что уши прижали? Заходите! – сказал из темноты мужик.

Спасатели помалкивали, соображая, чем их будут поднимать на ноги – где кочерга, там и полено...

Мужик подождал и захлопнул дверь. Спасатели выкарабкались из сугроба

И затосковали: двадцать верст до посёлка...

Илья подкрался к окошку, заглянул. Мужик поставил на железную печку чайник... красиво устроился, гад...

«Гад» снова открыл дверь:

-Окочуритесь, ухорезы! Заходите, куда вам теперь деваться.

Деваться было некуда. Помявшись, вошли в помещение, неярко освещённое «летучей мышью».

-Располагайтесь! – хозяин кивнул в сторону скамеек. – До утра прокантуетесь, уедете с попуткой.

Спасатели чувствовали себя, как Штирлиц под колпаком у папаши Мюллера, но смекнули, что «брат» их не будут...

Хозяину, видимо, наскучило одиночество, он с охотой излагал свою историю:

-Мы маленько не дотянули до места, один трактор сломался, пришлось небитому битого тянуть в посёлок. По нашим расчётам грабить нас должны были под утро, я и приспал малость. Хорошо, до бетонки проснулся, успел тормоз бросить. Специально приспособили уголок на полозьях! Дёрнул – он и пал под копыта! Танком не сдвинешь!.. Не впервые таким макаром передвигаемся, безотказный номер. Жаль, не в ту сторону вы повернули, тут всего ничего до места осталось...

Спасатели помалкивали. Гостеприимный хозяин скормил им пару несвежих анекдотов, но они всё равно смотрели волками.

В окно резанул свет автомобильных фар. Хозяин притушил лампу, приткнулся к окну...

Возле терема остановился «Урал»-трубовоз. Вышли двое... Хозяин тихо задвинул засов на двери.

Двое скрипели снегом вокруг да около, заглядывали в тёмные окна. Поторкались в дверь, вернулись в кабину. Машина постояла, фыркающая дымным выхлопом. Уехали...

-Ну, ждите гостей! – сказал хозяин. – Ставлю «три звезды» против «трёх семёрок» через пару часов будут!

Он засветил лампу.

-Давайте знакомиться: Роман!

-Илья... Шура... - буркнули гости.

-Мужики, - распорядился Роман. – Берём лом, кувалду, айда выковырнем угол из-под полозьев и снова настроим его...

Мощную железяку выколотили на удивление легко. А тормоз был надёжный.

Гости нагрянули под утро.

Повезло Роману: сани с теремом потянули направо. Роман не отходил от окна, опасаясь проскочить нужное место. Шура с Ильёй держались возле спусковой вёревки тормоза, ждали отмашки.

Номер повторился.

И эта автобанда застопорилась. Вышли из кабин глянуть, в чём дело...

Из терема вышли трое с разными предметами в руках: лом, кочерга, кувалда. Трос им пришлось отцеплять самим: очередные спасатели зыркали из темноты, стесняясь приблизиться.

Через минуту опять стало тихо. Эти на поле боя никого не бросили...

КРС

Нигде, никогда ничего не происходило такого, чего бы уже не было в Юрге, которую мало кто и знал бы, если б не сварщик Шура. Для популярности города он сделал больше, чем культурные силы Юрги скопом взятые. Все знакомые вахтовики были убеждены Шурой в следующем:

1. Юрга – вольный город на манер старорежимной Одессы.
2. Образ правления в Юрге – вульгарно-демократическая республика с уклоном во все стороны сразу.
3. Юргинские нравы: два шага от вокзала в сторону и – хана. Ноги выдернут, спички вставят и скажут: так и было!
4. Самого Шуру Скворцова в Юрге знает каждая собака. Не веришь – спроси. И Шура всех юргинских собак знает в лицо. И поимённо.

А вахтовать в нефтепроме на полудиком Севере Шуру загнали не собаки, а долговатый рубль и любопытство глянуть: как оно там, не в Юрге-то? Оказалось, ничего, подходяще. Работалось Шуре спокойно, при общительной натуре скучно ему не бывало, мог рассказывать байки до потери сознательности, когда товарищи начинали уже умолять заткнуться и дать поспать...

В беседах Шура никому поднять головы не позволял. Стоило кому-то заикнуться, неважно о чём, Шура уже пояснял, как это выглядело в Юрге.

В Стрежевском аэропорту за полторы сигареты до посадки в самолёт репродукторное ботало крикнуло, чтобы «вахта кэрээс зашла в диспетчерскую». Больше оно ничего не добавило, потому-что и так всякому ясно, что кэрээс – это обиходное сокращение от «капитальный ремонт скважин». Соответствующее управление носит такое название – КРС, произносимое тут только как кэрээс.

Шура тут же, не отходя от урны с охнариками, поведал, что в Юрге тоже есть свой КРС. Это комплекс крупного рогатого скота. Недавно этот КРС наделал много шума в вольном городе. Первый же набег ревизоров выявил в юргинском кэрээсе недостачу четырёхсот свиней беконной породы. Пока ревизоры пересчитывали исчезнувшее поголовье крупнорогатых свиней, отцы города и кэрээса соображали: что делать? Не существовало не только свиней, но и самого кэрээса. За свой КРС выдавали чужой комплекс, волей случая возведённый сопредельной областью на нейтральной полосе. Юргинцы изловчились сдать госкомиссии чужой КРС, как собственный, на возведение которого планоно и целенаправленно отпускались казённые деньги! Те самые деньги, которые были и «сплыли». Юргинские «отцы» их в личные особняки и «мерседесы» обналичили.

А соседи отгрохали свой КРС неплавно, на деньги, которые казна целенаправленно дала им для строительства автодороги из их губернии в Юргу!

Пришёл срок, и кому-то из соседских отцов-командиров начали «выкручивать хвост» за срыв строительства дороги. Те к юргинцам : « Выручайте!.. Заберите наш чёртов КРС, постройте нам дорогу!..»

Комбинация юргинцам была выгодна: на прикарманенную разницу в стоимости можно было каждому «отцу города» по личному «боингу» купить. Дорогу слепили махом на деньги, предназначенные для

строительства противопаводковой дамбы и взамен получили готовый КРС! Оставалось со временем втихаря узаконить подкидыша.

Свинью подложили свиньи. Не было их на КРС никогда и никаких – ни крупных, ни мелких, ни, тем более, рогатых. Но по документам числились! Дело в том, что артель, желающая продать юргинцам коров, права на то не имела. Зато имела право продавать свиней! И коровы были оформлены как свиньи! А превратить затем беконных свиней в холмогорских коров юргинские генетики могли без всякой генетики. Просто не успели. Ревизия подгадила.

Хотя юргинцы и не такие бойкие, как одесситы, но и они до трёх не считают там, где уже при счёте «раз!» надо кричать «взяли!». Они спрятали в лесу коров, одолжили у соседей свиней на время ревизии, и устроили им встречу с ревизорами.

Ревизоры ахнули и молча подписали акты, в которых всё сошлось, как в выигрышной облигации.

И тут кто-то из внутренних врагов натравил на КРС пинкертонов. Те примчались на КРС и обнаружили там уже не свиней, а коров!

Пинкертоны подняли на ноги шерлок-холмсов...

Досказать историю юргинского кэрээса Шура не успел: началась посадка в «дуглас».

А в Юрге я был. Проездом. Ноги мне не выдернули. Наверно потому что и без того надёргали более чем достаточно: на улицах было малоллюдно, тихо. Две собаки, одна с верхонку величиной, другая с табуретку, гнали куда-то козу с деревянной треуголкой на шее. Тоже молча. Лица у собак показались знакомыми, вроде, где-то видел, но останавливать было неудобно: при деле хвостатые...

Довелось свидеться и с КРС. Это когда наш автобус уже вынесся за город. Прямо перед лобовым стеклом выросли вдруг огромные бетонные надолбы! Тут-то и дошло до меня: вот она, хана, обещанная Шурой!..

Пронесло, однако.

Через пару судорожных вздохов оглянулся и увидел бетонные буквы с изнанки. А если смотреть с точки зрения Юрги, шмыгнули мы как раз под К.

Вокруг было чистое поле и горизонты не осквернялись никакими деталями.

А дорога хорошая.

Время - деньги

Василий Загребаев работал по сорок восемь часов в сутки. Двенадцать часов он, вахтовик-нефтяник, отдавал родному производству: скручивал концы стального троса в аккуратные петли – стропы плёл. Двенадцать часов оставалось на сон, приём пищи и прочие ненужные дела. Поэтому, чтобы не терять время, он устроился по совместительству ночным сторожем в вышкомонтажную контору. Так набралось двадцать четыре рабочих часа в сутки. И всё равно чего-то не хватало...

Лимит суточного времени был исчерпан, надо было выискивать внутренние резервы. За забором вышкомонтажной конторы обнаружилась маленькая артель «Бурвод», и через четверть часа Василий доказал как дважды два её начальнику, что толстенные полуторатонные стальные трубы унесёт нелёгкая... если оставить их на ночь хоть за какими замками. Полставки рабочего первого разряда было обеспечено. Сутки раздулись до тридцати рабочих часов, и это было не пределом!

Просыпаясь светлой северной ночью в вышкомонтажной сторожке, Василий садился на забор, закуривал и стряхивал пепел на территорию сопредельного «Бурвода». В сутки явно ещё что-то можно было впихнуть...

Что-то нашлось у буровиков. Измученные лавиной обязательных бумаг, управленцы уцепились за предложение Василия: за полставки сшивать деловую макулатуру в удобные для последующего выкидывания брошюры. Оформили.

Белыми и серыми ночами он уже не сидел на вышкомонтажном заборе, а ковырял шилом бесконечные ведомости, отчёты, обчёты... Тридцать шесть часов рабочего времени уложились в сутки как новые патроны в измочаленный патронташ – зазор оставался.

Жизнь стала гораздо содержательней, когда на основной работе Василий начал тайно плести стальные тенёта ещё для двух посторонних стройуправлений сразу. Ещё две полставки давали ещё двенадцать часов. Сорок восемь часов рабочего времени в сутки оборачивались шестью зарплатами в шести разных организациях. Побочные зарплаты были меньше основной, но их было больше и они по весу перетягивали основную. Перед вылетом домой Василий отмусоливал побочные доходы от основных: попасться на глаза супруге они не имели права.

Две недели домашнего отдыха томили бессмысленностью истекаемого времени. Василий уже не мыслил просто времени, не измеряемого какими-либо «человеко-часами». Новые возможности он открыл, не отходя от родного дома: в подвале основали пункт приёма стеклотары, и Василий успел собою закрыть вакансию приёмщика. Но ночь оставалась! Пришлось устроиться ещё и ночным сторожем...

Теперь время даром не текло.

Как выросли и куда делись дети, Василий не знал. Пропажу жены обнаружил случайно: в почтовом ящике нашёл однажды пожелтевшую повестку в нарсуд для развода и письмо. Оказывается, жена давно уехала в другой город. Дата на повестке безнадежно устарела, но на всякий случай Загребаев отослал в суд заявление, чтобы развели без него... Некогда было ему по судам таскаться, он и в ящик-то заглянул

сам не знает зачем: сроду никому не писал и ни от кого ничего не получал...

Неполадки начались дома... Расчитывая клиентов за стеклотару, Василий называл рубли часами, а копейки минутами. Одни улыбались, другие смотрели подозрительно.

Получая зарплату в родном нефтяном управлении, Василий нашёл, что его обсчитали на сорок часов двадцать минут. Бухгалтерша не поняла, о чём он говорит, и Василия это рассердило не на шутку. Он кричал про трудовые часы и минуты, пытался перевести разговор в другое измерение... Всеобщее непонимание окончательно вывело его из себя...

В психиатрической больнице Василий с первого дня повёл подсчёт потерянным человеко-часам и человеко-минутам. Врачи говорили, что это пройдёт со временем. Василий с ними соглашался, но подсчёты не прекращал.

1987

Двадцать первый

Едва ли Николай Увагин смог бы объяснить мастеру — зачем ему надо улететь домой сегодня, если вахта кончается завтра. Да Феклин и не спрашивал. За годы совместной работы он привык к тому, что временами Николаю «вступает в голову» и тогда на этой голове хоть кол теши, хоть прямо из головы кол вытесывай; все одно своего добиваться будет настырно...

Да и что мог объяснить Николай? Какими словами расскажешь, что подруга выходит замуж? Он растерялся, прочитав вчера письмо...

Почти физическое чувство дурноты, не знакомое доселе, обесцветило все вокруг. Весенняя ободранность вахтового поселка, примелькавшиеся детали «вокзального» быта — все угнетало. Долгожданное тепло, смахнувшее снега с болотистой лесотундры, казалось уже неуместным: зачем так сразу и так много? В этом тоже виделась какая-то издевка.

Хотелось срочно вмешаться в события, убедиться, что здесь какая-то ошибка! Не должно, не может быть этого! Хотелось кричать, а он лишь бормотал мастеру — отпусти...

Мастер сдался.

Народу около диспетчерской не видно, но, судя по куче сумок и рюкзаков у порога, в самой избе скучно не было. Открыв дверь, Николай увидел, что входить, в сущности, некуда: помещение битком забито. Постоял, послушал.

Дежурную рвали вопросами, как собаки медведя, и отмахнуться от них она не могла: фанерную заслонку, которой она отгораживалась от протискивающихся в оконце будки голов, отодрали еще утром. Всем уже было сказано и пересказано, что из города идет один вертолет и заберет двадцать человек, список готов. Но все вместе и каждый в отдельности рассчитывали на лотерейный шанс: двадцать плюс он.

Сотня отвахтовавших нефтяников на двадцать мест единственного рейса — больше, чем сто человек на одно место сочинского пляжа. У всех нашлись самые пожарные причины пройти вне конкурса. Вопросы, мольбы, угрозы: от них дежурная слегка ошалела, склонилась над столом и закрыла уши пухлыми ладошками.

Николай выбрался на волю, закурил. Секундная стрелка противоударных часов настойчиво отсчитывала: скорей... скорей... На месте не стоялось, он бросил сигарету, прошелся до бревенчатого квадрата посадочной площадки, достал и еще раз прочитал письмо от Риты. Снова закурил.

Дежурная встрепенулась с первыми признаками оживления рации. Гомон в избе стих, как отрубил. Хриплый голос с неба предложил приготовить к посадке двадцать душ. На улице все были через секунду.

Ветерок, шевелящий первые травинки и голые ветки невысокого кустарника, донес перепев вертолетного двигателя. Этот напев здесь всегда на «бис» и будет вечным шлягером.

Геликоптер завис над посадочной площадкой, повертел хвостом, угнездился и закудаhtал, не останавливая винтов.

Толпа сделала коллективный бросок, но не на того напали: пилот дал «чаду» и машина подпрыгнула на пару саженей. Бортмеханик из открытого люка показал десять пальцев и еще десять, дал знак остальным — откатись! С таким же успехом можно призывать к

добровольным прыжкам с теряющего высоту воздушного шара, чтобы остальные могли продолжить приятное путешествие.

Командир выбросил козырного туза: вертолет поднялся выше и пошел в сторону. Дежурная метнулась в избу к рации, все за ней. Переговоров не было. Небо продиктовало ультиматум: ровно двадцать душ отсчитать к посадке, остальным стоять у избы, сохраняя полный нейтралитет. Иначе — улетают.

Дежурная прокричала по списку фамилии, и двадцать избранных промаршировали на исходную позицию с деревянными лицами, с какими шагают в президиум.

Вертолет прибавился, избранные змейкой шмыгнули в люк. Рев двигателя заглушил вопли толпы, как сверчка валенком, а махание рук экипаж принял за пожелание доброго пути. Хотя командир мог бы сообразить, что такое здесь не в ходу.

Оживление в рядах оставшихся, действительно, не было связано ни с какими пожеланиями. Просто вместе с вертолетом в небо уходил двадцать первый пассажир, вцепившийся в стойку заднего колеса. Издали он смотрелся воздушным гимнастом на тушинском параде, лишь болотные сапоги с широкими голенищами искажали это впечатление.

Кто, как исхитрился подкрасться с тыла и спрятаться за бревнами посадочной площадки, простреливаемой сотнями глаз, объяснить было так же невозможно, как и тайну летающих тарелок.

Дежурная бежала к избе так, как не бегала и в юности. До экипажа уходящей машины удалось докричаться по радио сразу. Вертолет резко снизился и к посадочной площадке возвратился, цепляясь броднями за кусты.

Когда сапоги зависли в метре от настила, из люка выпал бортмеханик, волкодавом кинулся на воздушного гимнаста. Отнять вертолет с ходу не удалось. Двадцать первый сопротивления не оказывал, но висел, как приваренный. На помощь механику прибежали два добровольца от избы, но оторвать строптивца не помогли и они, пока не подросел третий. Этот ситуацию оценил верно и с разбега боднул шапкой в то место, где сошлись бы голенища бродней, разверни их до конца.

Гнали двадцать первого до избы и немного после, а дальше он уже сам набрал такой ход... Принявшие эстафету разжиревшие на вольных хлебах поселковые псы с трудом держали дистанцию у рифленых подметок.

Вертолет ушел. С севера у горизонта нехотя расплзлась копать газового факела, пачкая краешек незапятнанной сини. Вдали, на реке, плыли последние льдины, унося в сторону океана прилипшие с осени листья. Им не доплыть до

океана, ни льдинам, ни листьям; первые истают где-то у полярного круга, вторые выкинет волной на какой-нибудь дальний бережок.

Опять было тихо. Очередная птичья стая не проплыла мимо, опустилась за ближний лесок в разлившееся озеро: она уже дома.

Дежурная рыдала за рабочим столом, не отвечая на домогательства рации. Кто-то из притихших вахтовиков зашел в будку, спросил эфир, что ему надо. Ответили: «Надо не нам, а вам! Выслали еще четыре вертолета, пристегиваем к вашему направлению до конца дня...»

Под кустом недалеко от диспетчерской плакал Николай. Собаки сидели рядом, смотрели с любопытством, но не зло.

А в далекой деревне Луговатке плакала Маргарита. Притихшая мать не отрывала ее от цветастой подушки. Кто их знает, молодых, как они там живут...

1987

Долгожитель

Алексей проснулся рано. Разверз очи, увидел в темноте бордовые кольца спирали на самодельном электрическом «козле» в углу балка, полутёмные пятна обмороженных окон. Осторожно, чтобы не поцарапать спину, поёрзал, устраиваясь на гвоздях поудобнее, нашёл нужное положение – переткнул острия гвоздей в нетронутые ещё участки кожи. О, как хорошо!..

Смежил веки, направил мысленный взгляд на переносицу и стал медитировать, выдавая своему внутреннему «я» императивные установки: расслабился полностью... освободился от суетных мыслей... настроился на думы о вечном... оставил волненья и сомненья... воспарил мыслью над всем земным... повторяй заклинание йоги: Баам, Гаам, Заам, Джаам, Наам...

И воспарил! Дематериализовался! Сгустком бесплотной энергии Дух Его вознёсся в морозную высь и завис между землёй и звёздами. Полная луна серебрила округу и небо. Прямо под Духом в снегах распластался вагон-балок. Рядом с балком торчала кирпичная будка с железной дверью, за которой таился вход в подземное хранилище взрывчатых веществ. Дальше чернели бесформенные пятна тайги, мглела серая белизна заснеженных болот, за ними щетинились станки-качалки меж нефтяных луж, далее силуэтились серебристые сооружения дожимной насосной станции в свете газового факела, и за извивом заснеженной реки помигивал огнями вахтовый посёлок...

Хорошо и далеко видно было из поднебесья.

Лёха даже себя увидел сквозь крышу вагончика! Одухотворённый взор без труда пронзил сталь и утеплитель обшивки и разглядел во мраке свою телесную оболочку, лежащую на тапчане, утыканном частоколом плотницких гвоздей остриями вверх - измождённый мужчина с лысым черепом и костистыми дланями, сложенными крест на крест на впалой груди...

Неприглядная была картина.

Дух перевёл взор в противоположную сторону, позырился в звёздное небо. Там была вечность, космос, вселенские масштабы и полная неизведанность. Потом взор снова поблуждал по окрестным буеракам и подался вдаль – со свистом понёсся над Землёй куда глаза глядят. Это была ещё не сама большая скорость, с какой мог перемещаться в пространстве и времени Дух Лёхи Щепетильникова. Впрочем, к данному явлению неприменимо было вообще понятие максимальной скорости. Какими единицами можно было выразить скорость мысли? Мысль достигает Луны, Солнца, звёзд в тот же момент, в который о них подумает! Её скорость больше света! Больше всего известного и неизвестного! Она абсолютна!.. Надо только научиться временно отделять дух от тела и пускать его в блуждания по миру. Не каждому дано удостоиться такого свойства. Сам Лёха лишь через годы беспощадных тренировок научился достигать такой глубины нирваны. Хотя случались и сейчас сбои.

Он нёсся в морозном небе, то ускоряясь мгновенно до любой скорости, то моментально замедляясь до нуля. Мелькали внизу леса и горы, города и деревни, степи, Аральское море, Каспий...

Тормознул над Багдадом. Спланировал к дворцу правительства Ирака и завис у окна президентского кабинета, позыркал: как там товарищ Саддам Хуссейн поживает?

Садама на месте не было. Ну и хрен с ним, подумал Дух и со скоростью света переместился за океан – на Кубу. Попорхал над гаванскими улицами, увидел Фиделя Кастро: старый мачо шаркающей походкой канал по набережной и мусолил в дряблых губах сигару меж клочковатых косм ус-бородных. Хэбэ солдатское на нём не первого срока службы, сразу видно – охладели русские коммунисту к своему кубинскому брату по разуму...

-Привет, компрачикос! – Крикнул сверху Долгожитель.

Фидель заозирался, завертел пегой бородой, ничего понять не может: кто это вещает!?

А Дух, пользуясь своей невидимостью, выкрикнул всё, что вынес о Кубе и Фиделе из школьного репертуара:

-Съера Маэстро барбудос! Янки вон! Гранма якши! Че Гевара зер гуд! Хинди русиш бхай-бхай!..

Фидель плюнул в прозрачное небо и погрозил ему кулаком.

Дух смекнул, что сболтнул лишнего и порскнул прочь: грех обижать братьев меньших.

Подлетел к Москве и некоторое время реял над её дёбрями, соображая: посетить или не посетить брата Толика, глянуть, как он тут живёт? Потом засомневался: напугается ещё братец невидимого гостя, занервничает. Опять же, на дежурстве...

Решил, что как-нибудь потом навестит его в своём телесном облике.

И стремительно переместился в тюменские дёбри, поближе к рабочему месту, пока начальство не усекло самоволки. Реял под звёздами и мечтал о духовном перерождении человечества, когда оно свернёт с гибельного пути индустриального творчества и вернётся к истокам: уйдёт из городов и вольно расселится на природе, станет питаться растениями, пить родниковые воды, и медитировать в тиши полей под сенью трав...

Миражи оборвал шум автомобильного двигателя. По снегам мазнул луч от фар. Дух медитатора с ускорением свободного падения рухнул с высот в исходное положение - в тощее тело Алексея.

Он вцепился в трапецию, укреплённую над ложем, осторожно подтянулся, приподнимая с гвоздей тело, потом снял с них ноги... и ловко встал на пол. Взял со стены тяжёлый карабин, и с усилием передёрнул тугой затвор: машина смерти приняла патрон в роковое место и изготовилась выплюнуть пулю в любую сторону этого света.

Шум автомашины приблизился, превратившись в нарастающий рёв, и оборвался у балка. Стук дверей, голоса...

В дверь резко постучали. Алексей замер, направив оружие в сторону возмутителя спокойствия.

-Эй, сторож! Открывай! – Рывнуло извне.

-Кто? – Загробным голосом спросил Алексей.

-Да ты что, Долгожитель!? Лопухов объелся!? Своих не узнаёшь!?

-Стрелять буду! – Громко посулил Алексей.

-Да ты что, Долгожитель, в натуре!?. Похоже, ты не лопухов, а белены сегодня объелся!.. – Удивились за дверью. – То ж мы! Слон! Мونها! И Кеша Боровой!

Алексей вздохнул облегчённо, опустил ствол, включил свет и отпер дверь, впустил гостей.

-Видали!? – Возмутился Слон, переступивший порог первым. – Ворошиловский стрелок! Как юный пионер, всегда готов стрелять хоть в небо, хоть в живых людей! Чему вас учит семья и школа!?

-Почему не позвонили? – недовольно спросил Алексей.

Мونها подошёл к рации и укоризненно покачал головой:

-Ты её специально на ночь отключаешь?

-Как? – Растерялся Алексей.

-Открой очи. - Посоветовал Кеша.

Алексей покраснел: тумблер питания на панели радиостанции находился в положении «Выкл.»

-Ну, и сторожа пошли! – Укорил Мونها. – Над тобой самим надо ещё одного сторожа ставить! Чтоб дрыхнуть много не давал. А мы трезвонили тебе часа два, думали уж не случилось ли что, может уханькала морковка нашего Долгожителя! Или от гвоздей оторваться не может! Рванули сюда...

-Точно, белены он объелся. – Сочувственно покачал головой Слон. – Пора его принудительно кормить человеческой едой, иначе у него от этого сена мозжечок окостенеет. – Он кивнул на торцовую стену, сплошь увешанную вениками сушёных трав. – Развесил гербарий, ботаник х...!

Гости, как всегда, поразглядывали круглыми глазами гвоздевое ложе, потрогали пальцами острия, покачали головами, поизумлялись.

-Пора в дурдом. – Авторитетно сказал сторожу Мونها. – Созрел. Готовь заявление и две фотокарточки, устроим за счёт предприятия. Ты ж у нас ветеран!

Сторож нахмурился, отвернулся от болтуна.

-Слушай, Долгожитель, - встрял Кеша, - а почему ты такой жёлтый?

-Не жёлтый он, а морковный! – Уточнил Слон. – В позатом годе на одной свёкле жил, бордовый был. Как говорил Ленин, человек есть то, кого он ест! Полное собрание сочинений, том пятый, страница триста сорок первая. Классиков надо читать, тундра!

Начальник геофизической партии Мونها Колотильников сделал необходимые записи в документах выдачи и получения взрывчатки, расписался.

-Слон! – Окликнул он взрывника. – Хватит трепаться. Расписывайся и вперёд, каротаж не ждёт. Кеша, подгоняй машину к складу. – Он оглянулся на Долгожителя и задумчиво произнёс, - ну и физия у тебя... сам как морковь стал. Ты б хоть на недельку перешёл на человеческую пищу! И переколоти гвозди в тапчане шляпками вверх! Всё полегче у тебя житуха будет. А?

Долгожитель нахмурился ещё больше: не любил, когда праздные дилетанты рассуждали о том, что ему полезно, что вредно.

Геофизики швырнули ящик взрывчатки в кузов «Урала» и умчались.

Сторож остался один. Стоял у балка и досадовал, как некстати были неожиданные гости. Так хорошо вахтовалось ему в одиночестве среди вечного покоя: успел провести курс оздоровительного голодания на

талой воде по новому методу профессора Цвинглера, потом перешёл на уже апробированную морковную диету по методу доцента Дристалла, ни разу за двадцать восемь дней не сбился с распорядка дня. И вот те на – перед отлётом домой на заслуженный отдых принесло заполошных каротажников, и безупречный регламент – насмарку!

Замёрз и вернулся в тёплое чрево вагона. Можно было ещё поспать. Но уж коль нежданные гости нарушили строго выверенный распорядок дня, то придётся пересчитывать всё расписание.

Алексей достал из тумбочки огромную толстую тетрадь формата А-4 с надписью на обложке: « Алексей Егорыч Щепетильников. Линия жизни. Диагностика. Рецепт. Диета. Процедуры. Режим. Карма ». Долистал до нужной страницы и сделал запись: « Подъём не по регламенту - в 9-00. Сбой распорядка дня по непредвиденным обстоятельствам. Ввести поправки в ККФ (Козэффициент качества жизни).

Вышел из балка по большой нужде – впервые за последние две недели. Не рассветало ещё на воле, но звёзды и луна подсвечивали окружающую среду, как лампада икону.

Долгожитель долго сидел в тесовом скворечнике за балком и тужился. Начал беспокоиться, как бы не пришлось слабительное принимать. Околел на морозе до икоты, пока выдавил из себя окаменелую горошину типа козьей. Вернулся в балок с чувством глубокого неудовлетворения. И снова утвердился на гвоздях.

По нормальному расписанию только сейчас полагалось закончить утреннюю медитацию – 10 – 00 на часах. А успел до визитёров промедитировать всего ничего. Продолжать медитацию после сбоя – всё расписание полетит кувырком, невыполнение других пунктов получится. И недомедитация опасна: не настроенный на правильный путь организм не способен адекватно реагировать на воздействие ФВ (факторы влияния).

Не вставая, взял с тумбочки книгу Ричарда Мамаюсупова «Кармические основы оздоровительного голодания на пути продления жизни в маргинальном социуме постиндустриального периода ». Вчитался.

В сорок лет Алексей Щепетильников был долгожителем со стажем. Ещё в отрочестве увлёкся он чтением научно-популярной литературы по здоровому образу жизни, открыл для себя новый, необыкновенный мир.

В обычном мире, где жил и произрастал Лёша Щепетильников, люди много и бестолково работали, пили водку, курили табак, матерились и бранили друг друга, дрались, мерзопакостничали. И вообще, занимались чёрт-те чем, только не облагораживанием жизни. И как-то некрасиво, и быстро умирали: кто от перепоя, кто от недопоя, кто от нервов, кто от сердца, кого-то убивали, кого-то загоняли в могилу, кто-то сам в неё спешил. В окружающем хаосе Алексей не находил ничего достойного его внимания. Глаза бы не глядели на этот мир...

В новом мире всё было иначе. Там люди сознательно творили свою жизнь, используя многовековой опыт лучших представителей рода человеческого по облагораживанию души и тела и освобождению их от порочных вожелений. К восемнадцати годам Лёша перечитал всю

доступную ему отечественную и зарубежную литературу по здоровому образу жизни и продлению её, испробовал множество оздоровительных диет, методов правильного голодания, испытал на себе самые разные оздоровительные процедуры от забубенной клизмы и замедленного дыхания до постмодернистского выведения из организма шлаков с помощью сверхвысокочастотных импульсов...

Алексея ещё в школе звали Долгожителем, и это было не кличкой, а званием, заслуженным и справедливо присвоенным, на которое он отзывался охотнее, чем на сермяжное «Лёха». Он не был слепым романтиком и допускал собственную смерть в отдалённом будущем, но вероятность этого события была столь мала, что говорить о нём можно было только условно, объективности ради: калькулятор, просчитав множество вариантов развития событий, помноженных на обстоятельства здорового образа жизни, выдал цифру за семью нулями вправо от запятой. А свой предстоящий в далёком будущем столетний юбилей Долгожитель рассматривал как запятую, после которой последует фаза длиннее предыдущей. Жизнеохранительный фанатизм Лёши Щепетильникова был столь необычен, что его даже в школе не били, почти что уважали, подобно тому, как в уголовной среде уважают верующих. А учителя им нарадоваться не могли: сносно учится, тихий, задумчивый мальчик, к девочкам не пристаёт и вообще их не замечает, никаких проблем с ним – чудо!

В армию Алексея не взяли по идейным соображениям. Страшно было смотреть на голого призывника: его мумифицированный силуэт, облачённый в солдатскую форму, мог бы только дискредитировать Армию как оплот государства. Призывная комиссия отвергла рекрута единогласно. Военком даже выразился непечатно. Дали «волчий билет» и списали с таким заковыристым изъясном, что после никакая другая комиссия и разговоров не заводила на тему защиты отечества – крест поставили на бойце. А зря. Лёха тогда как раз испытывал очередную теорию оздоровления и к моменту призыва не ел три месяца, а на комиссию пришёл, тем не менее, своим ходом. При такой выносливости в солдатчине он на одном сухаре мог бы дойти хоть до Бомбея.

Первые годы оздоровительного образа жизни Долгожитель применял разные теории двигательной активности: бегал трусцой, ходил по системе « семь шагов на вдохе, семь на выдохе», полдня выстойки на голове, полдня высидки в «позе Шивы» по индийской йоге, бег на месте без отрыва подошв от земли... и так далее и тому подобное. В конце концов методом «тыка» определилась главная стратегическая линия – покой, диета, закаливание, лежание на гвоздях - в этом вся сила! С тех пор большую часть жизни Долгожитель проводил лёжа. Работа вахтовым методом в качестве сторожа склада взрывчатки на нефтегазовом месторождении у полярного круга очень этому способствовала: одиночество, покой, необременительные обязанности, неограниченные возможности работать над собой. Месяц Долгожитель отлёживал на работе, затем месяц – дома. Это был род анабиоза, спячки, летаргии с сохранением минимальных жизненно необходимых действий. Потому что максимально необходимые действия он давно вычеркнул из своего жизненного кредо. Не было у него никаких других влечений и увлечений, кроме следования путём здорового образа жизни для максимального

продления оной. В вечность он устремлялся не через потомков, а лично! Женщин игнорировал, избегал, не понимая, для чего они вообще нужны: не было у него к ним никакого влечения. Иногда он обращал внимание на лирические отношения среди окружающих его людей, но считал это некрасивым заболеванием, чем-то вроде чесотки, то есть состоянием нездоровым, ненормальным. В его образе жизни таким явлениям места не было.

Долгожитель дочитал главу в книге, посмотрел на часы: пора было приступать к введению в организм питательных веществ. Медленно поднялся, разделся догола, встал на напольные весы: сорок килограммов ровно. Оптимально для его роста в сто шестьдесят два и три десятых.

Оделся. Вынул из холодильника миску с тёртой морковью, взвесил на настольных весах, записал результат на бумажке, вычел из него неизменную цифру веса миски и записал конечную цифру – вес корма нетто 270 гр. Затем уселся за стол и стал есть. Без хлеба. Доел, вылизал внутренность миски, отворил журнал и вписал в соответствующую графу цифры съеденного скопом, и цифры съеденных питательных веществ отдельно по элементам: белки, жиры, углеводы, витамин А, витамин В, витамин С, витамин... и далее минеральные соли, микроэлементы... В отдельную таблицу вписал время проведённых за сутки медитаций и итоговую цифру медитации с момента вступления на научно-обоснованный путь жизни – 75263 часа.

Разделся догола и снова взвесился на напольных весах, для обратной проверки: собственный вес брутто получился сорок килограммов двести семьдесят граммов. Всё точно.

Лёг на тапчан-борону и прикрыл глаза. Переваривал.

Вспомнил, как в период освоения диет он испытывал иногда искушение добавить к ним хоть немного хлеба. Приходилось перебарывать слабость и концентрировать волю. Он тогда всё же сдал физически, однажды даже от овощного магазина до дома полверсты не мог пройти и забрался в трамвай. Встал на подножке, вцепился в поручень и поехал. А рядом баба сидит с авоськой продуктовой, из неё буханка хлеба торчит. Как уж так вышло, Долгожитель и сам не знал, только вдруг он ... укусил буханку. Женщина ничего не сказала, только сомлела и с такой тоской на Долгожителя уставилась, что он замер с куском во рту и так истуканом доехал до остановки. Выпал из открывшейся двери, поднялся и поплёлся к своей «гостинке». Пришёл и проявил слабость: съел внеочередную порцию салата из свежих лопухов с крапивой ...

На этом воспоминании Долгожитель отключился. Впал в нирвану.

Занимался день. На крыше вагона уселась стая ворон и принялась сквернословить. Со стороны реки к посёлку протарахтел вертолёт с подвеской: на тросу болтался тракторный мост с зубчатыми колёсами. Через некоторое время со стороны промышленной бетонки раздался нарастающий рёв дизеля без глушителя, достиг апогея и стал убывать в неизвестном направлении.

Долгожитель нирванировал.

Выпал он из своих грёз через час. И продолжил чтение «Кармических основ...» Ричарда Мамаюсупова.

Затретькал радиотелефон. Алексей не вставая снял трубку с рации.

-Привет, Долгожитель! – Сказал невидимый диспетчер Ярославцев.

-Привет. – Сказал сторож.

-Живой ещё?

-Живой. А что?

-А то, чтоб не случилось с тобой того, что стряслось с тем йогом.

-В смысле?

-Один йог тоже, как и ты, голодал-голодал, потом вышел на лужайку покакать, и, сколько ни тужился – ноль. И вдруг услышал: хрум-хрум!.. Оглянулся: никого. Только отвернулся, снова: хрум-хрум-хрум!.. Резко обернулся – а это его задница траву хватает: хрум-хрум-хрум-хрум!.. Ест!!!

-Не ври! – Опроверг Долгожитель. – Задницей есть нельзя!

-А ты уже пытался? – Хохотнул диспетчер.

-Не смешно. – Парировал Долгожитель. – Ты бы лучше на себя посмотрел. Дома весь месяц пьянствовал, на вахту летел с трясущимися руками. Пить вредно.

-Пить вредно. – Согласился Ярославцев. – Но не пить ещё вредней!

-И сколько ты так протянешь? Тебе ж сорок, как и мне, а выглядишь на сто сорок.

-Зато когда мне будет сто сорок, стану смотреться на сорок.

-Почему это? – наострил морковные уши доверчивый Долгожитель.

-Проспиртуюсь насквозь, законсервируюсь! Буду вечно молодым! Как препарат в банке!

-Не знаю, не знаю... - растерялся Долгожитель. – Я такого метода не знаю...

-Ты много чего ещё не знаешь! – Укорил Ярославцев. – А между тем без алкоголя вечной молодости не бывает!.. Так-то, вьюнош... Кстати, ты не помнишь, что я хотел тебе сказать?

-Что послезавтра пересменок?

-Да. Тебя в заявку на вылет вписывать, или на вторую вахту геройствовать останешься?

-Домой полечу. Ты же знаешь, я по две смены не работаю. У меня режим.

-А вдруг! Какая тебе разница, где морковью хрустеть!? И геройствовал бы, как настоящий стакановец! Мы б тебя на почётную доску потом повесили!

-Сам ты стакановец! Балаболка.

-Ну, вот, высказался! А я-то, дурак, собрался последний номер журнала «Здоровье» тебе переслать со сменщиком! Случайно в киоске купил! А ты!.. Ладно, отдам Любе-комендантше, она дружбу ценит...

-Ты!.. Это!.. – Разволновался Долгожитель. – Ты погоди!.. Сперва мне дай прочитать!

-Не знаю, не знаю...

-А ты знай.

-Ну, ладно, уговорил. С тебя фуфырь! Кстати, может тебе ещё ящик гвоздей прислать?

-Зачем?

-Борона-то твоя односпальная, затупилась, поди? Смени гвозди! Или наколоти их погуще, чтоб не проколоться. Прислать?

-Ну тебя. – Бросил трубку Долгожитель.

После разговора с диспетчером он принялся варить свежий отвар из целебных трав. Включил электроплиту, поставил на конфорку литровую кружку с водой. На аптечных весах отвесил научно-обоснованные дозы зверобоя, кипрея, пижмы, подорожника, тысячелистника, лопуха... - рецепт занимал целую страницу в журнале. Засыпал в кружку. Сварил строго по часам. Охладил до температуры тридцать шесть и шесть. И выпил залпом. Сделал отметку в журнале. И снова лёг на гвозди.

Отвар благой вестью разлился внутри впалости живота, стало радостно. Долгожитель слегка помедитировал, и впал в лёгкую предобеденную нирвану. Голова стала лёгкой, качнулась, мысли пролились вовне, растеклись по теплым стенам балка и вытекли за его пределы, устремилась ввысь и с горних высот привычно скользили по нижнему миру: снега, леса, индустриальные пейзажи промысла, и опять леса, снега, снега... Долетели до Томска и стремительно вернулись в Долгожителя. Он забылся. Не уснул, а именно забылся. Сознание отключилось, физиологические процессы в организме минимизировались настолько, что не было заметно никаких признаков жизни: ни пульса, ни дыхания, ни малейшего движения, и, соответственно, никакого старения...

Долгожитель мог пребывать в таком состоянии сколько угодно. Неусыпный «внутренний контролёр» отслеживал все процессы, происходящие как внутри, так и снаружи тела, и адекватно на них реагировал.

Тренированный организм работал, как часы «Павел Буре»: Долгожитель очнулся строго по расписанию и приступил к изготовлению обеда. Нашинковал свежего морковного силоса. Взвесил на настольных весах: обеденная пайка потянула на 375 граммов. Добавил в силос чайную ложку яблочного уксуса. Восемь капель коноплянного масла. Четырнадцать целых и шесть десятых грамма корня солодки. Каплю мумиё. Три укропных семени.

И стал медленно есть.

Доел, разделся и встал на напольные весы, чтобы сделать обратную проверку. Переедания не было, вес «брутто» за установленные рамки не вышел, цифра съеденного и выпитого совпала с расчётной.

Долгожитель давным давно бесповоротно отказался от соли и сахара – считал их «белой смертью». Поэтому пить ему не хотелось никогда. Напротив, он по идейным соображениям заставлял себя употреблять влагу через силу: травный отвар или талая вода в определённых дозах предписывались диетой, а манкировать диетой он считал тягчайшим преступлением. Но пил так мало, что мочился редко и малыми дозами. А сейчас не мешало бы испустить поболее: параллельно с курсом голодания на талой воде и последующим морковным курсом Долгожитель готовил себя к курсу уринотерапии по системе народного целителя Тимофея Прокакина. Требовалось собрать трёхлитровую банку своей мочи, выдержать семь суток в холодильнике

и сразу после морковного курса перейти на выпивание по стакану отстоянной мочи в сутки. Пока удалось собрать только полбанки...

Лёг и приступил к послеобеденной медитации. Сосредоточил мысли на своей переносице и стал монотонно заклинять: « Баам, Гаам, Заам, Джаам, Наам... Баам, Гаам, Заам, Джаам, Наам...» Сладостный психологический комфорт постепенно заполнял всё существо и гасил скотское ощущение ненаеденности в животе, утешал тоскующую плоть лёгкими построениями возвышенных мыслей. Захорошело... И воспарил.

Дух Долгожителя привычно блуждал в горних высях, озирая земные пейзажи со снисходительностью ангела: эко, людишки суетные, понатолкали средь лепоты природной всяких железяк, вышек, проводов... всё-то мало вам богом данных даров... гордыню тешите... всё что-то по-своему устроите...

После медитации следовали закаливающие процедуры. Долгожитель поскрёб иней на стекле, увидел законный градусник: минус тридцать два по Цельсию. Оголился, без тактической паузы выскочил из балка, прошлёпал голыми пятками по снегу десяток шагов и с ходу кинулся в сугроб...

Судорожные кувырки Долгожителя в снегу напоминали пассы живого караса на горячей сковороде. Через минуту он пулей влетел в вагон и юркнул на тапчан. Зажал пальцем левую ноздрю и по системе немецкого физиолога фон Дурика сделал глубокий вдох с кратковременной задержкой дыхания в кульминационной точке: альвеолы рефлекторно расправились на полную амплитуду, и в организм поступила усиленная доза кислорода. То же самое проделал с правой ноздрей. В точке падения давления воздуха в грудной клетке венозная кровь хлынула к сердцу, накопленная при дыхательной паузе углекислота расширила сердечные сосуды и сердечная мышца выдала всплеск мощности: Долгожитель восстал с лежака и проклизмовался. После чего снова лёг и прислушался к своему внутреннему «я». Оно безмолвствовало. Это Долгожителя насторожило: вследствие проделанных процедур должно было наступить преобладание в организме процессов свободного окисления без аккумуляции энергии в виде запасов аденозинтрифосфорной кислоты (АТФ) и в итоге дать искомый результат – плоско-параллельный поток рафинированного сознания, то есть эффект квазипровиденциализма. О котором так много и подробно писал доктор Ануширван.

Вместо этого у Долгожителя открылся понос. При перманентном запоре это было невероятно, нелогично и абсолютно не вытекало из объективных условий на данный момент! Никакой дефекации не предвиделось вообще в ближайшие дни! Тем не менее, хлынуло, и Долгожитель стал съезживаться, как проткнутый бурдюк.

Весь последующий остаток дня он посвятил приведению в порядок себя и своего логова. А вечером занялся глубоким анализом причин произошедшего сбоя в организме. Перечитал все последние записи в журнале, пересчитал цифры, исписал несколько листов бумаги вычислениями и формулами, перерыл литературные источники, и к ночи

докопался до сути: ошибка в дозировке! Суточная доза моркови по диете доцента Корнева рассчитывалась по формуле 14,73 грамма чистого продукта на килограмм живого веса. Вес нетто самого Долгожителя составлял ровно сорок килограммов. Суточная доза чистого продукта = 40 умножить на 14,73 г. = 589,2 грамма. А он в два приёма ввёл в себя 645 граммов! Передозировка составила 54 грамма! Как могло случиться такое с его-то морковным опытом!? Ошибка элементарная! Примитивная! Голая арифметика!

От досады Долгожитель постучал казанками по костяной голове: потерял бдительность! А ведь знал, что при диете, обеспечивающей только минимальные биологические процессы, всякое резкое увеличение или уменьшение дозы питательных веществ чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Нечто подобное уже было несколько лет назад, когда Долгожитель держал полуторамесячный курс голодания на репейном отваре по системе Ашота Боборыкина: тогда Долгожитель по неосведомлённости выпарил из репейного компота чуть ли не всю воду и выпил оставшийся концентрат через край кастрюли... К вечеру того же дня у него выпали все волосы. И больше не росли.

Стыдно было вспоминать сейчас об этом.

Затренькала рация. Долгожитель из положения лёжа взял трубку и сказал:

-Алло.

-Дайте хлеба полкило. – Сказала трубка.

-Это кто?

-Конь в пальто.

-Что надо? – Нахмурился Долгожитель, досадающий на всякое нарушение его покоя, а такими вот пустобрёхами тем более.

-Эх, Лёха... - Вздохнула трубка. – Брат единоутробный, называется...

-Толик, ты!? – Удивился Долгожитель. – Как ты тут образовался!? Ты ж в Москве!

-Образовался... - Передразнил брат Анатолий Егорович. – Три часа до тебя дозванивался... Хорошо, блат нашёлся, связали по нефтянке с твоим промыслом, да ваш диспетчер помог. Ну, ладно, хватит об этом. С юбилеем тебя!

-Каким? – Не понял Долгожитель.

-Как каким!? – Удивился брат. – Тебе ж сорок сегодня стукнуло! Десятого января! С чем и поздравляю! Обнимаю! Целую!..

-Сорок... - Растерянно пробормотал Долгожитель. – Сегодня?.. Я ж в том году уже отметил сорок... В журнале... Погоди, сейчас открою, найду запись...

-Какой журнал!?!.. Какая запись!?! – Рассердился Анатолий. – Ты меня что, за дурака держишь!?!.. Я что, без твоего журнала не знаю, когда день рождения брата!?

-Почему за дурака... - Совсем потерялся Долгожитель. – Я не говорю за дурака... Только... Только... Как же так...

-Слушай, - Насторожился брат. – Ты там так и жрёшь своё сено!? А!?

-Какое сено?

-Не прикидывайся чайником! Всё ты понял! И про сено и про силос! И гвозди!.. Рехнулся ты со своим долгожительством, вот что! У тебя уже извилины в голове выпрямились!.. Сколько можно!?!.. Тебе ж сорок!..

-Ты выпивши! – Озарился Долгожитель.

-А и хотя бы!..

-Значит ты сам сумасшедший! – Обрадовался Долгожитель. – А я с такими не разговариваю!

И положил трубку. Но телефон вскоре снова вскричал. Пришлось брать трубку.

-Мудак ты! – Сказала она братским голосом и на этом связь оборвалась.

Долгожитель сидел на лежаке и смотрел на запись в журнале: ровно год назад он отметил сорок. Как он мог забыть об этом? Правда на ту страницу он заглядывает раз в год, но всё же...

Стало быть сегодня ему уже сорок один. Пятый десяток разменял...

И всё же почему забыл дату? Что с головой?

Долгожитель встревожился: три сбоя в один день – нарушение расписания, передозировка, и теперь вот ещё с возрастом конфуз. И полное совпадение по времени, месту и по отношению к основной задаче бытия.

А если совпадений больше двух – это уже не совпадение.

А что же?

Что?

Такого не было никогда. Долгожитель всегда гордился своей памятью. Его мозг, не подверженный вредоносным воздействиям, снабжаемый чистой, рафинированной кровью по чистейшим сосудам всегда работал идеально, хранил в порядке любую информацию, принимал и выдавал её при необходимости с чёткостью хорошего компьютера. И вот прокол...

Он принялся перебирать и листать научно-методическую литературу своей походно-полевой библиотеки. На обложках и страницах мелькали имена отечественных и иностранных титанов самосохранения: Захар Агафьин-Орский, Огюст Берцелиус, Вэй Юань, Джон Гвоздодёров, Дестюар Де Гасси, Ян Хрункель, Мастафа Хуссейн-Заде, Бенцион Зендельбрандт, Карло Упалоччи, Микаэл Хренников, Галина Шаталова, Поль Брэгг, Порфирий Иванов...

Ничего похожего на свою ситуацию в их трудах не нашёл. И руководящих указаний насчёт того, что делать и с чего начать.

Оставил поиски и занялся текущими делами. Нашинковал моркови, взвесил, ввёл в силос легирующие добавки: восемь капель настоя белоголовника, три капли соевого масла, щепоть молотого укропа, росток пшеничного зерна. Тщательно перемешал и съел. Расписал всё в журнале. И лёг. И от расстройства уснул, как обычный сторож: вмертвую и без снов.

Утром очнулся засветло и обомлел: проспал! Опять прокол в распорядке! Сбой!.. Всё расписание кувырком!.. О, боже!..

И тут он показал себе, что такое настоящий долгожительский закал: приказал себе прекратить панику, расслабиться, сосредоточиться на внутреннем мире и впасть в медитацию. Впало плохо, но Долгожитель заставил себя подчиниться.

Усилием воли загнал тревожные мысли в дальний угол мозжечка и стал медитировать. «Хорошо...мне очень хорошо... - убеждал он себя, - мне так хорошо, как никогда не было... вот плохие мысли покидают мою голову... вот в душу входит покой... из тела уходит всякая немочь... я становлюсь лёгким и воспаряю над суетой мирской...»

И воспарил. Попорхал над складом, позырил свысока на привычные пейзажи: всё тут, вроде бы, на тех же местах... и с ускорением погнал свой Дух дальше, дальше, дальше... нёсся над тайгой, снегами... внизу мелькало, как под крылом «конкорда»... и - вот он, Томск! Над пригородным Северском сверхзвуковой Дух включил тормозную систему и к центру Томска шёл на бреющем...

Прямо под Духом проплыли сооружения Атомного Комбината, геометрические кварталы Северска, слева дремали в снегах бывшие колхозы и Птицефабрика, справа по курсу стыла закованная во льды Томь, руины речного порта с окоченевшими стрелами порталных кранов, хаотичные завалы деревообрабатывающего комбината, анархические халупы Черемошников, каменный часток колхозного микрорайона Каштак и посреди него муравейником бурлила автомобильная толкучка... А рядом его персональная малосемейка! Вон она, топорщится среди себе подобных!..

Дух завис на мгновения, выбирая место для приземления, спикировал к родному дому, и, на выходе из пике завис перед знакомой растерзанной дверью... и... Бац!.. Лоб в лоб столкнулся с дебелий бабой, выскочившей из подъезда.

Удар был страшен. Дух не успел настроиться на проницание материи, его откинуло далеко назад, он воткнулся виртуальной головой в сугроб и увяз в нём. Барахтался в снегу, как пьяный слесарь. Выдрался, разогнулся и застыл с разинутым ртом: прямо перед ним на снегу, раскинув толстенные, обтянутые узорчатыми колготками ноги, сидела блядского вида баба и тёрла лоб пухлой ладонью.

-Ну, что вытарачился? – Сгубила баба. – Уронил, так подымай!

От сотрясения основ в момент удара Дух материализовался до полного реализма и всколоченный вид его не имел никаких следов духовности – бич магаданский в стадии сезонной линьки, а не возвышенный романтик долгожительства торчал из снегов.

-Вот же дурень... - с досадой пробормотала баба, потом поднялась, выматерилась и ушла.

А Дух поторчал, и стал терять материальность. Оконтурился, угас до акварельных тонов, но его искажённый силуэт уже не исчез, а остался маячить мутным пятном на фоне материальной среды.

Подъездная дверь расплывалась перед очами Духа Долгожителя, всё вокруг рябило, мельтешило, стало тошно... он медленно оторвался от земли и косо полетел в обратном направлении. Его несло на север, но из-за неполной бесплотности он никак не мог набрать нужную для торжественного парения высоту. Мотался над ёлками-палками, то задевая пятками кроны, то взвиваясь от них чуть выше. Возле Красного Яра в него стрельнули с земли: какой-то охотник принял Дух за большую птицу... Крупная медвежья картечь пронзила морозный воздух и прошла рядом с пятками. От ужаса Дух надал и со свистом ушёл за горизонт,

мчал и мчал к спасительному балку из последних сил, чувствуя, что ещё немного и его стошнит. Влетел в балок и материализовался.

Долгожитель лежал без сил на гвоздях, раздавленный морально и физически. Впервые за много лет. Произошло что-то такое, чему он не мог дать объяснения.

Он пролежал без движения весь день. Красный столбик в термометре за окном рос, перевалил отметку «тридцать» и плавно отсчитывал последующие цифры – 29...28...27... после 20 пошёл снег и свет в окошке померк. В балке стало жарко, надо было убавить мощности в «козле», но Долгожитель не реагировал, лежал на гвоздях безучастно и не подавал признаков жизни. Стекло в окошке обтаяло, в нём мельтешили крупные хлопья снега, они падали и падали с невидимых небес, и конца не было видно этому падению.

Долгожитель очнулся ночью. С трудом встал, чувствуя головную боль и тошноту. Вспомнил свой трансцендентальный вояж к родимой малосемейке и странное столкновение у подъезда с толстой бабой... Что это было? Случайность? Происки тёмных сил?

Вариант случайности отпал сразу же: за два последних дня в его долгожительской жизни произошло сбоев больше, чем за предыдущие двадцать лет.

Было о чём подумать. Только думать было нечем: голова болела не переставая. Он знал, что в находящейся в тумбочке «аптечке» есть таблетки от головной боли, сменщик Сима Готов с похмелья пользовался ими и пополнял запас. Но сама мысль о принятии лекарств казалась Долгожителю кощунственной – никогда ни при каких обстоятельствах никакой уважающий себя долгожитель не опустится до употребления химических препаратов! Любая немочь должна одолеваться только природными средствами!

И тут обнаружил очередной прокол: забыл, что вахта кончилась, пора собираться в путь! Утром должен нагрязнуть сменщик Серафим, и Долгожителю надлежит поспешать в диспетчерскую, чтобы успеть на вертолёт до Стрежевого, а там без промедления прорваться в самолёт до Томска.

Превозмогая немочь, Долгожитель принялся ликвидировать дела. Убавил мощности в «козле», чтобы мозги не вскипели. Заполнил журнал учёта хранения, поступления и выдачи взрывчатых веществ, оформил записи в журнале дежурного сторожа до последней точки и даже авансом расписался в том, что смену сдал вместе с вверенным имуществом и оружием в полном комплекте. Упаковал в картонную коробку веники трав и спрятал в подсобке. Собрал в рюкзак личные вещички. Пока вошкался, вспотел, чего с ним не случилось. Пришлось лечь. При всяком движении головы в ней болезненно плескались мозги, словно разжижились и обрели текучесть. Глянул на часы – пять: по расписанию полагалась первая в сутках медитация, а медитировать не было сил. Спасла сила воли. Долгожитель напрягся внутренне до искрения в голове и заставил себя отрешиться от сует с помощью непререкаемых команд: «Забыл всё!.. Забыл!.. Расслабился!..

Расслабился до полного бессилия!.. Ноги тяжёлые...голова пустая...руки тяжёлые... Тебе хорошо!.. Тебе очень хорошо!.. Ещё лучше!.. Ты счастлив!.. Радость обуяла тебя!.. Освободился от всего земного!.. Воспарил духом!.. Быстро воспарил!..

Дух не воспарял. Осечка вышла.

Долгожитель повторил попытку.

Дух подёргался, поелозил по территории склада, и, не оторвавшись от земли, попробовал преодолеть её тяготение с разбегу: помчался по занесённой снегом тропе к дороге, но увяз в снегу...

Долгожитель взял паузу. Продышался по системе доктора Шульца, сосредоточился и начал медитацию с самого начала. Обстоятельно. Твёрдо. Бескомпромиссно. Внутренний голос с упорством метронома командовал: « Успокойся. Расслабься. Ещё расслабься. Уходи из тела. Пошёл! Пошёл!..»

И Дух пошёл. Вышел из тела, послонялся по балку, потом, как пар, сконцентрировался у потолка, всочился в него и высочился уже по ту сторону крыши, тихим облачком медленно поплыл ввысь. Как парок от свежей кучки в безветренную погоду...

Но б9ольших высот не достиг, сказалось всё-таки неблагоприятное действие закона «в нездоровом теле – нездоровый дух» – в нескольких метрах от крыши Дух завис и реял над охраняемой территорией, как сыч в ночи. Просто реял, не имея сил преодолеть грань между земным низшим миром и внеземным высшим. Оказался в промежуточном состоянии. Худшем из двух возможных: материальность утратил, духовности не обрёл. Смотрел с короткой дистанции сквозь крышу на свою оболочку, лежащую на тапчане, и недоумевал: и этот лысый дистрофик с потребностями столетнего паралитика – венец творения!? Да это ж конец всякого творения...

Оказавшийся в маргинальном состоянии Дух неожиданно для самого себя проявил скептицизм и бунтарство, граничащие с цинизмом:

-Эй, ты! На тапчане! – Прокричал он своему внешнему «я». – Ты долго там преть будешь!? Слышь, ты!.. Окуклился и доволен жизнью и собой? Крыльями махать не хочешь? Меня, нематериального, порхать заставляешь для ублажения твоей лени!? А если я в отказ пойду!? А!? Знаешь, кем станешь!? Просто чучелом!

От такого хамства неслыханного, сверху сыплющегося, земной Долгожитель встрепенулся, приподнялся на тапчане и пошевелил ушами: не померещилось ли?

-Не померещилось! – Заверил его Дух распоясавшийся. – Всё ты расслышал правильно! Могу повторить: чучело ты!

Долгожитель поморгал глазами, потёр виски: что за наваждение? где медитация? где дух парящий? где трансцендентальная аура?

Язвительный голос сверху тут же дал разъяснение:

-Были и все вышли! Надел ты со своими гвоздями и силосом! Лучше в пьяного Симу вселиться и медитировать по-человечески, а не чучельно! Зачем тебе дух? Что в тебе одухотворять? Шкуру твою барабанную? В тебе ж нет ничего живого! Ты не живёшь, ты только существуешь биологически! Бактерия одноклеточная! Водоросль сине-зелёная! Прокариот простейший!

Пришибленный градом убийственных откровений Долгожитель съёжился. Он даже не знал, надо ли что-то сказать, или лучше молчать и не вступать в пререкания с собственным взбунтовавшимся духом: что возьмёшь с отщепенца?

А тот, пользуясь предоставленными ему в своё время возможностями видеть и слышать всё тайное и явное, тут же разоблачил своего «альма-матер»:

-Это я-то отщепенец!? Это ты от меня отщепился! Ты меня предал! Давно! Только я молчал и терпел! А теперь лопнуло моё терпение! Не желаю больше раздваиваться! Не желаю я больше потакать твоим идеям умервщления плоти! Ей душа живая не нужна! Да ты меня и выгнал сам! Так что с меня хватит! Реинкарнируюсь в кого-нибудь другого!.. Адью, месье!..

-Погоди!.. Погоди!.. – Вскинулся Долгожитель. – А как же я!? Без души-то!..

Не ответил Дух. Испарился.

Сел Долгожитель на занозистом тапчане и смотрел бездумно перед собой. Ни горя не чуял, ни радости – всё испарилось. Одно рациональное мышление осталось, и то сугубо специфическое. Внутренние биологические часы, заведённые раз и навсегда в далёкой юности, исправно команды подают: медитировать пора... медитировать пора...

А мозг сухо регистрирует: функция медитации утрачена, переходите к следующему пункту программы.

Следующим пунктом была всё та же морковь. А её время ещё не настало. Долгожитель бессмысленно топтался в вагоне, потом бессмысленно лежал, вылёживая время. В должный час механически натесал силоса, сдобрил его ингредиентами по рецептуре, заглотив и привычно отметил акт записью в журнале. И, как всегда, лёг на тапчан. «Приступаем к медитации.» – Напомнили внутренние биологические часы, и тут же мозг деловито отбил: «Функция медитации утрачена, переходи к следующему пункту программы.» А для следующего пункта ещё не пришло время. Снова томился под виртуальный рефрен «переходи к следующему пункту программы...переходи к следующему пункту программы...» в ожидании заветного боя биологических часов.

И когда совпали команды, перешёл. Скинул с себя одежонку и вышел на волю, кинулся в снег. Позакалялся, встряхнулся по-собачьи и вернулся в тепло вагона. И замер...

Выпадение из распорядка актов медитации образовала в нём пробелы-провалы, которые заполнять было нечем.

Тогда он просто уснул. Неодухотворённо, заскорузло. И сон был угрюмый. Будто шёл мимо мрачных трущоб в дремучее никуда по колдобистой дороге. Из одного окна выглянула растрёпанная в бигудях и выплеснула из лохани в сторону ходака помой с картофельными очистками...

Проснулся от грохота и рёва:

-Долгожитель! Вставай, ...! Лёха, ... мать!.. Ты что, издеваешься!?..

Долгожитель узнал голос сменщика Серафима Глотова и поспешил открывать запор.

-Заморозить меня мечтал!?!.. Полчаса долбил!.. – Возмущался Серафим. – Хотел уже окно бить!

Долгожитель совсем расстроился: очередной прокол...

-Ты домой лететь думаешь!? – Сменил гнев на заботу Серафим. – На первый вертолёт до Стрижей ты уже опоздал, если упустишь второй, то на вечерний самолёт до Томска не успеешь. Или решил на вторую вахту остаться? Тогда я полетел допивать!..

-Не... Не... - Заборомотал Долгожитель. – Я сейчас. Быстро. Щас тапчан выволоку...

-Беги, я сам выволоку твою борону, - успокоил Серафим. – Может успеешь.

Долгожитель оделся, схватил рюкзак и засеменял по почти нехоженой тропинке к промысловой дороге.

-Погоди, я тебе машину вызвоню! – Крикнул Серафим в отворенную дверь.

Долгожитель не оборачиваясь махнул рукой. Доковылял до дороги, и, едва успел перевести дух, поднял руку: с промысла в сторону посёлка катился Камаз.

Через пятнадцать минут Долгожитель выпал из кабины самосвала у вертолётной площадки в тот момент, когда последний на сегодня «борт» уже месил винтами воздух, а бортмеханик убирал трап. Он заметил тщедушную фигурку вахтовика, подождал его, схватил за шиворот и рывком закинул в салон.

Взлетели.

И на вечерний самолёт до Томска Долгожитель прорвался так же неожиданно легко, будто кто-то всемогущий обеспечивал ему «зелёную улицу». Через полтора часа лёта приземлился в томском аэропорту Богашово.

Ещё через час вошёл в свою малосемейку в центре микрорайона Каштак.

В почтовом ящике неожиданно обнаружил письмо: из Кемерова от матери. Сунул в карман и поднялся в своё логово. Здесь всё было так же, как и месяц назад. На десяти квадратных метрах вольно разместились прихожая с кухонным столом и раковиной, туалет, душевая, два встроенных шкафа и собственно жилая площадь – комната размером два с половиной на два с половиной. Посреди комнаты стоял верстак, из которого частоколом торчали гвозди остриями вверх. Всё. Больше ничего не было.

Долгожитель разделся донага и лёг отдохнуть с дороги - медленно, выверенными движениями распределил на гвоздях своё усталое тело и облегчённо вздохнул: соскучился по домашнему ложу. В первые мгновения втыкания гвоздей с спину он всегда испытывал наслаждение, равным которому мог считать лишь первую ложку силоса после длительного голодания.

Хорошо-о-о...

Долгожитель расслабился полностью и изготовился медитировать... но вновь, как несколько часов назад, мозг сухо предупредил: «Функция медитации утрачена.»

И кайф сломался. Лежать на гвоздях просто так, из чисто рационалистических соображений, было скучно. А мозг бесстрастно

выдавал на выбор любые, самые противоположные прогнозы: лежи на гвоздях хоть месяц не вставая, пролежней не будет, воля окрепнет, нервы ослабнут, организм атрофируется... забей гвозди, постели матрас, лежи на нём, воля ослабнет, нервы окрепнут, организм всё равно атрофируется... храни здоровье, живи правильно, блюди диету, наступишь нечаянно на грабли судьбы – в момент сгинешь... пей водку, кури табак, жуй что попало, повезёт проскочить между зубьями рока – пропьянствуешь под песни двести лет...

У Долгожителя в голове закружилось от такого сумбура. Чтобы привести их в порядок, стал наизусть повторять Десять заповедей Поля Брэгга, которые спасут мир:

Ты должен почитать своё тело как величайшее проявление жизни.

Ты должен отказаться от всей неестественной, неживой пищи и возбуждающих напитков.

Ты должен питать свое тело только естественными, переработанными, живыми продуктами.

Ты должен посвятить годы преданному и бескорыстному служению своему здоровью.

Ты должен восстановить своё тело путём правильного баланса деятельности и отдыха.

Ты должен очистить свои клетки, ткани, кровь чистым свежим воздухом и солнечным светом.

Ты должен отказаться от любой пищи, когда твой разум или тело неважно себя чувствует.

Ты должен содержать свои мысли, слова и эмоции чистыми, спокойными и возвышенными.

Ты должен постоянно пополнять свои знания законов природы, сделав это девизом своей жизни, и радоваться своему труду.

Ты должен подчиняться законам природы. Здоровье – ваше право, пользуйтесь этим правом.

Помогло, мысли упорядочились.

Он поднялся, потоптался у заиндевевшего окна. Сквозь проталины видны были похожие одна на другую серые пятиэтажки, меж ними слонялись озабоченные люди с авоськами, копошились на ледяной горке крикливые дети, матерились подростки с дымящимися сигаретам, псы взирали... Такие картины всегда вызывали у Долгожителя чувство превосходства: насколько же далёк он от всех этих низменных сует и насколько близок к высшему смыслу бытия - самодостаточность, самоконтроль, самоограничение.

Сейчас они никаких чувств не вызывали. Долгожитель рассматривал их, как микробиолог старый штамм через окуляры микроскопа: всё то же, то же...

Вспомнил про письмо и с неохотой распечатал его: ну, что там ещё? Как и ожидал, ничего нового там не было, мать писала всё о том же: сколько и чего выросло на мичуринском участке, чего и сколько насолила-намариновала-наварила, что поясница совсем извела, да отец, старый хрен, как напьётся, так грозитя самолично поехать в Томск и выдрать сына ремнём за то, что вовсе забыл родителей... в конце письма мать снова просила приехать хоть на недельку...

Надоели Долгожителю её письма. Что ему делать в родном доме? Он наперёд знает, как выглядит такое гостевание: с утра до ночи надо отбрыкиваться от мамашиных разносолов и от папашиных «выпьем, сынку!», а также от пустопорожних разговоров о том, что было, что будет и всяких прочих «А помнишь, Алёша!?!» И потом запричитают: «Ой, да на кого же ты похож, сыночек!.. В гроб краше кладут!.. Да за что ж ты себя так казнишь, родненький!?!»

Пустые, вздорные старики. Не намерен он ни ехать к ним, ни отвечать на бестолковые призывы. Брат Анатолий навещает их, вот и пусть продолжает в том же духе.

При мысли «о духе» Долгожитель встрепенулся: где-то Дух его теперь обретается...

И тут в дверь постучали. Впервые за многие годы. Первая мысль у Долгожителя была – ошиблись. Кто-то перепутал двери и не по адресу барабанит. Поэтому не стал реагировать. Стук повторился. Пришлось одеться и открывать с целью разъяснения стукачу его ошибки.

За порогом стояла дебелая баба не первой молодости.

-Ой!.. – Сказала она. – Я, кажется ошиблась!..

-Да. – Подтвердил Долгожитель.

Баба подалась было прочь, но тормознула и странно посмотрела него.

-До свиданья. – На всякий случай сказал Долгожитель и начал закрывать дверь.

-Это ты? – Ни с того ни с сего спросила баба.

-Я. – Машинально подтвердил Долгожитель и машинально же приостановил закрывание двери.

-Ой... извини меня за позавчерашнее!.. Нечаянно я...

-Что? – Не понял Долгожитель.

-Ну... - Засмущалась баба. – Налетела на тебя...

-На меня?.. – Наморщил лоб Долгожитель.

В голове его шевельнулись извилины и из их глубин всплыло воспоминание о позавчерашнем столкновении лоб в лоб с какой-то бабой у подъезда, смутно вспомнилось лицо её...так неожиданно и быстро всё произошло, что Дух Его не запомнил детали, и передал по возвращении в тело только конспект события.

-Голова не болит? – Жалостливо спросила баба.

-Да так... - Не нашёлся с ответом Долгожитель. – Немного было... но уже прошло...

-Я уж думала, дух из тебя вышибла по-дурости. Так стыдно было...

При слове «дух» Долгожителя как током дёрнуло. Он пристально посмотрел на пришлицу и в нахмуренном его взоре читалась тревога, помноженная на недоверие.

-А то я гляжу, вид у тебя нездоровый. – Ещё жалостливее проквохтала баба.

Долгожителю стало не по себе.

-Ой, да на тебе лица нет!.. – Запричитала баба. – Тебе нехорошо? А ну, дай я на тебя погляжу на свету!

Она решительно шагнула в логово Долгожителя и он не успел даже воспрепятствовать её натиску.

-Ой! Что это!?! – Взвизгнула баба, зажав рот пухлой ладошкой. Перед её округлившимися глазами торчали гвозди оздоровительного тапчана.

-Это... ну...это... - Залепетал Долгожитель. – Кровать... По системе индийских йогов...

-Крова-а-а-а-ать!? – Обомлела баба. – Это – крова-а-а-ать!?

-Ну... это... на мягком вредно...

-А тут! – Баба указала на гвозди. – Полезно!?

-Да... если правильно... то омолаживающий эффект...

-Бож-же мой... Я думала, одна я с ума сходить умею, а ты... - она по-свойски потрогала тыльной стороной ладошки долгожительский лоб. – Странно, температуры нет, а бредишь.

-Я не брежу... - забормотал Долгожитель, на которого прикосновение женской плоти произвело необычное действие: в голове вдруг возникла горячая волна, всё вокруг медленно поплыло в разные стороны. – в учении санхьи... Патанджали...

Он закачался и судорожно вцепился в косяк разом ослабевшими руками.

-Что с тобой!? – Поддержала его гостья. – Плохо?

Долгожитель стал сползать на пол и баба подхватила его, ища глазами место, куда бы можно было положить обмякшее тело. Кроме тапчана с гвоздями в логове не было ничего.

Долгожитель вырубился.

Очнулся он от необычного ощущения: будто тонул в тесной пучине. Открыл глаза и обнаружил, что лежит на обычной человеческой постели в незнакомой комнате, увешенной коврами, ковриками, картинками и какими-то ещё цветными предметами неизвестного назначения.

-Ну, вот. – Склонилось над ним незнакомая дама в белом. – Легче?

Долгожитель попытался кивнуть в знак согласия, но сил не оказалось, и он только мигнул в подтверждение её прозорливости.

Дама в белом обернулась и сказала кому-то:

-Растворите один бульонный кубик и остудите! В тарелку перелейте, в минуту остынет.

Она снова повернулась к Долгожителю и ласково утешила его:

-Сейчас жена напоит вас бульончиком и совсем хорошо станет. А теперь повернитесь на живот, ещё один маленький укольчик сделаем.

Она тут же сама перевернула Долгожителя, профессиональным жестом сдёрнула с него штаны и всадила громадную иглу в тощий зад морковного цвета.

-А-а-а! – Вскричал Долгожитель и укусил постель, пахнущую чем-то невыразимо и подозрительно умопомрачительным...

-Спокойно. Не нервничать. Сейчас жена вас покормит, напоит и всё придёт в норму, полежите сегодня, а завтра можно уже гулять.

Долгожитель догадался, что это врач, но не мог сообразить, откуда она взялась здесь, как и он, и как он ей попался.

-Рецепты на столе! – Сказала врач. – До свиданья.

-До свиданья. Извините за беспокойство, - Заквохтала появившаяся в комнате баба с знакомым лицом. – Сейчас мы бульончику... булочку... Давай-ка я тебя подниму повыше!.. Та-а-к!.. Ещё подушку!.. Во-о-от, теперь нормально.

Она принялась кормить протестующего Долгожителя с неумолимостью любящей матери: отвела его слабые руки и вливала в рот бульон, в промежутках толкая туда кусочки сдобной булки с маслом. Напрасно бессильный Долгожитель шипел свои протесты.

Теперь он понял, что такое изнасилование.

-Бедненький... - Прослезилась над его безмолвным телом его истязательница. – Сколько же ты натерпелся... Сказал бы сразу, что из тюрьмы... Нет, зачем-то про ёгов индейских нести стал... А меня ж не обманешь, я ж сердцем чую: что-то не то с человеком!... Господи, что ж они с тобой сделали, сволочи!.. – заплакала баба.

Долгожитель пытался возразить, но вместо слов получалось невнятное шипенье, и это только утвердило бабу в её догадках.

-Поняла, всё поняла, миленький, - погладила она его по лысой голове. – Я читала: карцеры, голод, холод, побои... любого до полусмерти доведут, проклятые...

Долгожитель попробовал помотать головой в знак несогласия с ней, и вновь неудачно, вместо движения головы получилась гримасса недовольства.

-Ещё бульончику?! – По своему истолковала дура-баба его мимику. – Сейчас! Сейчас!

Она вскочила и исчезла в каком-то закуте, из которого доносились её бормотания:

-Конечно, после долгой голодовки нельзя обычную еду, а мы бульончику, бульончику, да с булочкой, помаленьку, полегоньку...

Долгожитель готов был убить дуру. Вместо этого он подёргался бессильно и тихо заплакал. Появившаяся рядом баба и это истолковала по-своему:

-Поплачь, поплачь, родной, пусть горе слезами выйдет, сердцу легче станет...

И принялась допаивать докармливать его своими дурацкими яствами. Долгожитель протестующе мычал и плакал злыми слезами, а баба вталкивала в него свои зелья так же неумолимо. Втолкала, утерла рот ему, посоветовала:

-Закрой глаза и попробуй поспать немного.

Долгожитель закрыл глаза, чтобы не видеть эту дуру набитую, осквернившую всю его подвижническую жизнь.

Лежал и сатанел.

А насильственно введённый запретный плод уже делал своё подрывное дело: в теле появилась истома, в животе потеплело, руки-ноги сами собой зашевелились, и даже в лицевых мышцах появилась небывалая подвижность – хотелось сказать что-то. Но сказать было нечего. И некому: хозяйка оделась и вышла.

Вернулась она быстро. Скинула шубу и поставила на стол ... бутылку водки. Онемевший Долгожитель испуганно наблюдал, как баба снуёт по жилищу, гремит посудой и по мере её снования в комнате накапливались слюногонные ароматы, а на столе всё определённое вырисовывался кощунственный натюрморт: тарелка с жареной курицей, хлеб, маринованные помидоры, селёдка в кольцах лука...

Долгожителя затошнило.

-Что? – Заметила гримассу на его лице хозяйка.

-Ничего... так... сейчас встану...

И он поднялся, твёрдо решив немедленно покинуть это прибежище порока.

Вместо этого качнулся на нетвёрдых ногах и вновь угодил в жаркие объятия Хозяйки.

-Садись, садись, дорогой!.. – По матерински завохтала она и усадила гостя на стул так решительно, что он не сумел собрать силы для сопротивления. Своей простодушной бесцеремонностью баба его подавляла.

Она села напротив него, налила водки в узорные стопки и подняла свою:

-Со знакомством! Меня звать Валя. А лучше – Ляля.

-Долго... - начал было Долгожитель и осёкся, - Алексей. Щепетильников. Можно Лёша. – Добавил он, чтобы не выглядеть совсем уж болваном.

Валя-Ляля выпила. И выжидающе-недоумевающе поглядела на Долгожителя и стопку перед ним.

-А ты, Лёша?.. – кивнула приглашающе. – Не стесняйся.

-Я не стесняюсь... - забубнил Алексей. – Только я... это...не могу... нельзя...

-Отвык!? – Догадалась Ляля. – Ну, это мы сейчас исправим!

Долгожитель ахнуть не успел, как оказался в объятиях бесцеремонной бабы, которая непонятно как... влила в его рот содержимое стопки. И чмокнула его в мокрые губы!

Долгожитель, с перепугу проглотив водку, задохнулся, содрогнулся и окоченел. Будто полумешком отрубей враскрутку по горбу ахнули: телесных повреждений не нанесли, а поток сознания вышибли...

-Воды? – Заботливо спросила Ляля.

Долгожитель безмолствовал.

Ляля скушала помидорину, взяла из вазы другую и положила на блюдечко перед Долгожителем:

-Закуси, сама мариновала!

Долгожитель сидел истуканом.

-А!.. – Догадалась Ляля. – После первой не закусываешь!

Она налила полные стопки, выпила и... снова ссильничала гостя: зажала его стройное тело в своих объятиях и шаловливо влила водку в немое чело.

Долгожитель дёрнулся, выпучил глаза и открыл рот... задышал часто.

-Что? – Поинтересовалась Ляля. – Не пошла?

Долгожитель помотал головой.

-Так бывает с отвычки, - Участливо сказала Ляля. – Пройдёт. Первые три комом, остальные ласточкой! Сейчас повторим!

Долгожитель в ужасе отшатнулся и забубнил безостановочно, будто прорвало его:

-Прекрати... это ужасно... о, боже... это невозможно... отпусти меня... я пойду...

-На борону, что ль? – Удивилась Ляля. – Туда никогда не поздно.

Долгожитель ощутил в голове странное движение – будто извилины заизвивались в попытках выпрямиться под действием некой горячей волны, разлившейся под черепом. Рот приоткрылся, и вдруг разразился

потоком слов! Текли, как фарш из мясорубки. Ляля сначала испугалась, но быстро успокоилась и с весёлым интересом слушала извергаемые речи. Оказывается всех, и её тоже, на каждом шагу подстерегают опасности: образующиеся от поедания жиров холестериновые блямбы закупоривают сосуды, сахар сокрушает зубы, соль разъедает почки и ткани, мясо и рыба изобилуют страшными ядами всех времён и народов, от хлеба черствеют мозги, углеводы и жиры откладываются на теле напластованиями смертоносного жира, а белки в наш век практически не нужны из-за повальной компьютеризации всей страны... И только поедание сырых овощей и голодовки способны спасти Россию.

Ляля с перепугу съела полкурицы и принялась за сыр.

А Долгожитель распался всё больше. Он стал стучать кулаком по столу (чего с ним не случалось никогда) и потребовал, чтобы Ляля немедленно сделала себе клизму, пока не погибла от токсинов, содержащихся в сыре и курице.

-Да ты что, Лёша... - покраснела Ляля. – Что ж это ты говоришь... Чепуха какая-то...

-Ты!? Мне!? Не веришь!? – Ошеломился Долгожитель. – Да ты!.. Да я!.. Всей жизнью!..

Он встал, остекленело посмотрел на хозяйку и ринулся к выходу...

-Куда ты!?! – Жалобно крикнула Ляля. – Лёша, стой!..

А Лёша, почуявший всплеск эйфории и необыкновенный прилив сил, уже бежал по загаженным коридорам малосемейки, выскочил на улицу и понёсся в неизведанную даль. В голове его ревели органы и пели торжественные хоры, окружающая среда утратила привычные краски, и на смену им возникли яркие сполохи самых невероятных расцветок. Прохожие испуганно шарахались от странного подростка с лицом пожилого индейца, в комнатной одежке и тапочках несущегося по морозу. А в воспалённых мозгах Долгожителя кипело ликование: к нему вернулся его нетленный Дух! Радость, счастье, экстаз переполняли его с головы до ног! Хотелось немедленно поделиться ими со всем миром! Выбежал на проспект, непостижимым образом взлетел на киоск возле гастронома и закричал пронзительно, как не кричал никогда в жизни:

-Народ!!! Я – Долгожитель!!!

Народу было мало, человек десять топтались на остановке, да вокруг слонялись отдельные фигуры. Они и уставились на оратора недоумевающими взорами.

-Ура!!! – Вскричал Долгожитель. – Я – Долгожитель!!!

-Ну и чо с того? – Спросил снизу мужик в рубероидном пальто. – Обмараться и не жить теперь?

-Я – Долгожитель!!! – Упорно вёл свою партию оратор.

-Оно и видно, что зажился! – Уела бабка в ватнике. – Нет на тебя холеры, алкаш проклятый! Ишь, нажрался до белой горячки средь бела дня!

Довыкрикивать тезисы Долгожителю не дали: рядом тормознул милицейский уазик, оратора скинули с крыши в сугроб, потом запихали в машину и увезли.

В сознание Долгожитель пришёл в незнакомом помещении. Всё внутри болело и стонало, память заклинило на одном воспоминании:

«Народ, я – Долгожитель!» Что за народ, почему народ и зачем ему докладывал, что он Долгожитель, Долгожитель так и не знал...

Осмотрел помещение. Оно отличалось от его малосемейного логова только размером, количеством топчанов и отсутствием в них гвоздей: двенадцать продавленных одров торчало на цементном полу среди голых бетонных стен. Занят был один – лично Долгожителем.

Где я? – Задал он себе вопрос и не сумел на него ответить. Увидел железную дверь с дырой посередине, преодолевая дурноту подкрался и слабо сипнул в неизведанную даль:

-Есть кто?

Безмолвие было ему ответом.

Он сипнул ещё.

Тишина.

Потом что-то загрохотало вдалеке, слышались крики, мат, опять грохот... Долгожитель в ужасе юркнул на своё ложе.

За дверью слышались грохочущие шаги, они приближались всё ближе, ближе... Вдруг дверь открылась, в светлом её проёме нарисовался милиционер. Он сделал шаг влево, а правой рукой втолкнул в комнату голого человека в одних трусах. И захлопнул дверь.

-Козлы! – Возвестил полуголый человек. – Все менты козлы и замудонцы! Плевать я хотел на вас и на ваш трезвяк!

Он принялся бегать по камере, выкрикивая неодобрение невидимым противникам, выматерил заочно министра внутренних дел, потом вернулся к двери и принялся тарабанить в неё кулаками и пятками.

-Что надо!? – Раздалось за дверью.

-Курить! Дай мои сигареты и спички!

-Обойдётся. – Ответила дверь и за неё зацокали удаляющиеся шаги.

-Козлы!!! – Страшно закричал человек и принялся с новой силой биться в дверь. Снова приблизились шаги за дверью, тот же голос спросил в дыру:

-Тебя унять, или сам уймёшься?

-Курить давай!

-В вырезвители не положено.

-Это не вырезвитель, а гестапо! – Вскричал человек.

Дверь отворилась, в проёме снова нарисовался тот же милиционер, он резко, без размаха удалил возмутителя спокойствия кулаком в лицо: чпок! – хлёстко прозвучал костно-мясной звук. И человек упал. Дверь захлопнулась. Человек поднялся, доковылял до ближайшего лежака, лёг и затих.

Долгожитель от ужаса и отвращения зажмурился крепко-накрепко и рефлекторно стал медитировать... но мозг предупредил: « Функция медитации утрачена». Пришлось лежать без надежды вырваться из цепких когтей поганой действительности. Сознание томило смутное ощущение, что он где-то в забытии, предшествующем пробуждению, встречался со своим Духом. Но вспомнить ничего определённого не мог. И не мог вспомнить, как он угодил в вырезвитель: предшествующие сцены стёрло в памяти.

Камера постепенно наполнялась, стало шумно. Пьяные люди мотались туда-сюда, громко разговаривали, матерились, кто-то спал и

вскрикивал во сне: « А тебя, курва, я бить не буду, так затрясу!.. Пол, нет!?!..»

К ночи все тапчаны были заняты и прибывающих клиентов стали подкладывать к прежним – по двое на один лежак. К Долгожителю под бок сунули пузатого деда с веникообразной бородой, и тот вытеснил миниатюрного Долгожителя с лежака. Встал Долгожитель возле бывшего своего ложа и стал топтаться на цементном полу, не зная, что предпринять. Попробовал отодвинуть деда к краю тапчана, но не осилил, слишком много дерьма оказалось в том и слишком мало сил в Долгожителе...

Так и промыкался до утра. Измучился до невозможности. Когда утром отворилась дверь и милиционер приказал Долгожителю выметаться, тот не сразу и сообразил, чего от него требуют. Сержант выволок его из камеры и толкнул вдоль по коридору:

-Шагай!

Долгожитель, спотыкаясь пошёл к письменному столу в конце коридора.

-Садись! – Приказал сержант.

Долгожитель сел

Милиционер достал бумаги, взял ручку и приступил к допросу:

-Фамилия!

-Долгожитель.

-Что-о-о-о!?

-Ой!.. Извините... - Спыхватился Долгожитель. – Щепетильников!

-Имя?

-Алексей.

-Отчество?

-Егорыч.

-Лет?

-Сорок один.

-Место жительства?

-Томск. Гвардейская, восемьдесят семь, квартира тридцать два.

-Место работы?

-Управление геофизических работ.

-Должность?

-Сторож.

-Распишись! – Пододвинул сержант протокол к Долгожителю.

Расписался.

-Плати деньги и выметайся. – Приказал милиционер.

-У меня нет с собой. – Съёжился Долгожитель.

-Вот телефон. – Пододвинул милиционер аппарат к клиенту. – Звони.

Принесут деньги, выпустим.

-Мне некому звонить... - потерянно прошептал Долгожитель.

-Как это некому? – Нахмурился сержант.

-Так.

-Не понял. – Со значением произнёс милиционер. – Ты кому мозги паришь?

-Правда некому... - съёжился Долгожитель.

-Та-а-ак, паренёк... Значит, пить тебе есть с кем, а звонить, чтоб выкупили из вытрезвителя – некому? На халяву переночевал, получается!?

По тону, каким это было сказано, клиент понял, что сейчас его будут бить. И такой животный ужас охватил Долгожителя, лишённого своего Духа, что он затрясся и заплакал навзрыд, да так тоскливо, что сержант вскочил со стула и замахал руками:

-Ты чо!?!.. Ты чо!?!.. Заткнись!.. Заткнись, ... мать!!!

Долгожитель заткнулся, затравленно смотрел сквозь слёзы на сержанта.

-Давай, одевайся и пшёл вон! – Скомандовал сержант. – Вон твои ремки в седьмом шкафу!

Долгожитель трясущимися руками натянул на себя трико, рубашку, сунул ноги в тапочки. И затрусил к выходу.

-Стой. – Приказал сержант. – Ты что, так и пойдёшь по морозу полуголый?

Долгожитель смятенно кивнул.

-Носит же вас, ... алкашей! – Матюгнулся сержант и показал на скамейку у стены. – Сядь пока там!

Долгожитель сел.

Сержант покричал вполголоса в радиотелефон, докричался.

-Поедете мимо отдела, прихватите на Каштак одного хмыря полуголового. – Сказал он в микрофон. – Да, его доставили так...Хрен его знает, орал, что долгожитель какой-то... Нет у него никого в городе... Давай, иначе копыта откинет... Жду.

Минут через пятнадцать Долгожитель трясся в уазике в сторону Каштака. Подвезли к подъезду и ссадили, как из самосвала вывалили:

-Вали! Долгожитель...

Долгожитель вскарабкался по тёмной лестнице на свой этаж, подошёл к двери – она была распахнута настежь. Кражи он не боялся – нечего было красть в его норе – а вот осквернить её могли: или нагадить везде, или ещё как напакостить...

Но всё оказалось в порядке. Только на гвозди тапчана была наколота бумага, на которой значилось: « Лёша что с тобой где ты зайди ко мне Ляля».

И в Долгожителе словно реле сработало: он вспомнил толстую бабу, постучавшую вчера в дверь его жилища, а затем... затем следовал провал в памяти... и снова та баба и жуткие события в компании с ней!.. И снова провал... а в итоге - вытрезвитель...

Вот цена таким знакомствам!

Воспоминания и размышления прервал внутренний зов: еды! В суматохе Долгожитель совсем отбился от регламента, запустил работу над собой. А по расписанию сегодня был конец морковной диете, разгрузочный день, чтобы с завтрашнего дня начать двухнедельную диету доктора Зигфрида – пророщенный овёс по три столовых ложки натошак и три на ночь.

Пришлось усмирять зов бунтующей плоти непреклонным «Цыть, травяной мешок!..» Плоть глупа – эту заповедь Долгожитель читил свято. Для освежения памяти он достал из встроенного шкафа цитатник и принялся изрекать вслух:

-Бенджамин Франклин: «Суровая диета вооружает организм против всех внешних неприятностей».

-Сенека: « Люди не умирают, они убивают сами себя».

-Гиппократ: « Всякий излишек противен природе».

-Овидий: « Полно вам, люди, себя осквернять недозволенной пищей»...

На семидесятой цитате зов плоти иссяк. Долгожитель лёг на гвозди и приказал себе спать. Надо было восстановить силы после изнурительной ночи в вырезывателе. «Баам, Гаам, Заам, Джаам, Наам. – забормотал он универсальное заклинание – Баам, Гаам, Заам, Джаам, Наам»...

Через несколько минут вырубился. Неодухотворённый сон был опять угрюмым и неуютным, как склеп. В нём возникали и пропадали мерзкие рожи неизвестных существ, какие-то ржавые индустриальные пейзажи дыбом вставали из ниоткуда, в багровом горизонте курились чёрные клубы копоти...

Проснулся в состоянии более тягостном, чем до засыпания. Без отрыва от гвоздей достал с подоконника «Руководство по йоге лун-гом-па» под редакцией магистра Махарабрамши и углубился в чтение.

Читалось хорошо. Но усваивалось плохо. Точнее сказать, вообще не усваивалось. У Долгожителя возникло ощущение, будто он пережёвывает буквы, слова, предложения, абзацы, а проглотить не может – встают поперёк горла и, накапливаясь, неряшливой массой вываливаются вовне. Как бывает с забившейся мясорубкой: процесс идёт стоя на месте.

Он оставил чтение и отодрался от гвоздей. Голая спина, тыльные стороны рук и ног, шея, затылок от многолетнего лежания на гвоздях обрели кирзовую фактуру и протёртости, зато выглядели упруго и мужественно, как солдатский сапог.

Вечерело. День угасал, как тлеющие угли.

Дверь отворилась и вошла Ляля. Розовый хитон облегал её полные плечи, а в незатворенном вороте, как две дыни «колхозницы», аппетитно овалились нежные груди.

Долгожитель сомлел.

-Ты куда пропал? – Молитвенно сложила лодочки Ляля. – Я раз двадцать приходила, тебя нет и нет! И дверь открыта, нет ключа запереть! Что случилось, Лёша!?

Это «Лёша» перевернуло Долгожителя изнутри: будто минизаряд взорвался в области груди и осколки смятенья сладкой болью вошли в сердце.

Он моргал и молчал.

-Ой, как у тебя тут... - она затруднилась подобрать подходящее слово для определения оголтелого убожества долгожительского жилища, - нерадостно... Пошли бы лучше ко мне.

Её воркующий голос с призывными интонациями подействовал на очоленевшего Долгожителя, как сирокко на снежного человека: он стал таять...

-Ну, пойдём же, - игриво потянула его Ляля от гвоздильной установки, - ча-а-ай пить будем, то-о-о-ртик кушать! А? – она, как бы нечаянно, мазнула Долгожителя по лицу гривой душистых локонов, - Лёнчи-и-и-ик?

И повела впавшего в прострацию Лёнчика в свой коврово-рюшечный будуар.

Пытку кулинарией Долгожитель выдержал. Не позволил хозяйке будуара накормить его тортом, как она ни изощрялась. И от всей прочей гастрономии отбрыкался.

-Ну, хотя бы стакан чаю! – Взмолилась Ляля. – Ну, нельзя же так, Лёшенька! Хоть за компанию для приличия!..

-Нельзя. – Буркнул Долгожитель, напрягшийся от её «лёшеньки».

-А что ж тебе можно?

Долгожитель промолчал.

-Ну, может мёду с кипятком?

-Мёду?.. – Нахмурил лоб Долгожитель. – Мёд можно иногда, в малых дозах, с водой... Когда придёт время для соответствующей диеты.

-А что сейчас можно?

-Яблочный уксус с водой в пропорции один к трём по стакану натошак три раза в сутки.

-Кисло же! – Ужаснулась Ляля.

-Ну и что? Залпом выпить и не дышать полминуты. Зато все вредоносные бактерии выводятся из микрофлоры желудочно-кишечного тракта.

-Ой! – Озарилась Ляля. – Так у меня ж есть яблочный уксус! Я сейчас!.. – она встала из-за стола и скрылась в кухоньке.

-С кипячёной водой! – Предупредил Долгожитель.

-С кипячёной, с кипячёной! – Горячо заверила хозяйка.

Она налила в гранёный стакан водки до ободка и долила яблочного уксуса. Размешала. И подала Долгожителю.

Он подержал стакан перед собой, сосредоточился и ... залпом выпил. Понедышал полминуты. Глаза его наполнились слезами и медленно вытаращились из орбит.

-Что? – Почему-то шёпотом спросила Ляля.

-Ничего. – Прошептал Долгожитель. – Щас...

Сидел, ошалело глядя прямо перед собой – в бесстыжие очи хозяйки. И не видел их. В голове его возник вакуум, в животе поднялась сначала холодная, потом горячая волна, жар поднялся к груди, выше, проник в голову и она стала кружиться, медленно набирая обороты – окружающая среда поплыла в обратную сторону... Он вцепился в стол.

Коварная хозяйка с любопытством наблюдала.

Алкоголь внедрился во все члены и органы Долгожителя и начал свою подрывную работу.

Сначала перестала вращаться вокруг Долгожителя окружающая среда, вещи встали на своё место. На своём месте сидела и Ляля: смотрела на гостя плотоядным взглядом с поволокой и аппетитно улыбалась.

Долгожитель явственно ощутил, что в него вселился Дух! Непохожий на его прежний... Потом во всех членах и органах аскета возникло небывалое ощущение: захотелось прыгнуть без разбега куда-нибудь! Но не прыгнул, потому-что тут же прыгательное желание сменилось другим: петь захотелось. Долгожитель глубоко вздохнул и выпел незнакомым голосом:

Сегодня мы не на параде,
А к коммунизму на пути!
В коммунистической бригаде!
С нами Ленин впереди!..

-О, господи!.. – испугалась Ляля.

Будет людям счастье!
Счастье на века!
У советской власти
Сила велика!..

- ревел Долгожитель.

Смена его состояний и настроений совершалась каждые несколько минут. Стоило сосредоточиться на одной мысли и начать излагать её, тут же в мозгах начиналось броуновское движение извилин и со всех закоулков головы напозлали другие мысли. Доревел гимн коммунистических бригад и без перехода провозгласил:

-Человек умирает не прожив и половины отпущенного ему срока из-за неводержанности! Он сам сокращает свою жизнь! Все болезни – от вредных привычек! Болезнь – это преступление! Чередование периодов голодания и растительная диета – вот путь человека в вечность!.. Полный покой! Никаких нервов!..

Ляля смотрела испуганно.

Пока она осмысливала предыдущие тезисы гостя, он провозгласил уже другие:

-Одна минута трансцендентальной медитации продляет жизнь на час! Час медитации – на шестьдесят часов!..

-А сколько тебе лет? – невпопад спросила Ляля.

-Мне?.. – сбился с пафоса Долгожитель. – Сорок один.

-И сколько ты промедитировал за эти годы?

-Семь тысяч пятьсот двадцать шесть часов.

-И на сколько, получается, продлил жизнь?

-Не считал... - растерялся Долгожитель.

-А на кой тогда твой спорт, если неизвестен результат?

-Ну... вообще...

-Погоди! – Попросила Ляля.

Она достала откуда-то калькулятор и быстро потыкала пальцем в его кнопки.

-Пятьдесят один год! – Огласила результат. – Плюс твои законные сорок один... это будет девяносто два! Значит тебе уже девяносто два!

-Почему?.. – помотал головой Долгожитель. – Не может быть... Ты неправильно посчитала...

Ляля пересчитала: цифра получилась та же.

Он взял у неё калькулятор и принялся считать сам. Из этой затеи ничего не вышло: вновь пришедшие в движение мозги не давали сосредоточиться на одном действии и всё время подсовывали другие идеи. Палец ещё тыкал в кнопки калькулятора, а хозяин пальца уже забыл о цифрах и озарился очередным начинанием:

-Я за неделю научу тебя правильно жить! – Заверил хозяйку гость. – Сегодня начнём с гвоздей... Пошли ко мне, я тебя на тапчан положу! Сколько ты вешишь?

-Сто.

-Так. Удельная нагрузка должна быть полкило на гвоздь, это будет... это будет...

-Двести гвоздей! – Подказала Ляля.

-Да? А в топчане восемьдесят... А! Это для моего веса! Для тебя я ещё вколочу! Молоток есть, гвоздей навалом! Пойдём!

-Пошли. Только давай ещё чаю выпьем, - попросила коварная женщина.

-Я чай не пью.

-Ну, я выпью. А тебе ещё уксусного раствора налью.

-Ни-ни! – Построжел Долгожитель. – У меня всё строго по времени! Следующий приём утром.

-А я немножко плесну! На донышке! Символически, за компанию! Ладно, Лёша?

И принесла полстакана водочноуксусного коктейля, не дожидаясь согласия. Пока Долгожитель выговаривал протест, мысли его вновь перескочили на другой предмет и он машинально проглотил зелье, вливаемое в него коварными руками Ляли.

Мозги вскипели и направили Долгожителя на совершение очередного подвига: он вдруг поднялся со стула, шагнул в угол и встал на голову. Стоял, как горбыль, чуть касаясь комлем стены. Потом сделал ногами «велосипед».

-Профилактика геморроя! – Авторитетно пояснил он. – Метод тибетских йогов лун-гом-па.

Пока Долгожитель крутил воображаемые педали, Ляля разобрала постель, потушила свет в комнате, разделась. Подошла к Долгожителю, взяла его, как метлу, за две точки и помахала им в воздухе. На этом профилактика геморроя кончилась, последовало самое непредвиденное для Долгожителя: Ляля в секунды оголила его, вжала в себя и увлекла на диван.

Долгожитель, оказавшись в объятиях, забился в попытках освободиться, но неведомая ему сила заставила его затихнуть, странная истома волной пробежала по его аскетическому телу. Подобно тому, как безжизненная пустыня оживает с первыми каплями дождя, алкоголь размочил в Долгожителе ссохшиеся инстинкты и они пробудились...

В кульминационный момент в голове Долгожителя вспыхнули молнии, вспышка невероятного наслаждения опалила всё его существо, он вскрикнул отчаянно и сник. Лежал без признаков жизни. Ляля выждала время, сняла его с себя и положила рядом. Долгожитель безмолствовал.

Ляля успела принять душ, вышла, потолкала его в плечо: безрезультатно. Потормошила ещё: реакции не было. Забеспокоившись, она пощупала у него пульс: пульса не было. Приблизила свое круглое лицо к узкому, как топориче, лицу Долгожителя: дыхания не ощущалось...

«Что же я, дура, наделала!?!» – Запаниковала Ляля.

Она бросилась к телефону и принялась набирать «ноль-два».

Вызвонила. И в ожидании прибытия «скорой» принялась неумело делать Долгожителю искусственное дыхание и ритмично придавливать грудь в области сердца.

Долгожитель не реагировал. Ляля совсем запаниковала и страшно, по коровьи, взрыднула.

Долгожитель не реагировал.

Не реагировал и когда приехала «скорая» и над ним стали хлопотать врач с фельдшером. Вконец подавленная Ляля бестолково объясняла, что и как произошло, но её не слушали, и она притихла.

-Чертовщина какая-то... - пробормотал врач. – Пульс не прощупывается и дыхания не заметно, но он жив! Я чувствую – живой жмурик... А ну, Валера, быстро его в машину! – Скомандовал он фельдшеру.

-Я помогу! – Засуетилась Ляля. – Погодите, одену его!..

В минуту облачила безмолвное тело в одеяния и робко спросила:

-В какую больницу повезёте?

-В первую.

Врач взял саквояж с принадлежностями, фельдшер сунул Долгожителя себе под мышку и медики отбыли.

Ляля осталась одна. Долго сидела в оцепенении.

В это время внизу у подъезда в салоне санитарной «газели» врач с фельдшером подсоединили тело пациента к капельнице и начали вливать в него животворный раствор. Внешне тело никак не отреагировало на вливание. Но когда врач проверил кардиографом работу сердца, на экране обозначилась линия не совсем прямая, местами она топорщилась.

-Вот и гадай, он уже, или он ещё... - пробормотал врач и ворчливо распорядился, - Валера, готовь прямой в сердце...

Прямой укол в сердце ничего не изменил, пациент каким был, таким остался.

-Поехали! – Скомандовал врач водителю. – Вруби сирену.

Долгожителя реанимировали объединёнными силами дежурной смены. Он не очнулся. Но было твёрдо установлено: жив. Приборы обнаружили признаки артериального давления в бесчувственном теле, оно было много ниже нижнего предела, установленного наукой и практикой как граница жизни и смерти, но оно было. Это было особенно непонятно из-за очевидного отсутствия признаков кровопотери, а если её не было, то такого низкого давления в живом человеке быть не могло! А оно было...

И признаки дыхания обнаружили: запредельно минимальное...

Долгожитель безжизненно лежал на каталке. Его, не отключая от капельницы, перевезли в палату интенсивной терапии, и там подключили ещё к системе искусственной вентиляции лёгких.

Шли дни, Долгожитель не очнулся. Несколько раз в больницу звонила Ляля, справлялась о его состоянии, ей отвечали одно и тоже:

-В сознание не пришёл. Прямой опасности для жизни нет. Навещать его пока нет смысла, ждите.

Редчайший клинический случай заинтриговал врачей. Его смотрели признанные специалисты, авторитеты, светила, корифеи. Консилиумы-коллоквиумы давали неединодушный, но перевешивающий результат-мнение: летаргия.

Прошла неделя. Месяц. Год. Долгожитель спал. Сначала о его состоянии справлялись Ляля и представители профсоюза

геофизического управления, приезжали родители из Кемерово и брат Анатолий из Москвы. Потом иногда позванивали только родители. Потом и они перестали: врачи откровенно говорили, что летаргия может продлиться неопределённо долго, возможно - на всю оставшуюся жизнь...

Шли годы. Долгожитель спал. О нём постепенно забывали.

Не могла забыть его Ляля. Она вспоминала о нём часто.

Долгими бессонными ночами Ляля в стотысячный раз проклинала тот день и час, когда, наслушавшись рассказов своего брата, Дмитрия Ярославцева, о каком-то его коллеге-чудаке по кличке Долгожитель, который оказался ещё и её соседом по дому!.. И она, дура, поспорила на ящик шампанского, что распропагандирует этого Долгожителя, и вернёт его к нормальной человеческой жизни...

Воспаление лёгких.

Плотник Вилли Ольденбургер отличался традиционной немецкой педантичностью. Если настлал полы, то без зазора, тика в тик. Крыльцо у барака сколотит – сплошное деревянное зодчество с перилами без зазубрин. И так во всём. Сказывалась порода в потомке обрусевших немцев Ольденбургере Вилли Эриховиче, которого на нефтепромысле знали как просто Вилли.

Он и к хворям-то относился как-то не по-русски: простыл на работе, и, вместо того, чтобы изгнать простуду вливанием водки, пошёл в медпункт! А какая медицина может быть в вахтовом посёлке среди тундры за двести вёрст от ближайшей больницы? Именно такая она и была: медпункт размером три на четыре, кушетка, стул, стол, а за ним фельдшерица Надя на седьмом месяце беременности. Всё. Сюда и явился Вилли.

Надя отложила вязанье, посмотрела на пришельца светящимися глазами и предупредила:

-Больничных не даю.

-Я и не прошу. – Заверил Вилли.

-А зачем тогда пришёл?

-Плохо себя чувствую, простыл, кажется. Вчера на морозе работали, жарко показалось, телогрейку скинул...

-А-а-а... Это мы сейчас.

Смеряла ему температуру: тридцать семь и пять. Достала из письменного стола упаковку аспирина и вручила больному:

-Попробуй. Хуже будет, приходи, выпишу направление в санчасть.

Он и пришёл на другой день:

-Не помогают таблетки

Надя снова его сосчитала: тридцать восемь.

Выписала направление в санчасть и вновь занялась вязанием.

Вилли пошёл в общежитие собираться в дальний путь. Приготовил «присутственную» одежду: пальто, ондатровую шапку, меховые ботинки...

Наутро он вне конкурса проник в первый вертолёт до Города и через пару часов уже тусовался в толпе перед регистратурой санчасти. Добыл талон к терапевту. Высидел три часа в очереди. И попал на приём. Женщина-терапевт выписала ему рецепты и направление в процедурный кабинет на уколы. Вилли пошёл в аптеку, купил лекарства и пошёл в процедурный кабинет колоться. Оказалось – опоздал: время работы кабинета закончилось.

-Приходите завтра. – Утешила его медсестра.

Деваться Вилли было некуда. Надо было ехать в аэропорт в надежде попасть на последний вертолёт до Посёлка. Потоптался на морозе у автобусной остановки в напрасном ожидании автобуса, озяб и рванул в аэропорт пешком: всего-то пять километров...

Аэропорта он достиг одновременно с автобусом.

На последний рейс до Посёлка Вилли опоздал, но на борт его взяли: диспетчерша докричалась до вертолёта по радио раньше, чем тот оторвался от морозной бетонки, и командир согласился подождать несколько минут. Вилли рванул к ревущему на взлётно-посадочной полосе МИ-восьмому, сквозь ледяной поток воздуха от винтов

продавился к открытому люку с выброшенной стремянкой и бросил себя в алюминиевое нутро вертолёта. Взлетели. За бортом было минус тридцать пять, в салоне – минус тридцать три. На половине пути Вилли раскаялся в том, что облачился в неуместные здесь пальто и ботинки: мороз доставал до самых костей. С тоской думал о привычных валенках на три размера больше ноги с портянками из шерстяного одеяла, и ватном метеокостюме непрошибаемой толщины.

Долетели. Задубевший Вилли доковылял до общежития и упал на койку, не имея сил раздеться. Оттаивал...

Утром проснулся совсем разбитый, бросало и в жар, и в холод одновременно. Прокашлялся, и, забыв вчерашнюю тоску, вновь надел пальто и ботинки. Снова поковылял к вертолётной площадке: лететь в город на уколы. На первый рейс не попал, пришлось ждать следующего. Распарился в комнатке ожидания диспетчерской и задремал. Очнулся от женского крика:

-Шикльгрубер! Тебе особое приглашение!?

Вилли открыл глаза, недоумённо поозирался: в помещении он был один.

-Тебе, Шикльгрубер! Тебе! – Рывнула из амбразур диспетчерша. – Дуй на посадку!

-Я не Шикльгрубер! – Прохрипел Вилли. – Я Ольденбургер!

-Один хрен! Шевелись, тебе говорят!

Вилли выкатился на волю, затрусил к ревущему вертолёту.

Взлетели.

В процедурный кабинет городской санчасти Вилли попал своевременно, получил укол в ягодицу и предложение приходить завтра.

Зачехлился и подался в аэропорт в надежде улететь в посёлок.

Улетел.

На другое утро надо было снова лететь на уколы, но не было сил подняться: Вилли весь горел изнутри, кашель стал надсаднее и разрывал грудь.

-Хлебни горячего чифира с водкой! – Предложил товарищ по топору Жора. – Замесить?

Вилли отрицательно покачал головой.

-Зря, - укорил Жора. – Это лучше твоих таблеток и уколов.

-Врач лучше знает, - твёрдо стоял на своём Вилли.

Жора укоризненно покачал головой и ушёл на работу. Вилли полежал, сосредоточился и стал собираться. Собрался. И пополз к вертолётке...

Улетел.

Добрался до санчасти. Получил укол в зад. Получил наказ прийти завтра снова. Подался в аэропорт.

В посёлок вернулся чуть живой.

Пробредил ночь в жару и ознобе, утром снова направился на уколы.

Уколотся. Получил наказ явиться завтра для продолжения лечения. Подался в аэропорт и стал ждать «борт» в Посёлок.

Когда стало темнеть, диспетчер объявила, что рейс отменяется.

Вилли стал размышлять между приступами кашля, что делать. Вырисовывалось одно: козь негде ночевать, надо идти на зимник и добираться в Посёлок попуткой.

Сел а автобус, доехал до Города, вышел и потопал к зимнику. Притопал. Там уже танцевали на снегу два азербайджанца в кожаных куртках и остроносых ботинках. Вилли сел на выброшенное кем-то колесо от «кировца» и стал ждать.

Машин не было. Зимник будто вымер. Подошёл ещё мужик в унтах и шубе, поинтересовался, давно ли нет попутки.

-Я полчаса жду. – Сказал Вилли.

-А эти? – Кивнул мужик в сторону азербайджанцев, подпрыгивающих вверх метра на полтора от дороги.

-Когда я подошёл, они ещё танцевали. – Сказал Вилли.

-Значит давно...

Мужик бросил рюкзак на снег и принялся стаскивать в кучу разный деревянный хлам, в изобилии валяющийся вокруг: битые поддоны, ломаные ящики... Сунул в кучу скомканную газету и поджёг.

Костёр разгорелся на глазах. Остекленевшие от холода азербайджанцы кинулись к огню и стали совать прямо в пламя попеременно то руки, то ноги...

-Куда это вы так вырядились? – Поинтересовался у них утеплённый мужик.

-А-а-а... На Вах... - с трудом выдавил из себя один, другой молча кивнул.

-Да как же вы доедете?

-А мы уже не поедим... Сейчас оттаем и побежим в гостиницу...

-Это дело. – Одобрил мужик.

Стемнело. Попутки не было. Пламя костра освещало замороженное пространство, хилые сосёнки неподалеку, четверых путешественников. Двое из них отогрели конечности и быстро побежали прочь, к огням большого города. Двое остались.

-Меня звать Костя. – Сказал мужик в тулупе.

-Меня Вилли. – Сказал Вилли.

Попутки не было. Подошёл ещё один хорошо укутанный человек, поинтересовался, давно ли ждут.

-Часа два. – Сказал Вилли.

Стали ждать втроём.

Подошли ещё двое.

-Часа три уже нет машин. – Предупредил Костя.

Стали совещаться, стоит ли вообще ждать, и не лучше ли вернуться по домам пить водку.

Вилли обречённо молчал и глухо кашлял в кулак.

И тут их города на зимник свернула машина! Свет её фар преобразил унылое пространство и наполнил его надеждой. Все ринулись на дорогу и замахали руками.

Остановился допотопный автобус с «носом», ободранный и измятый до невозможности, без одного стекла сбоку. Водитель отворил дверь и, перекрывая истошный вой двигателя, прокричал:

-Мужики!.. Печка не работает!.. Ехать не рекомендую!.. Из ремонта гоню колымагу!.. Сам не знаю, доеду ли!..

-Как-нибудь доедем!.. – Дружно загалдели попутчики и попрыгали в обмороженное нутро автобуса.

Помчались. Водило, укутанный с головы до ног, в огромных рукавицах, гнал дребезжащий аппарат в ночь, время от времени

протирали стекло перед собой смоченной в антифризе тряпкой и громко материли каких-то «козлов», за полгода нахождения автобуса у них в ремонте не сделавших никакого ремонта...

Вилли коченел на переднем сиденье и кашлял, кашлял, кашлял, надсадно и душераздирающе.

Он замерзал. Тепло стремительно уходило из тела, руки и ноги сначала теряли чувствительность, потом стало ломить... И кашель содрогал уже беспрерывно.

Он поднялся, встал на ступеньку у двери, чтоб не задевать головой потолок, и стал шагать на месте, в расчёте отогреться.

-Ты что? – спросил водитель.

-Замерзаю... Ногам конец...

... - выматерился водило. – За каким ... ты пошёл в такую даль при таких экипировках? Сидел бы дома!

-Я не местный, из Новосибирска. Вахтую в посёлке. А в вашем городе в санчасти лечусь...

-Что?.. – Не понял водитель. - Как так – лечусь?!

-От воспаления лёгких. На уколы ездю. Каждый день. На вертолёт сегодня не успел...

-На уколы!?! Каждый день!?! За двести вёрст!?!

-А что делать...

-Ох... можно. – Прокомментировали сзади попутчики.

Вилли усилил топтание на месте, но ноги не согревались. Становилось страшно. И кашель, кашель, кашель раздирали грудь изнутри...

-Мужики! – Обернулся к попутчикам водитель. – Мы ж его мороженым привезём... Если ещё привезём.

Одной рукой держа руль, другой он дотянулся до рюкзака, лежащего рядом, вытащил термос и протянул Вилли:

-Грейся! Свежесваренный!

Вилли попытался взять термос, но руки не слушались, вместо нормальных движений получалась заторможенная суета.

Кто-то из попутчиков успел подхватить падающий термос, отвинтил крышку и плеснул в неё парящего чая.

-Держи! – Скомандовал водитель, вынув из-за пазухи бутылку водки. – Плесни в чай и влей в этого мудилу!

-У меня есть... - Мужик вытащил из-под шубы бутылку, ловко свернул ей голову и, не расплескав ни капли, влил в чай дозу.

Двое других попутчиков приняли участие в спасении замерзающего. Общими усилиями влили в коченеющего Вилли зелье и замитинговали:

-Прыгай! Прыгай, не стой!.. Шевелись, ... твою мать!.. Ты чем думал, когда рядился в эту шинель и штиблеты!?! Да разве ж можно так!?!

Зелье горячей волной растеклось по коченеющим членам и вселило надежды. Вилли маршировал на ступеньке, автобус нёсся в ночь, скрипя сочленениями, попутчики, включая водителя, на ходу допили бутылку водки и откупорили вторую. Снова смешали водку и крепкий чай в термосной крышке и влили лошадиную дозу зелья в Вилли, игнорируя его протесты.

И снова выпили сами. И дружно принялись понукать Вилли:

-Не стой!.. Шевелись!.. Шевелись!..

Вилли чувствовал, что уже ничего не чувствует. В голове у него потеплело, остального тела как и не было.

Мужики не унимались. Они откупорили третью бутылку водки, влили в Вилли ещё одну конскую дозу зелья и выпили водки сами. И продолжили понукать:

-Шевелись!..

Вилли устал, поднялся со ступеньки и хотел сесть на сиденье, но мужики не дали:

-Ты это дело брось, паренёк! Прыгай, пока не согреешься! Хочешь зажмуриться в этой бочке?.. Шевелись, чтоб кровь бегала!

Вилли вернулся на ступеньку и принялся вяло переминаться с ноги на ногу.

-Веселей!.. – командовали попутчики. – Веселей! А ну, кому говорят!?

Ближний мужик поднялся с сиденья и поддал Вилли кулаком в бок:

-Веселей!

Вилли затопал чаще.

Мужик понаблюдал и снова поддал ему в то же место:

-Резче!..

Ничего уже не соображающий Вилли наддал. Мужики и водитель выпили за его здоровье и стали наперебой охаивать его за легкомысленную экипировку, потом влили в него ещё дозу чифироводочного зелья, и поочерёдно стали взбадривать его кулаками под бока:

-Резче!.. Резче, мать твою ...!

Автобус с воем нёсся сквозь ночь, а в его замороженном чреве прыгал избиваемый грубыми мужиками обрусевший немец Вилли Ольденбургер. Он никак не мог остановиться: адская смесь подействовала на него одновременно и оживляюще и отупляюще, в теле обозначилось потепление, ожили члены, а голова стала пустой, как бубен, в ней, вытесняя всё рациональное, с нарастающей силой плескались топорные ритмы эстрадного шлягера эпохи неразвитого социализма: « Хмуриться не надо, Лада!.. Хмуриться не надо, Лада!..»

-Асса!.. – Крикнул вдруг Вилли и подпрыгнул до потолка. – Нэ падхады, зарэжу!!!

И он вдруг выдал такую лезгинку, что мужики отпрянули.

-Ожил! – Одобрил водитель. – Я ж говорил, что супротив чифира с водкой нет силы! Динамит! Смотрите, чтоб не выпал!

Вилли оттащили от двери и усадили. Свернули голову следующей бутылки. Вилли тоже выпил. И запел:

-Сте-е-епь да сте-е-е-епь круго-о-о-о-м, путь далё-ё-ё-ёк лежит...

-В то-о-ом степу-у-у глухо-о-ом за-амерза-а-ал ямщи-и-и-и-ик! – подхватили попутчики.

Обмороженная колесница ворвалась в посёлок и с воем устремилась к общежитию строителей. Водитель вовремя тормознул, но уклон и наледь плохо держали лысую резину колёс, автобус с грохотом влетел в тесовые сени, пробил их, воткнулся битым рылом в дверной проём и в нём заклинился.

На шум сбегались обитатели общежития и в изумлении окоченевали у входа.

Водитель высунулся в окошко и крикнул:

-Эй, кореша! А, ну, толкните спереди!

Толкнули. Автобус выкатился вон, и в открытый проём в общежитие ринулся морозный воздух.

-Э!.. Эй!.. Стой, козёл!.. – Заорали опомнившиеся жители. – Ты чо, в натуре!.. Держите его, курву!..

Было поздно: автобус развернулся и понёсся в обратную сторону прочь от посёлка. Из пустых его окон вылетал дружный рёв:

-Вот мчится тройка удала-а-а-ая по Волге матушке зимо-о-о-о-ой!..

В нескольких верстах от посёлка песня кончилась, и из окна вынесся клич:

-Наливай!..

Расплеснули ещё бутылку и выпили, не снижая скорости. Водитель резко тормознул, автобус закрутило на дороге, он вышел из вращения, развернувшись в противоположную сторону, и ринулся назад к посёлку.

Носились, пока не кончилась водка.

Наутро Вилли проснулся в своей постели. Рефлекторно приготовился кашлять, но не кашлялось. Подышал глубоко: грудь не болела. Встал. Помотал головой: не болела.

Проснулся Жора, посмотрел на приятеля понимающе, поинтересовался:

-Похмеляться будешь?

-Зачем? – Не понял Вилли. – Ты же знаешь, я не пью. И не похмеляюсь.

-А после вчерашнего?

-Чего вчерашнего?

-Ну, ты даёшь... Тебя чем укололи в городе?

-Забыл название.

-Вылечили?

-Да, вроде, ничего не болит. Вот что значит уколы уколы! Только странно как-то в голове после них... будто пусто там...

-Ты помнишь, как здесь оказался? – Поинтересовался Жора.

-Нет. У меня ж бред в автобусе начался.

-А ты хоть что-нибудь помнишь?

-Да. Помню, как замерзать стал. Проваливался куда-то, а кто-то мешал мне...

-А дальше?

-Дальше ничего не помню... Может от холода это?

-Может. – Покачал головой Жора. – До того ослаб ты, что мы тебя из автобуса вчетвером сюда принесли.

-Реакция на уколы, - умно посмотрел на Жору Вилли. – Воспаление лёгких – это тебе не хухры-мухры! Хорошо, хоть так обошлось. Могло быть хуже.

-Верно, - согласился Жора. – Хорошо, что воспаление твоих лёгких обошлось только сломанными сенями. Начальник промысла не стал шум поднимать, распорядился восстановить их за ваш счёт.

-Какие сени? Какой счёт?

-Деревянные сени. Которые вы снесли вчера автобусом, когда носились по промыслу, и базлали, как очумелые. Начальник велел разделить сумму ущерба на всю компанию поровну, чтоб никому не обидно было. Вычтут из зарплаты.

Вилли открыл рот и молча моргал глазами.

-Ну, что чешешься? - Укорил Жора. – Собирайся на работу. Нам с тобой и поручили восстанавливать эти сени.

2002